

ДОПУСК

К

ЕГЭ

ПРАКТИКУМ

**ДЛЯ ПОДГОТОВКИ
К ИТОГОВОМУ СОЧИНЕНИЮ
В 2015-2016 учебном году**

- Тематические направления и рекомендации к ним
- Аспекты направлений
- Тексты-аргументы
- Задания к текстам, направленные на обучение формулировать тезисы сочинений
- Тезисы-ответы

ЕДИНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭКЗАМЕН

Т. Н. Назарова, Е. Н. Скрипка

ДОПУСК К ЕГЭ

Практикум

для подготовки

к итоговому сочинению

в 2015-2016 учебном году

Тематические направления и рекомендации к ним

Аспекты направлений

Тексты-аргументы

*Задания к текстам, направленные на обучение
формулировать тезисы сочинений*

Тезисы-ответы

Издательство
«ЭКЗАМЕН»

МОСКВА
2016

УДК 372.8:821.161.1

ББК 74.268.3

Н19

Назарова Т. Н.

Н19 Допуск к ЕГЭ. Практикум для подготовки к итоговому сочинению в 2015–2016 учебном году / Т. Н. Назарова, Е. Н. Скрипка. — М. : Издательство «Экзамен», 2016. — 302, [2] с.

ISBN 978-5-377-10434-6

Пособие содержит материалы, необходимые для подготовки к написанию итогового сочинения в 11 классе в 2015/2016 учебном году по пяти заявленным направлениям: «Время», «Дом», «Любовь», «Путь», «Год литературы».

В издании представлены тексты из художественных и публицистических произведений и набор заданий, которые помогут учащимся использовать то или иное произведение на экзамене в качестве аргумента для иллюстрации своих тезисов.

Примерные формулировки тезисов приведены в Ответах.

Приказом № 729 Министерства образования и науки Российской Федерации учебные пособия издательства «Экзамен» допущены к использованию в общеобразовательных организациях.

УДК 372.8:821.161.1

ББК 74.268.3

Формат 60х90/16. Гарнитура «Таймс». Бумага газетная.

Уч.-изд. л. 13,33. Усл. печ. л. 19.

Тираж 5000 экз. Заказ № 9310.

ISBN 978-5-377-10434-6

© Назарова Т. Н., Скрипка Е. Н., 2016

© Издательство «**ЭКЗАМЕН**», 2016

Содержание

Предисловие.....	4
Часть 1.....	5
Время	5
Дом.....	25
Любовь.....	72
Путь.....	138
Год литературы.....	173
Часть 2.....	234
Ответы.....	271

Предисловие

Как известно, темы для итогового сочинения в 11 классе в 2015/2016 учебном году будут даны по 5 направлениям: «Время», «Дом», «Любовь», «Путь», «Год литературы».

Безусловно, в первую очередь эти темы ориентированы на те произведения русской классической литературы XIX–XX веков, которые изучаются в школе. Однако мы хотели бы выйти за рамки школьной программы, расширить круг произведений, которые могли бы использовать выпускники, и предложить художественные и публицистические тексты российских и зарубежных писателей преимущественно XX и XXI веков. Тексты эти сгруппированы по указанным направлениям, что облегчает использование данного пособия. Поскольку темы даны очень широкие, а тексты, особенно художественные, многоаспектны, естественно, что всякое деление текстов в соответствии с направлениями условное: мы старались с помощью конкретных произведений проиллюстрировать каждое из направлений. При подборке текстов мы исходили из своего понимания указанных понятий. Учащиеся и учителя могут воспользоваться этими текстами исходя из собственных представлений и своего прочтения текстов.

После каждого текста есть стандартный набор заданий, которые помогут учащимся использовать то или иное произведение на экзамене в качестве аргумента для иллюстрации своих тезисов. Первое задание (Какой аспект направления раскрывается в данном тексте?) предполагает определение основной темы текста и связь ее с основным направлением (например, в направлении «Любовь» это может быть «Любовь к Родине» или «Любовь к матери»). Второе задание связано с одним из основных умений, которое проверяется на этом экзамене, — умением формулировать свои мысли по предложенной теме. Поэтому основное задание в пособии связано с формулировкой тезиса, который можно было бы подтвердить тем или иным текстом. Примерные формулировки тезисов приведены в Ответах.

Во второй части пособия даны тексты, в которых совмещается не менее двух понятий, соответствующих тематическим направлениям. Задача учащихся — определить эти направления. Выполнять это задание удобнее, заполняя таблицу, помещенную в конце этой части.

Надеемся, что наше пособие поможет и учащимся, и коллегам-учителям в процессе подготовки к итоговому сочинению в 2015–2016 учебном году.

Желаем успеха!

ЧАСТЬ 1

ВРЕМЯ

«“Время” — направление ориентировано на широкое осмысление времени как исторической и философской категории, воспринимаемой во взаимодействии сиюминутного и вечного, реального и воображаемого, личного и всеобщего, прошлого и будущего. В центре рассуждения — человек и время, общество и эпоха». (Из комментариев ФИПИ)¹

Как нам представляется, данное направление связано прежде всего с влиянием эпохи на формирование личности, мировоззрения человека, на поведение человека в тех или иных жизненных ситуациях. Поэтому в данном разделе предлагаются тексты, герои которых, попав в очень непростые ситуации, определяемые эпохой, политической ситуацией в стране, делают осознанный нравственный выбор и ведут себя либо независимо от того, что диктует им время, либо подчиняясь его законам.

I.

* * *

Времена не выбирают,
В них живут и умирают.
Большей пошлости на свете
Нет, чем кланчить и пенять.
Будто можно те на эти,
Как на рынке, поменять.
Что ни век, то век железный.
Но дымится сад чудесный,
Блещет тучка; я в пять лет
Должен был от scarlatины
Умереть, живи в невинный
Век, в котором горя нет.
Ты себя в счастливы прочишь,
А при Грозном жить не хочешь?

¹ см. сайт ФИПИ: <http://www.fipi.ru/>

Не мечтаешь о чуме
Флорентийской и проказе?
Хочешь ехать в первом классе,
А не в трюме, в полутьме?
Что ни век, то век железный.
Но дымится сад чудесный,
Блещет тучка; обниму
Век мой, рок мой на прощанье.
Время — это испытанье.
Не завидуй никому,
Крепко тесное объятье.
Время — кожа, а не платье.
Глубока его печать.
Словно с пальцев отпечатки,
С нас — его черты и складки,
Приглядевшись, можно взять.

(А. Кушнер*)

* *Кушнер Александр Семенович (род. в 1936 г.)* — современный российский поэт.

1. Какой аспект направления «Время» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

II. Мое отношение к современности носило в известной мере полемический характер. Я остро не люблю людей, которые хотели бы жить в иные эпохи, минувшие или будущие, — подобный выбор кажется мне немужественным и неблагородным. Смущенные сложностью и остротой современной жизни, эти люди охотно рассуждают о том, что «ушло», и о том, что «еще не вошло». Создается впечатление, что человек тянется к иным временам, потому что в чем-то он

выше, чище, лучше современности. На самом же деле наоборот: современность выше его, хотя бы потому, что для деятельного участия в ней нужны волевые качества, которыми он, увы, не располагает.

(По повести Е. Богата* «Ахилл и черепаха»)

* *Богат Евгений Михайлович (1923–1985)* — советский журналист, писатель.

1. Какой аспект направления «Время» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

III. Уверенность Сократа в бессмертии человеческой души, казавшаяся некогда романтически наивной, воспринимается в духовном времени-пространстве как истина, доказанная опытом тысячелетий. Эрмитаж — история этой истины.

Мне хочется войти в его залы, стоять в долгом молчании перед картинами и статуями... И если мне позволено выбрать первый экспонат, я выбираю статую Марка Аврелия в зале искусства Рима I–II веков нашей эры. Я выбираю его не из-за художественной ценности (в этом же зале есть вещи эстетически более высокие), а по чисто философскому соображению, потому что мысли Марка Аврелия и судьба этих мыслей удивительным, поучительным образом *не совпадают*. Он писал о том, «как быстро все исчезает», а они, его мысли, не исчезли; он говорил, что «самая долгая слава посмертная ничтожна, она держится лишь на некоторых кратковременных поколениях людей», а его собственная слава живет в мире уже около двух тысяч лет; он утверждал, что «следует смотреть на все в жизни человеческой как на мимолетное и кратковременное», а его душевная жизнь волнует нас и сегодня; он советовал: «Чаще размышляй о том, с какой быстротой исчезает все сущее»; он опять и опять говорил о тех, кто посетил мир за ряд веков до него: «Что стало с их жизнью? Она сгинула. Перенесись ко временам Трояна — и опять все то же. Опочила и эта жизнь».

Повторим же и мы: «Что стало с их жизнью?»

Она в нас, в тканях наших душ.

Да, самая загадочная в мире вещь — Время. И может быть, искусство. О Времени говорят, что оно врачует, имея в виду травы забвения. Искусство врачует, потому что оно — *память*. В искусстве ничто не забыто и никто не забыт. Ни те, кто был, ни те, кто будет.

Оно — память, обещание и надежда...

(По эссе Е. Богата «Письма из Эрмитажа»)*

* *Богат Евгений Михайлович (1923–1985)* — советский журналист, писатель.

1. Какой аспект направления «Время» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

IV: Я сегодня думаю об историческом времени. Останавливаясь на минуту перед особняком, где жил некогда Пушкин, или идя мимо дома, в котором умер Гоголь, мы переносимся в эпоху, когда они писали, любили, шутили, путешествовали, и старые стены вызывают в нашем сердце чувство не менее сложное и волнующее, чем в детстве, — занавес в театре при медленно потухающей люстре... Мы, сами не осознавая того, переживаем большие, важные минуты, наша душа наслаждается особым богатством; она живет одновременно в двух веках — сегодняшнем и минувшем. Она вошла в историческое время — совершенно особое, потому что в нем мы становимся вездесущими и бессмертными, как античные боги. Мы можем услышать живой голос Пушкина и увидеть живую улыбку Гоголя и можем пережить ни с чем не сравнимое чувство освобождения от остросовременного, сиюминутного, чтобы потом, вернувшись к нему, по-новому его увидеть, понять и новым смыслом наполнить. Историческое время — это «сегодня» плюс века, плюс тысячелетия; это я плюс миллионы людей, которые до меня жили.

Было бы наивно утверждать, что этих чувств люди не испытывали раньше, что историческое время стало доступным лишь человеку второй половины XX столетия. Конечно, во все века сердце человека хотело вобрать в себя больше, чем отпущено на одну человеческую жизнь. Но, кажется мне, именно сегодня, когда рождается переживание истории человечества как чего-то личного и сама история делается живой человеческой общностью, развивается в человеке совершенно новое чувство, которое можно назвать историческим, — именно сегодня мы входим в историческое время, как входят в море...

Я пишу эти строки на берегу Балтийского моря, недавно было оно покрыто льдом, и не верилось, что это море, думалось: белое холмистое поле. Но вот утром я вышел на балкон, и меня ослепило резко-синее, живое. За одну ночь южный ветер съел лед — море раскрылось.

А через несколько дней в старых соснах, на берегу, пели соловьи.

(По эссе Е. Богата «Бестужевка»)*

* *Богат Евгений Михайлович (1923–1985)* — советский журналист, писатель.

1. Какой аспект направления «Время» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

V. Существует более ста автопортретов Рембрандта; по мере течения лет беднее становилась его одежда, сумрачнее колорит и царственное осанка, как и выражение лица. В самом последнем автопортрете, где образ кажется чуть размытым, точно погруженным в реку Забвения, нелегко узнать того, кто тридцать лет назад сидел с лихо поднятым бокалом вина и с Саскией на коленях. Видимо, последний этот портрет лепили уже непослушные пальцы, а порой кажется, что он вообще нерукотворен, что вещество, с которым руки Рембрандта

имели дело долгие десятилетия, теперь, когда они ослабли, решило, как в фантастической истории Андерсена, послужить ему само. И ночами, когда больной, одинокий художник видел во сне веселую Саскию в доме, наполненном редкостями и чудесами, или мальчика Титуса, рисующего у окна, милое печальное лицо Хендрикье Стоффельс, а может быть, детство на мельнице, сумрачно золотую в столбе солнца пыль муки, чудом и родился этот портрет, дар земли: равнин, холмов, ручьев и деревьев, дар неба, и моря, и добрых людей, дар мира, который он изображал без усталости, когда были сильны руки. Перед этим портретом — в мировой живописи нет ничего подобного — рождается мысль, что кисть его писала сама, в нем нет мастерства, в нем — жизнь.

Почему ни одна из *безмерных* утрат не отняла у него — ни на час! — ни вдохновения, ни мастерства? И даже, казалось, усиливались и мастерство, и вдохновенье.

Умирает божественная Саския, идет с молотка дом, наполненный сокровищами, от картин Рафаэля до морских диковин, навсегда уходят успех, известность, богатство, умирает любимая подруга Хендрикье Стоффельс, уходят, не поняв его, или умирают собратья по кисти, умирает и Титус, единственный сын, а он пишет, пишет, ни на день, ни на час, ни на минуту не оставляя работу, и можно было бы решить, что нет у него сердца, если бы не разрывающая сердце человечность новых полотен.

Я, разумеется, понимал, что утраты и удары судьбы не могут не углубить художника, а работа, любая, утишает боль. Но ведь тут не удар, не утрата, не несчастье, а потрясающие основы жизни катастрофы, атомное опустошение. Можно сочинять музыку или писать картину под артиллерийским обстрелом, но не в Хиросиме же, когда повисла над городом убийственная молния.

Молния термоядерной катастрофы повисла над судьбой Рембрандта, испепеляя саму жизнь, а он при ней, при молнии, с непревзойденным мастерством работал. Рембрандта можно поставить рядом с библейским Иовом и шекспировским Лиром: как и они, он в безумном мире незаслуженных бедствий и невосполнимых утрат обретает мудрость. Но и Иов, и Лир — фигуры легендарные, а Рембрандт совершенно реален. И обретает он мудрость не в сокрушениях сердца и не в размышлениях, а в работе. Испытывая удары, которые, если мыслить

их физически, не вынесло бы ни дерево, ни камень, ни железо, он писал, писал, не останавливая работы ни на минуту. Ему удивлялись, обвиняли в бессердечии, а он пальцами, ногтями, черенком кисти лепил на холсте детей, деревья, женщин, холмы, стариков... жизнь! Он делал самое «ничтожное» возвышенным, в самом «обыкновенном» открывал тайну. И судьба, перед которой отступали и герои античных мифов, была бессильна заставить его опустить кисть.

(По эссе Е. Богата* «Письма из Эрмитажа»)

* *Богат Евгений Михайлович (1923–1985)* — советский журналист, писатель.

1. Какой аспект направления «Время» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

VI. М. И. Муравьев-Апостол с глубоким основанием сказал о поколении декабристов: «Мы были дети двенадцатого года». Война 1812 года дала целому поколению русской дворянской молодежи тот жизненный опыт, который привел мечтательных патриотов начала XIX века на Сенатскую площадь. Отечественная война 1812 года взорвала жизнь всех сословий русского общества, да, собственно говоря, и всей Европы.

Подавляющее большинство русского общества было охвачено резкими антинаполеоновскими настроениями. Они были настолько сильны, что в напряженные моменты войны различие между отдельными идейными группами зачастую смазывалось.

Лев Толстой в «Войне и мире» глубоко проник в динамику общественных отношений и общественной психологии, показав, как вчерашний бонапартизм русских свободолюбцев в момент, когда война перенеслась на территорию России, сменился героическим патриотизмом. Патриотические настроения охватили и мужчин, и женщин.

Война с первых же дней изменила повседневную жизнь армии, создала совершенно новый быт, полностью противоположный довоенному порядку. Русская армия начала XIX века (в отличие от армии петровской и суворовской в XVIII столетии) была «парадной армией». Под бой барабана и звуки флейты она должна была вышагивать, поднимая ногу, как в балете.

Такую армию можно было использовать для блистательной демонстрации вдохновенных изобретений фрунтомании, но для войны она не годилась. 1812 год отбросил подобные представления. Ему не нужна была «армия парадов». Истории стала необходимой народная армия, ей потребовались огромные массовые усилия, массовые жертвы. У войны много разных сторон. Нас интересует поведение человека на войне.

Александр Твардовский писал: *Города сдают солдаты, Генералы их берут.*

Но между генералом и солдатом стоит офицер. В 1812 году это был молодой дворянин. Многие из этих офицеров, собственно говоря, и начнут жизнь на полях сражений. Война создала совершенно новый стиль и темп жизни не только для солдат, но и для офицеров, особенно для тех, чей военный опыт был невелик. К трудностям похода они не успели привыкнуть. Например, если в дни отступления у генералов оставались коляски, денщики, деньги, то младшие офицеры в первые же дни войны все это растеряли: исчезли куда-то коляски, отстали денщики, крепостные повара оказались где-то совсем в других деревнях. А ведь офицеры в ту пору должны были питаться за свой счет, пищу надо было покупать самим — в разоренной стране и, как правило, почти не имея денег. (Не следует полагать, что офицер русской армии в массе своей был богатым. Хорошо обеспеченные молодые люди служили обычно в гвардии, армейский офицер очень часто происходил из небогатой семьи, и денежные его возможности были весьма невелики.) Из дневника генерала Н. Н. Муравьева-Карского мы узнаем о бытовых условиях жизни молодого офицера в начале войны: братья Муравьевы сразу же оказались в прожженных, рваных шинелях; один из них заболел. При отступлении хаты были забиты ранеными, которых просто бросали на произвол судьбы... Все это для молодых людей, которых воспитывали французы-гувернеры и которые проводили детство в Швейцарии, оказалось совсем новым. Но

они увидели в первую очередь не свои невзгоды — они увидели Россию, народные страдания.

Трудно себе представить, насколько изменялась жизнь офицера, попадавшего в боевые условия. На войне само собой отпало множество ненужных, но в мирное время обязательных деталей армейской жизни. Отпали не только парады, но и побудки, потому что на войне никого не будят и никого спать не укладывают — этим занимается неприятель. Здесь уже не требуют с солдат петличек, вычищенных сапог. А главное — офицерская молодежь оказалась гораздо ближе к солдатам. До войны офицер встречался с солдатами как командир роты или батальона. Он приходил на время учений, к восьми утра, а примерно к двенадцати — часу дня он уходил. Дальше солдатами занимался фельдфебель. Теперь солдат и офицер — все время рядом, и мы увидим, какое огромное влияние окажет это на молодежь будущего декабристского поколения.

Между офицером и солдатом уже в период отступления сложились совершенно новые отношения. Их не следует идеализировать: отношения эти во многом выросли на почве крепостного быта. Но помещик и крестьянин были не только врагами. Основной массе крестьян привилегированное положение барина казалось естественным — ненависть направлялась против «плохого» барина. Офицеры для солдат по-прежнему оставались господами, но теперь (а не во время парада!) существование их было осмысленно, мотивированно: воевать без них невозможно. Одновременно и офицеры увидели в солдатах соучастников в историческом событии. Так, отряд Дениса Давыдова начал быстро обрастать крестьянами, и это послужило сигналом к народной войне, которая сыграла столь большую роль в окончательной судьбе наполеоновской армии и еще большую — в перестройке сознания русского образованного человека, дворянина.

Следует отметить и еще одно обстоятельство. Реальный быт всегда располагается в реальном пространстве. Молодые офицеры с первых дней войны были «выброшены» в совершенно новое пространство. В 1812 году (и вообще в ту пору) война была маневренная, подвижная, окопов не рыли, даже в таких больших сражениях, как Бородинское, лишь наскоро сделанные флеши. Для русской армии война началась с отступления: по Смоленской дороге двигалась первая армия, потом, когда она соединилась со второй, вся армия. Ко-

лонна растянулась на 30—40 верст. Кавалерист мог проскакать это расстояние за несколько часов.

Поэтому съездить в соседний полк к приятелю, к брату, к соседу по поместью стало вдруг очень просто: фактически вся офицерская молодежь России была собрана в эти дни на Смоленской дороге. Офицеров сближали и материальные трудности, о которых говорилось выше, и общий патриотический подъем, и общие мысли о судьбах страны. Шли нескончаемые беседы и споры. В них рождался новый человек — человек декабристской эпохи. Просматривая фронтовые дневники и письма молодых офицеров этих дней (написанных зачастую по-французски), мы встречаем здесь напряженные размышления о России, о народе, а рядом с ними — мысли о литературе, рисунки и т. д. Мы с удивлением замечаем, что молодые офицеры в краткие часы ночного отдыха находят время спорить об искусстве, о человеческих нравах и привычках.

Молодые люди читали Шиллера и Шекспира, и они сознают себя свидетелями великих событий. Но при этом анализируют в первую очередь свое к ним отношение.

Не случайно те из них, кто выживет, сделаются романтиками. В ночь после Бородина молодые люди отрывают время от сна, чтобы осмыслить прошедший день, понять и проанализировать свои чувства, сделать военные события фактами самосознания. Мы как бы подсмотрели самую интимную сторону исторического процесса — превращение события в факт мысли.

Именно здесь начинается трансформация исторического действия — войны с Наполеоном — в факт исторического сознания, в события на Сенатской площади.

В 1812 году, конечно, ни один человек в России не мог желать народной революции: это было бы совершенно не ко времени, и этого не было. Надежды возлагались на государя. Но мысль о необходимости свободы, о допустимости — в крайнем случае — и революций приходит в Тарутино в голову мальчикам, которым нет еще двадцати лет. Это — влияние военных событий.

Логическим продолжением этого процесса стало то, что по окончании кампании в Петербурге возникли такие эпохально важные идеологические явления, как независимый патриотический журнал «Сын Отечества», в будущем сделавшийся основным изданием первого этапа декабристского движения. Многие из первых ростков де-

кабризма оформились именно в Петербурге, в беседах вернувшихся из военных походов офицеров.

(По книге Ю. Лотмана* «Беседы о русской культуре»)

* Лотман Юрий Михайлович (1922–1993) — советский литературовед, культуролог.

1. Какой аспект направления «Время» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

VII. Как-то раз, по-моему, это было осенью 1929 года, Михаил Михайлович Пришвин пригласил Леву, своего сына, и меня на заседание редакционного совета издательства «Молодая гвардия».

Пришли в издательство.

Михаил Михайлович начал читать только что законченный рассказ «Полярный роман». Читал он, как всегда, мастерски.

После продолжительного молчания, которое становилось просто неудобным, раздался голос:

— Если позволите, я скажу несколько слов...

Это произнес, поднимаясь, высокий, мешковато сложенный мужчина с огромными, постоянно двигающимися руками. Он начал свою речь вкрадчивым, ласковым голосом:

— Дорогой Михаил Михайлович...

— Кто это? — тихо шепнул я на ухо Лева.

— Осип Брик, — ответил Лева.

— Дорогой Михаил Михайлович! Мы все знаем вас как непревзойденного мастера короткого рассказа. Вы великолепно строите сюжет, у вас все как будто вытекает одно из другого. Вот и сейчас вы представили на наш суд свой рассказ «Полярный роман». Рассказ написан превосходно, все детали очерчены выпукло, как бы просвечивают. Словом, все великолепно. Эту лисицу полярную мы видим как

живую. Но... — он сделал многозначительную паузу. Обвел взглядом собравшихся и продолжал: — Но нет в вашем рассказе того, как это называется... Да, да, духа, советского духа... Вы не улыбайтесь, пожалуйста... Вот, к примеру, вы пишете о вороне, а у вас не чувствуется, что это наша, советская ворона...

— Как, как? — вскричал Михаил Михайлович. — Советская ворона?

— Да, да! — продолжал настаивать Брик. — Именно не чувствуется. Конечно, сердцу не прикажешь... Вот так... Вот и все, что я хотел сказать...

Руки М. М. лихорадочно шарили по столу, собирая листки рукописи. Наконец он встал и попросил слова.

— Это все, конечно, шутки шутили. Я не могу поверить...

— Какие шутки, М. М.? Нам не до шуток.

— Ах, так! — воскликнул М. М. — Ах так! Тогда я должен заявить вам со всей ответственностью: для меня ворона всегда и есть ворона. И точка! Ваши деньги я вам возвращаю, договор — к черту, и чтобы моя нога хоть раз переступила через этот порог... Нет уж, увольте...

Мы шли по улице удрученные. Лева спросил:

— А он рапповец¹?

— Ты о ком?

— Да этот, Брик.

— Наверное... — Дядя Миша опять замолчал, потом воскликнул с каким-то облегчением: — Черт-те что выдумали!

(По книге А. Пришвина «Хозяйка таежной речки»)*

* Пришвин Андрей Сергеевич (1907–1978) — советский писатель, племянник М. М. Пришвина.

1. Какой аспект направления «Время» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

¹ РАПП — Российская ассоциация пролетарских писателей.

VIII. ...Я вновь обошла участок, где когда-то было детство, где маленький, древний русский город Углич приютил нас, детей, в годы гражданской войны и снова принял ленинградских матерей и детей в годы войны Великой Отечественной... а наше поколение уже воевало, обороняло Ленинград, и холод, голод и тьма блокады были сто-кратно страшнее, чем в детстве, в Угличе... и я была на войне, в Ле-нинграде, вместе с папой, как равная... и пришел сверкающий День Победы, и в честь него мы заложили парки, теперь уже почти дрему-чие... А между этими двумя войнами строилась Угличская гидро-станция...

О, какое большое время уложилось в жизнь каждого из нас, какое большое! Его хватило бы на несколько поколений, а приняло его — одно... Сколько событий, и почти каждое — твоя жизнь, сколько горя и радости, неразрывных с горестями и радостями всего народа. И вот не светлое чувство счастья, которое мечтала я встретить здесь, но не-что большее — почти грозное, открытое чувство своей жи-вой *сопричастности*, кровной, жизненной связи со всем, что меня ок-ружает, с тем, что уходит в землю и в воду, и тем, что воздвигнуто и воздвигается над землей и водой сейчас, с теми, кто в разные годы по-гиб за Родину; с теми, кто строил Угличскую гидростанцию; с теми, кто рождается, растет и трудится здесь, в Угличе, в Ленинграде, по всей стране, — это всеобъемлющее сильное чувство, знакомое мно-гим и многим людям, охватило сознание и сердце. И если жизнь моя так неразрывно сплетается с жизнью страны, значит, в ней остается все, вплоть до утрат, и все вместе с родной землей устремляется в бу-дущее, к новым утратам, к новым возникновениям. «Это мое». Нет, это *наше*. И все наше — это мое! Это мое!

(По книге О. Берггольц* «Дневные звезды»)

* *Берггольц Ольга Федоровна (1910–1975)* — русская совет-ская поэтесса, прозаик.

1. Какой аспект направления «Время» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте пред-ложенный текст.

IX. Я отыскала одного старого своего учителя, учителя рисования. Он не помнил меня, конечно, но я вспомнила и даже узнала его, когда пришла в его кирпичный домик на самом берегу Волги.

Иван Николаевич Потехин, художник, старожил Углича, мой старый учитель рисования, одну за другой показывал мне акварели, этюды маслом, рисунки карандашом и пером, изображающие старый, сказочный город, и вдруг так запросто и положил перед глазами этот тонкий рисунок пером, а на нем — детство, зима, счастье, на нем то, что снилось долгие годы, заветное место, к которому я так и не могла прийти во сне и не дошла наяву... А оно, оказывается живо. И вот глядит на меня всей своей неуходящей прелестью. Оно живо, оно сохранено старым художником — этот корпус с нашим окошком, выходящим к липам и зимнему дворику. Как догадался он, что этот скромный рисунок так нужен будет чьему-то сердцу? Радость встречи этой, подаренной искусством, была вероятно, глубже той, которую ждала я от жизни... Нет, не за прошлое держался старый художник, запечатлевая и этот угол монастырского двора, и стоящий теперь на дне Угличского водохранилища Паисьевский монастырь XV века, фиксируя облик Углича до возведения рядом с ним плотины, гидростанции, шлюза. О потомках, о будущем думал он, о наследниках, которые придут сюда принять все свое наследство и пожелают увидеть, а что же тут было много-много лет назад. Он думал, как большинство встреченных мною людей, не только о завтрашнем дне, но и о Большом Времени, простирающемся далеко в будущее. Не мешает это, а помогает ему творчески, озарённо работать для дня сегодняшнего. Вот он ходит по деревням, зарисовывая старинную, еще сохранившуюся кое-где резьбу наличников, подзоров, коньков, — ведь резчики по дереву, как и гончары, здесь почти исчезли. Исчезают и образцы. Но они должны быть сохранены — чудесные в простоте, первородности и естественном изяществе образцы! Должны вновь появиться искусные молодые мастера, искусство резьбы не должно исчезнуть, ведь оно служит людской радости, украшению мирного жилья, его не заменить никаким машинным производством — здесь нужна мудрая и свободная человеческая рука... Вот он, невысокий и крепкий смуглый старичок, неутомимый краевед, бродя по лесу, обнаруживает под корнями вековой вывороченной ветром сосны кирпичи... Старые, массивные кирпичи... Он наклоняется,

разбирает кирпичи, обнаруживает лаз, бесстрашно ползет туда на спине, чиркает спичкой и видит, что кирпичный свод над ним сияет десятками ослепительных красок с преобладанием голубых, желтых, зеленых — точно ушедшая в землю пышная радуга спряталась и окаменела здесь. Ему ясно — это печь для обжига немеркнущих знаменитых угличских изразцов, которыми изукрашены древние церкви возле его кирпичного домика, из которых сложены лежанки и печи в старинных бревенчатых домах Углича. Здесь они обжигались — на своде следы поливы, секрет которой еще не разгадан, которая так нужна была бы нам и для облицовки наших зданий, и в керамическом современном производстве. Значит, оно действительно было в Угличе, и его тоже можно возродить, тем более что возле города огромные залежи прекрасных жирных, пластических глин и редкие по качеству каолиновые глины. И вот Иван Николаевич из этих великолепных глин лепит фигурки, вазочки, утварь, с большим трудом, кустарным способом обжигает их, и все же обжиг дает прекрасные результаты. Здесь сама природа, сами исторические традиции подсказывают: возродить керамическое производство, и старый художник предлагает создать студию, объединить и воспитывать кадры художников — резчиков, керамиков — тружеников, которые уже сейчас могли бы украшать быт горожан и колхозников. Его никто не обязывает к этим зарисовкам, изысканиям, опытам (так же как никто и не помогает ни в чем!), — его обязывает к этому личное, государственное сознание долга перед сегодняшним днем, перед будущим, перед наследниками.

(По книге О. Берггольц «Дневные звезды»)*

* *Берггольц Ольга Федоровна (1910–1975)* — русская советская поэтесса, прозаик.

1. Какой аспект направления «Время» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

Х. В сорок шестом году, после постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград»¹, я как-то встретила Зощенко на Невском и кинулась к нему. Скользя безучастным взглядом, он прошел мимо. Смуглое лицо его еще больше потемнело, показалось мне совсем черным. Я остановилась в недоумении, глядя ему вслед. Он шел своей спокойной, довольно быстрой размеренной походкой, как обычно, очень прямой, слегка откинув голову назад. Я побежала за ним, схватила его под руку. «Михаил Михайлович, вы меня не узнаете?» Мягким неторопливым движением он освободился от моей руки. Не поворачиваясь ко мне, глядя прямо перед собой, сказал: «Разве вы не знаете, Леночка, что ко мне нельзя подходить? Почему вы, увидев меня, не перешли на другую сторону?» Я еле удержалась, чтобы не зареветь. Снова крепко схватила его под руку и выпалила, словно боясь, что он сейчас исчезнет, что провожу его, куда бы он ни шел. На этот раз он не отнял своей руки и, как обычно, безо всяких модуляций, на одной ноте произнес: «У вас могут быть большие неприятности». Я вцепилась в его локоть и зашагала рядом. Мы прошли по Невскому, свернули на улицу Желябова... Шли молча, я думала только о том, чтобы не разреветься. У какого-то дома Михаил Михайлович остановился, пожал мне руку, сказал своим четким голосом, на той же ноте: «Очень вам благодарен» — и вошел в подъезд. Я, взволнованная этой встречей, стояла и смотрела вслед. И вдруг сообразила, что бывала в этом доме в раннем детстве. Здесь жили мои бабушка и дедушка, папины родители. Любительница сильных ощущений, я обожала страшные сказки. Дядя Коля, младший брат моего отца, для таинственности гасил свет, сажал меня на колени и рассказывал всегда одну и ту же историю про вурдалаков и мертвецов. Начисто забыла ее содержание, отчетливо помню только концовку — в ней-то и был главный ужас. Комнату освещала только груда красных углей в открытой печке. Дядя говорил тихим загробным голосом. По мере приближения к концу (все повествование я знала наизусть) по моей спине начинали бегать мурашки. Вдруг он вскрикивал жутким басом: «Отдай мою золотую ногу!» С воплем соскакивала я с его колен и неслась в светлый

¹ 14 августа 1946 года было опубликовано Постановление ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», в котором подверглось суровой и несправедливой критике творчество А. А. Ахматовой и М. М. Зощенко.

коридор. Тогда мне казалось, что ничего страшней этого не может быть на свете...

(По книге воспоминаний Е. Юнгер «Все это было...»)*

* Юнгер Елена Владимировна (1910–1999) — советская актриса, автор мемуаров.

1. Какой аспект направления «Время» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XI. Мой дядя, Александр Александрович Юнгер, был профессором двух ленинградских архитектурных вузов, он руководил одной из ведущих творческих мастерских Ленпроекта.

В середине декабря 1941 года, перед отлетом из Ленинграда в эвакуацию, я зашла попрощаться с дядей Шурой. Он жил на Колокольной улице, совсем близко от Большого драматического театра. Дядя мой сильно похудел, но держался бодро.

До конца войны я не имела о нем никаких известий. Только в начале сорок пятого года я узнала, что он сильно ослабел и был положен в больницу в гостинице «Астория», организованную для наиболее обессиленных научных работников.

В этой больнице его арестовали и отправили в неизвестном направлении.

Новый, 1946 год мы с мужем встречали в Ленинградском Доме архитектора. Ко мне подходили пожилые, подбегали молодые люди с таинственно-смущенными вопросами: «Не слышно ли чего-нибудь об Александре Александровиче?» Какое уважение, какое неподдельное чувство звучало в этих робких вопросах! Некоторые даже осмеливались говорить о «трагической нелепости». Я тогда сама не знала никаких подробностей.

Ближе к весне заезжала к нам дядина жена — Анна Васильевна. Она была выслана во Псков. По ее словам, причиной этой высылки

была знаменитая дедушкина мебель. Будто она приглянулась кому-то из сильных мира сего, живших с ними на одной лестничной площадке... Мне даже в то время это казалось немыслимым. Но...кто знает? Во всяком случае, это навсегда останется тайной.

Анна Васильевна умудрялась время от времени приезжать в Ленинград. Редко, но все же получала от дяди Шуры письма.

13 августа 1948 года А. А. Юнгер умер в неизвестном нам месте под названием Булатово.

В начале семидесятых годов меня пригласили зайти в Прокуратуру города Ленинграда. Сообщили: «Ваш дядя был арестован по наговору, вины за ним никакой нет». Я сказала, что ни минуты в этом не сомневалась.

(По книге воспоминаний Е. Юнгер «Все это было...»)*

* Юнгер Елена Владимировна (1910–1999) — советская актриса, автор мемуаров.

1. Какой аспект направления «Время» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

ХII. Мама говорила мне, что последние два месяца от отца не было писем, а когда она сама написала ему, письмо вскоре вернулось, и на конверте корявым безграмотным почерком было написано: «Адресат сидить». Так и шло письмо через всю Россию, но в те годы подобные вести ни у кого не вызывали удивления...

«Адресат сидить». За что? Миллионы людей задавали себе этот вопрос. И я тоже.

В 1965 году вышло первое издание «Зеленой лампы», где я писала об аресте отца. И вдруг открытка от неизвестного мне человека, он сообщал, что мой отец умер у него на руках в лагере 14 марта 1942 года, и если меня интересуют подробности, чтобы я написала ему. Я послала телеграмму.

И вот пришло письмо.

«Уважаемая Лидия Борисовна!

Сегодня получил Вашу телеграмму и, не откладывая, сразу пишу ответ. Очень радует меня, что Вы равнодушны к памяти об отце (как это оказалось у некоторых) и что отец для Вас — самое дорогое.

Начну с условий, в которых мы находились вместе с Вашим отцом. Наш лагерь находился в глубокой тайге. Лагерь у нас был инвалидный, т. е. все заключенные — или больные физически, или мало-мощные, непригодные к тяжелому физическому труду. Однако работы были очень тяжелые — погрузка леса в вагоны или же земляные работы.

Ваш отец был обаятельнейший человек и, я бы сказал, очень талантливый. В чем заключался его талант? Во-первых, это был замечательный рассказчик, во-вторых, он прекрасно (подчеркиваю!) писал жалобы. Очень многие наивно считали, что если они напишут жалобу в Верховный Совет, или Генеральному прокурору, или Сталину, или в другую какую инстанцию на неправильность их заключения, ибо никакой вины за собой не чувствовали, то их обязательно освободят. С нами вместе в заключении находились юристы с высшим образованием, на воле очень популярные и даже известные, но все считали, и даже сами эти юристы подтверждали, что лучше всех напишет Борис Дмитриевич Толстой.

Многие были твердо уверены, что только по написанной жалобе Бориса Дмитриевича пересмотрят их дело и освободят, несмотря на то что никого по жалобам не освобождали, опять ходили к нему просить написать жалобу. И действительно, часто он мне читал написанные жалобы — то были замечательные в юридическом и даже художественном отношении произведения. Желающих, чтобы он написал жалобу, было очень много. Чаще всего писал ночью, при тусклом свете (днем мог кто-нибудь заскочить из начальства, а писать от имени кого-нибудь жалобу не разрешалось.)

Часто к нему обращались за юридическим советом из начальствующего вольнонаемного состава, хотя им не разрешалось общение с заключенными, но это отнюдь не улучшало его общего положения, и обходились с ним точно так же, как со всеми заключенными. Вообще это был человек очень щепетильный. Писал он эти жалобы безвозмездно, и даже когда получающие посылки старались чем-нибудь его

угостить, то он упорно отказывался и только разрешал себе брать иногда махорку. Никогда, ни при каких условиях, порой чрезвычайно тяжелых, он не терял человеческого достоинства, чего нельзя сказать о многих людях с высоким интеллектом, занимавших на воле видное положение, а в лагере доходивших до состояния животных.

Великолепно помню его красивую, стройную фигуру с гордо поднятой головой, с нежным красивым лицом. Он был очень худой и изможденный от вечного недоедания...»

Что добавить к такому письму? О чем думал отец, лежа на жестких нарах, слушая дыхание людей, еще вчера чужих и неведомых? Что вспоминал?

Может, вспоминал отец мой высокую нашу комнату с темно-красными обоями, клеенку с тракторами, грубо сколоченные книжные полки, знакомые корешки читанных-перечитанных книг: Льва Толстого, Пушкина, Чехова, Гоголя, белые плиты московских тротуаров и преданную потную детскую ладошку в своей руке? Верю, знаю — вспоминал! Много бы я отдала за то, чтобы знать: он тоже верил, что я помню и люблю его!

(По книге Л. Либединской «Зеленая лампа»)*

* *Либединская Лидия Борисовна (1921–2006)* — советская писательница.

1. Какой аспект направления «Время» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

«“Дом” — направление нацелено на размышление о доме как важнейшей ценности бытия, уходящей корнями в далекое прошлое и продолжающей оставаться нравственной опорой в жизни сегодняшней. Многозначное понятие «дом» позволяет говорить о единстве малого и большого, соотношении материального и духовного, внешнего и внутреннего». (Из комментариев ФИПИ)

С нашей точки зрения, данное направление связано со значением понятия «Дом» во всем его многообразии. Ведь Дом — это и наша планета, которую необходимо беречь, это и Родина, земля, которая нуждается в заботе и защите, это и малая родина, сформировавшая во многом те нравственные принципы, которые остаются с человеком на всю жизнь, это и улица, и бульвар, и квартира, и комната, и даже вещи, которые связаны с ежедневным существованием человека, это и близкие ему люди: его семья, его друзья. Мы попытались собрать тексты, где представлены самые разные аспекты такого широкого понятия — ДОМ.

I. Все мы стремимся поскорей остановиться на полюбившемся нам месте, чтобы сделать его постоянным своим домом. У Пришвина было иначе: он не столько жил, сколько скитался по Руси с кое-как налаженным бытом. Без преувеличения можно сказать — он кочевал до середины 20-х годов по российским просторам, а уж чем-чем — этим-то наша Родина всегда была богата.

Простором, свободой независимой бедности богатела и дышала душа художника. Таким он был.

В стремлении «уроднить всю землю» (слова Пришвина) лежало ощущение мира как вселенского дома. И как бы в раскрытие этой потребности творческой души преодолевать границы — мысленные, пространственные, всякие — мы приведем тот незначительный, в общем-то, но нам много говорящий факт, что это начало в Пришвине очень точно поняли и выразили словами чехи. Это они еще при жизни Пришвина назвали переведенный ими сборник его произведений «Очарованный странник».

Михаил Михайлович рассказывал, живописуя словами, свое далекое прошлое: по проселку медленно движется телега, наполненная домашним скарбом. На телеге женщина с двумя мальчиками. Верх воза венчает корзина с петухом: по народной примете петух из старого дома — это счастье в новый дом. Сзади трусят охотничьи собаки. Хозяин идет рядом с вожжами в руках. Размышляет о чем-то своем... Семья переезжает на новое место.

Вспоминается запись Пришвина в одном из поздних его дневников: «...я всю жизнь ищу, где бы свить гнездо, каждую весну покупаю где-нибудь дом, а весна проходит, и птицы станут выводить птенцов, и сказка исчезает».

Заметим: дом не как оседлость и покой, дом для него — это еще и сказка...

В юности мы уходим из дому на большой поиск, а потом, взрослея, стремимся создать собственный дом.

То ли натерпелись по жизненным дорогам, то ли скопили в себе нечто ценное — ищем ему защиту от недоброго, от нескромного глаза. Короче сказать — мы ищем покоя.

В народе так и называют комнаты удобного, просторного жилища несколько чопорным словом «*покои*». Но, с другой стороны, тот же народ называет и умершего человека покойником, и могилу его домовиной... Нет, не такого покоя, не такого дома искал себе Пришвин — певец жизни, вечного ее возрождения! Он страстно желал себе найти какой-то большой прекрасный дом. Может быть, назвать его счастьем? Обычного счастья, понимаемого как «удача», он тоже не искал. Ему нужно было какое-то глубокое и бескорыстное счастье, подобное тому, какое агроном находит в глубокой почве, иными словами, почве, благоприятной для выращивания растений.

Дом как счастье, и опять-таки не то ограниченное, собственническое, отягощенное заботами, о котором с тончайшей иронией говорит народная пословица: «Домом жить — обо всем тужить».

Пришвин не мог оставаться с одной «домашней» всепоглощающей заботой, даже если это *свое* понимать как любимое дело, призвание, успех... Он жил ощущением всеобщности жизни, ее радостями и страданиями.

Пришвин ищет всю жизнь, «где бы свить гнездо», ищет и не находит. Почему? Робко догадываемся: он как поэт ищет некое совер-

шенство, а оно недостижимо... Вот почему каждый раз мечтаемая сказка его кончается, и остается только тропинка к нему — «извилистая, обманчивая, пропадающая».

Из позднего дневника: «...недоволен я собой: весь я в настроении, нет смелости, прямоты... Боже мой! Как я жил, как я живу! Одно, одно только верно — это путь мой, тропинка моя «извилистая, обманчивая, пропадающая».

Запись эта — в дни переселения в Дунино, в свой последний дом.

*(По книге воспоминаний
В. Пришвиной* «Наш дом»)*

* Пришвина Валерия Дмитриевна (1899–1979) — литературный секретарь, а впоследствии жена М. М. Пришвина.

1. Какой аспект направления «Дом» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) следующим текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

II. Я закончил опись содержимого.

Большую часть бумаг составляли документы, написанные, как я понял, рукой самого Абалкина.

Это был его отчет об участии в операции «Мертвый мир» на планете Надежда — семьдесят шесть страниц, исписанных отчетливым крупным почерком почти без помарок. Я бегло проглядел эти страницы.

Полтора десятка лет назад планета Надежда и ее дикая судьба были на земле притчей во языцех, да они и оставались до сих пор притчей во языцех, как грозное предупреждение всем обитаемым мирам во Вселенной. Теперь считается твердо установленным, что за свое последнее столетие обитатели Надежды потеряли контроль над развитием технологии и практически необратимо нарушили экологическое равновесие.

Природа была уничтожена. Отходы промышленности, отходы безумных и отчаянных экспериментов в попытках исправить положение загладили планету до такой степени, что местное человечество, пораженное целым комплексом генетических заболеваний, обречено было на полное одичание и неизбежное вымирание. Генные структуры взбесились на Надежде. Собственно, насколько я знаю, до сих пор никто у нас так и не понял механику этого бешенства. Во всяком случае, модель этого процесса до сих пор не удалось воспроизвести ни одному нашему биологу. Бешенство генных структур. Внешне это выглядело как стремительное, нелинейное по времени ускорение темпов развития всякого мало-мальски сложного организма. Если говорить о человеке, то до двенадцати лет он развивался в общем нормально, а затем начинал стремительно взрослеть и еще более стремительно стареть. В шестнадцать лет он выглядел тридцатипятилетним, а в девятнадцать, как правило, умирал от старости.

Разумеется, такая цивилизация не имела никакой исторической перспективы.

(По роману А. и Б. Стругацких* «Жук в муравейнике»)

* Стругацкие Аркадий Натанович (1925–1991) и Борис Натанович (1933–2012) — российские писатели, сценаристы, переводчики, создавшие в соавторстве несколько десятков произведений, считающихся классикой современной научной и социальной фантастики.

1. Какой аспект направления «Дом» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) следующим текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

III.

С чего начинается Родина?
С картинки в твоём букваре,
С хороших и верных товарищей,
Живущих в соседнем дворе.

А может, она начинается
С той песни, что пела нам мать,
С того, что в любых испытаниях
У нас никому не отнять.

С чего начинается Родина?
С заветной скамьи у ворот,
С той самой березки, что во поле,
Под ветром склоняясь, растет.

А может, она начинается
С весенней запевки скворца
И с этой дороги проселочной,
Которой не видно конца.

С чего начинается Родина?
С окошек, горящих вдали,
Со старой отцовской буденновки,
Что где-то в шкафу мы нашли.

А может, она начинается
Со стука вагонных колес
И с клятвы, которую в юности
Ты ей в своем сердце принес.

С чего начинается Родина...
(М. Матусовский*)

* Матусовский Михаил Львович (1915–1990) — советский поэт-песенник.

1. Какой аспект направления «Дом» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) следующим текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

IV. По сторонам дороги тянулись мирные леса и рощицы. Синцову в тот день врезалась в память одна простая картина. Под вечер он увидел небольшую деревушку. Она раскинулась на низком холме; темно-зеленые сады были облиты красным светом заката, над крышами изб курились дымки, а по гребню холма, на фоне заката, мальчики гнали в ночное лошадей. Деревенское кладбище подступало совсем близко к шоссе. Деревня была маленькая, а кладбище большое — целый холм был в крестах, обломанных, покосившихся, старых, вымытых дождями и снегами. И эта маленькая деревня, и это большое кладбище, и несоответствие между тем и другим — все вместе взятое потрясло душу Синцова. Острое и болезненное чувство родной земли, которая где-то там, позади, уже истоптана немецкими сапогами и которая завтра может быть потеряна и здесь, переворачивало сердце. То, что видел Синцов за последние два дня, говорило ему: да, немцы могут прийти и сюда, — и, однако, представить себе эту землю немецкой было невозможно. Такое множество безвестных предков — дедов, прадедов и прапрадедов — легло под этими крестами, один на другом, веками, что эта земля была своей вглубь на тысячу сажен и уже не могла, не имела права стать чужой.

Никогда потом Синцов не испытывал такого изнурительного страха: что же будет дальше?! Если все так началось, то что же произойдет со всем, что он любит, среди чего рос, ради чего жил, со страной, с народом, с армией, которую он привык считать непобедимой?

Он не был трусом, но, как и миллионы других людей, не был готов к тому, что произошло. Большая часть его жизни, как и жизни этих других людей, прошла в лишениях, испытаниях, борьбе, поэтому, как выяснилось потом, страшная тяжесть первых дней войны не смогла раздавить их души. Но в первые дни эта тяжесть многим из них показалась нестерпимой, хотя они же сами потом и вытерпели ее.

(По роману К. Симонова «Живые и мертвые»)*

* Симонов Константин Михайлович (1915–1979) — русский советский прозаик, поэт, киносценарист, общественный деятель.

1. Какой аспект направления «Дом» раскрывается в данном тексте?

2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) следующим текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

V. Понимание родины, того места, где мы живем, начинается с осознания предшественников. Помню, нас поразило, что село наше стоит на Сибирском тракте, а по этому тракту неслись почтовые тройки, шли каторжники, гнали декабристов, ехали их жены. Учительница сказала, что наше село упоминается в записях Радищева, когда он следовал в сибирскую ссылку. А наша великая гордость тем, что братья Васнецовы — вятские, что Федор Шаляпин — вятский, что Иван Шишкин — вятский. И кавалерист-девица Надежда Дурова. Каждый раз мы ощущаем себя причастными к чему-то значительному. Ведь раз такие люди выросли именно на нашей земле, значит, и нам дороги не заказаны. Еще бы! И поэт Николай Заболоцкий, и Александр Грин, написавший «Алые паруса», тоже наши земляки. Что говорить о Чайковском, родившемся в бывшем Сарапульском уезде Вятской губернии.

Даже и то, что Герцен, Салтыков-Щедрин были в ссылке именно в Вятке, позволяло нам считать их родными.

Конечно, мы признавали, что и в других областях есть свои знаменитые люди. Очень мы страдали, например, оттого, что Ломоносов архангельский, а не вятский. Страданий добавил мальчишка, который приехал из Архангельской области, и вот мальчишка гордился тем, что Ломоносов — его земляк. Конечно, мальчишка этот знал наизусть стихи «Ну, пошел же, ради бога...», конечно, он нажимал на строки о том, что «архангельский мужик по своей и божьей воле стал разумен и велик...».

Но, как говорится, «добра мать до своих детей, а земля до всех людей», и, вырастая, мы видели огромность России, ее живительную силу, посылавшую с незапамятных времен своих сыновей для служения людям, для поражающего мир показа широты русского ума и величия русской души. И в наши сердца входили святые имена Пушкина и Лермонтова, Толстого и Достоевского, Глинки и Мусоргского, Репина

и Нестерова, Есенина и Блока, а ведь все это — выходцы из Нечерноземья. А великие битвы — Куликовская, Бородинская, Чудская, решавшие судьбы планеты? Они также произошли на нашей земле.

И наш благородный, неоплатный долг — донести понимание этого до каждого.

(По очерку В. Крупина «Наследство земли»)*

* *Крупин Владимир Николаевич (род в 1941 г.) — современный русский прозаик.*

1. Какой аспект направления «Дом» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) следующим текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

VI. Он пробудился от какой-то смутной щемящей тревоги. Глядел на яркий и мощный солнечный пук, бьющий в конце бревенчатого сарая, и старался понять, чем рождена эта смятенная и чем-то приятная душевная боль. Старался припомнить, что ему снилось, но образы ночного сна ускользали, оставляя неудовлетворенность.

Солнце било и в узенькие щели пазов. Ласточки со свистом влетали через окно, прижимаясь хвостиками к стропилам, щебетали, потом вновь улетали на улицу. Пахло травяной зеленью и высыхающей росой. Где-то на речке кричали ребятишки, купающиеся спозаранку, а в поле стрекотала конная косилка.

В доме никого не было. Мать, по извечной привычке, наверное, со старушечьим стоном и оханьем ушла на покос. Жена с двумя ребятишками каждое утро ходила загорать и купаться к дальнему омуту.

Он вспомнил вчерашнюю встречу со своим деревенским сверстником и вдруг понял причину своей щемящей душевной тоски.

Вчера он не успел осознать, каким немолодым, постаревшим выглядит его деревенский сверстник. А ведь он даже чуть постарше сверстника, и сегодня ночью, во сне, пришло ощущение необратимости...

До этого он все еще считал себя молодым, а тут, во сне, в подсознании, вдруг понял, что молодость давно кончилась, что он разменял вторую половину своей жизни. «Разменял»... Какое странное слово.

В деревне никого не было. Как тогда, в сенокосном детстве, стояли у ворот домов батожки, и одни стрижи с ласточками стригли над крышами синеву теплого воздуха. Солнце с утра нагревало мягкую дорожную пыль.

Он вышел в зеленое, звенящее кузнечиками поле и на ходу медленно обвел взглядом родные, много лет не виденные окрестности и деревни. Он ощутил сейчас какое-то странное радостное и грустное чувство причастности ко всему этому и удивился: «Откуда он взялся и что значит все это? Где начало, кто дал ему жизнь тогда, ну хотя бы лет четыреста назад? Где все его предки и что значит их нет? Неужели теперь все они это и есть всего лишь он сам и два его сына? Странно, непостижимо...»

Он вышел на крутой и зеленый холмик, огибаемый голубой озерной подковой. Купол церкви плыл в небе, плыл в редких белых облаках, плыл и все не мог никуда уплыть. Пчелы тихо жужжали над купами верб. Внизу от ветра и солнца мерцало озеро, голубизна, пронизанная лучами, темнела, дробилась в своем бесконечном изменении. А здесь, на холме, было тихо и зелено. Зной истекал в небо, искажая лесной горизонт волнистыми вертикальными струями. Не в масть серым, реденьким, словно захмелевшим от времени, крестам белел свежий штакетник, и арка новых сосновых ворот плыла в небе вместе с церковным куполом.

Он долго бродил по холму, искал могилы и не находил их, пробираясь меж сильных молодых лопухов. Могила тетки оказалась далеко за оградой, он узнал ее по камню. Но где же лежит бабка? Он помнил, что бабушкина могила была около верб, но ничего не нашел и сел на чей-то еще не очень давнишний холмик. «Да, четырех прабабок и искать нечего, если даже бабушкина могила затерялась... А ведь здесь где-то лежит и вторая бабушка, бабушка по отцу... Но где же она? Ни слуху ни духу, все сровнялось, заросло травой и лопухами...»

Вдруг его впервые обожгла, заставила сжать зубы простая, ясная мысль. Никогда раньше не приходила она в голову. Здесь, на его родине, даже кладбище только женское. Он вдруг вспомнил, что в его родословной ни одного мужчины нет на этом холме. Они, мужчины, родились здесь, на этой земле, и ни один не вернулся в нее, словно стесняясь жен-

ского общества и зеленого этого холма... Поколение за поколением они уходили куда-то, долго ли было сменить грабли на ружье, а сенокосную рубаху на защитную гимнастерку? Шли, торопились будто на ярмарку, успев лишь срубить дома и зачать сыновей. И вот сейчас на родине, одинокие даже в земле, лежат прабабки и бабушки.

Он закурил. Изображение на сигаретной коробке впервые заставило его вспомнить, что один из его предков погиб в Болгарии на войне с турками. Об этом рассказывала бабушка. И он с горькой иронией подумал о несправедливостях женской судьбы: прадеду и тут повезло. Может быть, над его, прадедовой, могилой стоит четырехгранный памятник, поставленный болгарами славным героям Шипки. А могила прабабки затерялась...

Он думал о том, что и деда также не обделила судьба: наверное, приятнее лежать в маньчжурском холме, когда об этом холме написаны романы и повести. Когда в музеях толпятся у батальных полотен потомки, а печальные вальсы о маньчжурских холмах звучат по радио. А бабушкина могила исчезла, нигде не видать ни креста, ни камня.

Он погасил сигарету, но вновь закурил: что это? Черт возьми, ведь отец его, отец обставил. Пожалуй, и деда и прадеда... Нигде в мире нет такого грандиозного, такого могучего памятника, как там, на Мамаевом кургане. Он вспомнил, как прошлым летом был в Волгограде, как целый день ходил по Мамаеву кургану. Холм, взявший отца в свои недра, был велик и печален, громадная скульптура, венчавшая вершину, бросала на город исполинскую тень. В зале воинской славы еще шли работы, но он, сын погибшего на Волге сержанта, все же увидел свою фамилию на гранитной стене...

Ушли, все ушли под сень памятников на великих холмах. Ушли деды и прадеды, ушел отец. И ни один не вернулся к зеленому родному холму, который обогнула золотая озерная подкова, в котором лежат их жены и матери. И никто не носит сюда цветы, никто не навещает этих женщин, не утешает их одиночество, которое не кончилось даже в земле.

Он сидел под вербой на зеленом, тихом, знойном холме и думал об этом.

А может быть, придет и его черед? Идти дорогой мужских предков, к чужим неродимым холмам?

(По рассказу В. Белова «Холмы»)*

**Белов Василий Иванович (1932–2012) — русский писатель, один из крупнейших представителей «деревенской прозы».*

1. Какой аспект направления «Дом» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) следующим текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

VII. У каждого человека, наверное, есть один, самый любимый и самый счастливый, всю жизнь повторяющийся сон. Его невозможно вызвать, упросить, чтобы пришел; он приходит сам, когда захочет. Он может исчезнуть и на целые годы, но потом обязательно вернется и щедро одарит вас той же радостью.

Есть такой сон и у меня: мне снится город детства — Углич, куда мать увезла сестру и меня из Петрограда в 1918 году и где прожили мы почти два с половиной года.

...И вот, уже в молодости, в тридцатых годах, тёмное, бедственное жильё времён детства и гражданской войны — келья, угол монастырского двора с могучими липами и, главное, высокий, белый пятиглавый собор напротив школы, — всё это стало мне почему-то сниться как место чистейшего, торжествующего, окончательного счастья. Мне снилось: я попала в Углич и иду по длинной, широкой, заросшей мелкой зелёной травкой улице; и иду я не то на раннем рассвете, когда сумрак переходит в свет, не то поздним, но светлым вечером, переходящим в ночь, потому что не только небо, но весь воздух и даже дома и деревья, окружённые им, трепетно излучают какой-то серебристо-молочный свет, чуть с голубизной — там, наверху. И вот я иду по зеленоватой, мерцающей улице, а вдали тоже мерцает и светится белая громада собора. Мне обязательно нужно дойти до него, потому что за ним — наша школа и садик, а в садике похлопывают и шумят всеми своими круглыми, как бы жестяными, звонкими листиками огромные липы, и я знаю, что когда дойду до собора, до

лип — наступит удивительное, мгновенное, полное счастье. И я кружу по странно сумеречным улицам, а собор всё ближе, всё ярче, и всё нарастает и нарастает во мне предчувствие счастья, всё сильнее дрожит и трепещет внутри что-то прекрасное, сверкающее, почти режущее, и всё ближе собор, и вдруг — конец: просыпаюсь! Так и не удалось мне за долгие-долгие годы дойти во сне до «своего собора».

Второй мой любимый сон — про ту самую полянку, куда не пустили нас родители в светлый дождливый день за грибами маслятами. Она была в Новгородской губернии, возле деревни Заручевье, куда ездили мы на каникулы несколько лет подряд. И вот мне снилось, как я иду к той самой полянке — так, как и ходили мы в отрочестве, — по узенькой тропочке через очень густую, старую ольховую рощу, полную тревожного, несомненно что-то значащего сумрака, и шороха, и бормотанья невидимого сердитого ручья, бегущего по темно-ржавым палым листьям между замшелых камней. Долго вьется черная, сырая тропка в сумраке и ропоте настороженной рощи, идешь по ней, и немножко чего-то страшно, но как только ступишь за последнюю ольху, на ту самую полянку — сразу так и обдаст тебя сияющий, зеленоватый, мягкий свет: на полянке нежнейшей зелени трава, с боков — безрезки с мелкими своими листьями, и с полянки настежь распахивается могучий, светлый, тихий-тихий простор. Ведь полянка-то на обрыве, на крутизне, и с обрыва видно далеко-далеко вокруг и внизу: необъятно стелются чуть обозначенные, мягкие холмы, луга, луга на них, синие толпы лесов видны вдали, узкая голубая речка вьется и мерцает внизу, избушечка стоит над нею, — простор и свет, русский, мудрый, добрый.

До той самой полянки я во сне всегда дохожу и долго стою на ней, и долго упивается сердце красой открывшегося простора, и я просыпаюсь освеженной, как-то по-особому спокойной и уверенной, потому что знаю: это существует не только во сне, но и наяву — родина, свет, жизнь...

(По книге О. Берггольц «Дневные звезды»)*

* *Берггольц Ольга Федоровна (1910–1975)* — русская советская поэтесса, прозаик.

1. Какой аспект направления «Дом» раскрывается в данном тексте?

2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) следующим текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

VIII. В трамвае давка.

— На проспекте Двадцать пятого Октября выходите?

— На Невском, что ли?

— Бывший Невский. А теперь проспект Двадцать пятого Октября, — строго говорит человек в круглых железных очках и, как ледокол рассекая людскую толпу, плечом вперед прокладывает дорогу к выходу.

Люди прячут глаза, глядят вниз. Трамвай позвякивает. Стучат колеса на стыках.

— Двадцать пятого Октября следующая, Невский! — кричит кондуктор.

Я это помню.

Попытка переименовать Невский не удалась — не привилось! Хоть тресни, Невский оставался Невским. А вот переименование города стало реальностью — Петербург действительно и надолго стал Ленинградом. Конкретно о Ленине люди не думали, но буквы как-то правильно построились, звуки сложились в аккорд, судьба, включая блокаду, сделала произнесение этого имени благозвучным и мягким. Название звучало.

Может быть, потому что это был уже не первый слом, а второй. Промежуточное имя — Петроград — как-то не вошло, не успело утвердиться, но слово ПЕТЕРБУРГ было потеснено, потеряло свою незыблемость.

И наконец, странное полное имя — САНКТ-ПЕТЕРБУРГ — и все не прилипло ни к речи жителей, ни к реальности жилого пространства. Ну разве что к дворцовым комплексам, к царским обиталищам града и пригородов. Действительно, назвать бы Санкт-Петербургом исторический центр вокруг Зимнего, Исаакия, Казанского, Медного всадника, туда же стрелку Васильевского, Петропавловку, Летний и Михайловский сады со Спасом на Крови и Инженер-

ным замком — и точка! Будет убедительно. А для остального города «Санкт» убрать — будет просто Петербург. И будет славно.

Хотя... тоже чужевато. Все равно ведь чаще всего говорят «Питер». Вот это свое, человеческое, местное. Говорят: «Я питерский», «Он питерский», «Мы питерские». По привычке говорят еще: «Мы ленинградцы». «Мы петербуржцы» — в книгах читал, но ушами за всю жизнь не слышал ни разу.

Странно — Москву-то иначе как Москвой не называют! И Париж есть Париж, и Ташкент — Ташкент. А наш красавец, родной, дорогой уму и сердцу, знаменитый во всем мире... не поймешь, как величать!?

Что ж теперь делать? Нельзя же в самом деле назвать его фамильярно Питером?! Да, видать, ничего не делать. Оставить уж теперь как есть, а то еще хуже будет. А вот прилагательное — «петербургский» (без «Санктъ», разумеется!) — звучит! Как ни странно, и в ленинградское время этот эпитет имел смысл и хождение. «Петербургская речь», «петербургская школа», «Петербургский университет», «петербургский стиль» — так мыслилось и так говорилось.

(По очерку С. Юрского «Петербуржцы»)*

**Юрский Сергей Юрьевич (род. в 1935 г.) — российский актёр театра и кино, театральный режиссёр, кинорежиссёр, сценарист, прозаик.*

1. Какой аспект направления «Дом» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) следующим текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

IX. Я встала у подъезда, приготовила санитарную сумку и противогаз; дворничиха тетя Маша, сухонькая, тихая старушка, подошла ко мне, доложила, что бутылки с горючим (на случай прорыва танков к нашему дому) наготове, и встала рядом, по-деревенски пригорюнившись. Убийственная тишина царила в лунном неподвижном городе, звуки смертного боя, идущего на окраине, доносились сюда, в центр, как слабый, смутный гул...

Я глядела на наш дом; это был самый нелепый дом в Ленинграде. Его официальное название было «дом-коммуна инженеров и писателей». Мы, группа молодых (очень молодых!) инженеров и писателей, на паях выстроили его в самом начале тридцатых годов в порядке категорической борьбы со «старым бытом» (кухня и пеленки!), поэтому ни в одной квартире не было не только кухонь, но даже уголка для стряпни. Не было даже передних с вешалками — вешалка тоже была общая, внизу, и там же, в первом этаже, была общая детская комната и общая комната отдыха: еще на предварительных собраниях отдыхать мы решили только коллективно, без всякого индивидуализма. Мы вселялись в наш дом с энтузиазмом, восторженно сдавали в общую кухню продовольственные карточки и «отжившую» кухонную индивидуальную посуду — хватит, от стряпни раскрепостились, — создали сразу огромное количество комиссий и «троек», и даже архи-непривлекательный внешний вид дома «под Корбюзье» с массой высоких, крохотных железных клеток-балкончиков не смущал нас: крайняя убогость его архитектуры казалась нам какой-то особой «строгостью», соответствующей новому быту... И вот, через некоторое время, не более чем года через два, когда отменили карточки, когда мы повзрослели, мы обнаружили, что изрядно поторопились и обобществили свой быт настолько, что не оставили себе никаких плацдармов даже для тактического отступления... кроме подоконников; на них-то первые «отступники» и начали стряпать то, что им нравилось, — общая столовая была уже не в силах удовлетворить разнообразные вкусы обитателей дома. С пеленками же, которых в доме становилось почему-то все больше, был просто ужас: сушить их было негде! Мы имели дивный солярий, но чердак был для сушки пеленок совершенно непригоден. Звукопроницаемость же в доме была такая идеальная, что, если внизу, в третьем этаже, у писателя Миши Чумандрина читали стихи, у меня на пятом уже было все слышно, вплоть до плохих рифм! Это слишком тесное вынужденное общение друг с другом, при невероятно маленьких комнатах-конурках, раздражало и утомляло.

И вот мы ходили с дворничихой тетей Машей от подъезда до калиточки и, напряженно вслушиваясь в неестественную тишину ночи, глядели на наш дом, тихий-тихий, без единого огня, в серебряном лунном свете видный со всеми своими клетками-балкончиками на плоских серых стенах...

— Хороший дом, — нежно, как о ребенке, сказала тетя Маша и добавила: — Ничего... отобьемся.

«Хороший дом, правда», — подумала я, и вдруг неистовая, горячая волна любви к этому дому, именно такому, как он есть, взмыла во мне и начисто смела остатки страха и напряжения.

Хороший дом, нет — отличный дом, нет, самое главное — любимый дом! В нем всегда зимой было светло и тепло, а какие хорошие коллективные вечера отдыха у нас были: приходил и пел свои песенки Борис Чирков — живой Максим из «Юности Максима», показывал нам новые работы свои Бабочкин — живой Чапаев, — обе картины только что вышли тогда. «Тетя Катя» — чудеснейшая актриса Корчагина-Александровская нередко бывала у нас и вдруг за столиком, импровизируя, «выдавала» такое, чего никогда не увидишь в театре; был один раз даже какой-то прогрессивный красавец индус, про которого говорили, что он «бывший магараджа».

«Нет, мы не отдадим нашего дома. Мы любим его. Не за удобства, да их и немного — неудобств куда больше! Мы любим его просто так, потому что он наш, часть нашей жизни, нашей мечты, наших дерзаний, пусть не всегда продуманных, но всегда искренних, а неудобства... что ж, их ведь можно поправить! Мы сами их наворотили, сами и исправим, все поправим, все в наших руках... А если этот, данный дом не исправить, то мы просто будем строить другие, лучше! Будем, будем!»

А ночь была серебряно-лунной, невероятно тихой, и только на заре нам дали распоряжение оставить обычные посты вместо усиленных, — враг был задержан на ближних подступах к Ленинграду.

(По книге О. Берггольц «Дневные звезды»)*

* *Берггольц Ольга Федоровна (1910–1975)* — русская советская поэтесса, прозаик.

1. Какой аспект направления «Дом» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) следующим текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

Москва! — Какой огромный
Странноприимный дом!
Всяк на Руси — бездомный.
Мы все к тебе придём.

Клеймо позорит плечи,
За голенищем нож.
Издалека-далече
Ты всё же позовешь.

На каторжные клейма,
На всякую болеть —
Младенец Пантелеймон
У нас, целитель, есть.

А вон за тою дверцей,
Куда народ валит, —
Там Иверское сердце
Червонное горит.

И льётся аллилуйя
На смуглые поля.
Я в грудь тебя целую,
Московская земля!

(М. Цветаева*)

* Цветаева Марина Ивановна (1892–1941) — русский поэт, прозаик, переводчица.

1. Какой аспект направления «Дом» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) следующим текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XI. Профессор Баженов уже много месяцев не расставался с печалью. Она овладела всем его существом, угнездилась так глубоко и прочно, что, казалось, ничто не могло побороть ее. Началось это с того дня, когда немцами был взят Смоленск — родной город старика. В Смоленске он не бывал с детских лет, даже забыл о нем думать, никого из близких у него там не осталось, но когда весть о занятии этого города врагом дошла до старика, она долго и неотступно преследовала его, как весть о смерти далекого, но любимого друга. Упрямо не хотелось ей верить. Да, именно с того дня он, доктор исторических наук, редактор многотомной «Истории культуры», физически ощутил, что такое война.

Незванный враг вошел в дом. Он еще не принял живого образа, но он присутствовал здесь, рядом, в просторном кабинете ученого, среди его книг и рукописей.

В сентябре 1941 года он проводил жену на вокзал. Она уезжала со своим институтом в Ашхабад. Он сам настоял на ее отъезде.

— Но, Володя, почему же ты не хочешь ехать?

— Я — другое дело. Ты нужна институту.

— А ты?

— Я нужен Москве, — шутил он, но шутка не звучала весело, как бывало раньше.

В сущности, трудно было серьезно ответить на вопрос: почему он не едет? Он не мог ехать. И дело даже не в том, что трудно было увезти с собою тот ворох материалов, который был ему нужен для работы. И уж отнюдь не было жаль бросать привычные вещи и любимое кресло за столом в кабинете. Из Москвы Владимир Петрович Баженов уехать не мог, вот и все.

— Но, послушай, а если... — у жены перехватывало дыхание, — а если в Москву придут немцы?

Профессор резко обрывал ее:

— Они не придут.

— Но говорят...

— Я не хочу знать, что говорят!

Голос его неприятно взвизгивал. Он замолкал сконфуженно: он любил жену, никогда не повышал с нею голоса, они прожили дружно, душа в душу, двадцать два года.

Но почему же, почему Владимир Петрович не уехал вслед за женой?

В одну очень трудную минуту он сам задал себе этот вопрос.

Нет, уехать было нельзя. Надо было противиться отъезду всеми силами души. Профессор не признался бы не только жене, но и самому себе — он чувствовал себя виноватым в том, что не был в Смоленске, забыл о нем думать в его страшные часы... Так укоряешь себя в том, что не пришел к изголовью умирающей матери. Может быть, твое присутствие отогнало бы смерть? Это очень наивно и очень серьезно. Этим пренебречь нельзя.

Уехать из Москвы, Москвы студенческих дней, родины его духа и счастья, труда и мечты его, — значит поверить в неизбежность смерти.

Он бродил по улицам Москвы. Тротуары занесло талым снегом, в лицо сыпало какой-то колкой дрянью, на душе было тошно.

Сумерки пали на город. Было так же тихо и тревожно, как в комнате умирающего. Посредине улицы шел вооруженный патруль. В небо медленно подымались заградительные аэростаты. Они всплывали, как гигантские карпы из глубины пруда, — медленно и безмолвно. Владимир Петрович смотрел на них, задрав седую бороду. И внезапно неясная мысль сложилась в простые слова:

— Надо все вытерпеть.

Это не была покорность судьбе. Нет, это была твердая решимость отстоять себя, преодолеть смерть, не отрывая своей судьбы от судьбы вот этой тверди, этого города.

(По рассказу Ю. Слёзкина «Старики»)*

* Слёзкин Юрий Львович (1885–1947) — русский писатель.

1. Какой аспект направления «Дом» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) следующим текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

ХII. Для того чтобы любить Москву, вовсе не обязательно быть ее жителем. Москва — олицетворение страны. Поэтому часто говорят о

Москве, имея в виду всю необъятную землю, раскинувшуюся от Карпат до Тихого океана, от льдов Арктики до среднеазиатских степей. В народных глазах Москва, ее высокое имя тождественно правде, справедливости. Вспоминаются такие стихи:

— Был ли ты в Москве? — меня спросили.

Нет, — ответил, — сроду не бывал.

Я за независимость России

На Балтийском море воевал.

Поэт-моряк Иван Ганабин, написавший это стихотворение, говорил о том, что на кораблях в военную годину «называли Родиной Москву». Я часто думаю, как глубоко был прав мой давний друг, безвременно ушедший из жизни: имя столицы вобрало в себя — так исторически сложилось — наши представления об Отечестве.

Много крупных звезд в ночном небе Москвы, но приметнее всех те, что светятся над кремлевскими башнями. Едва сгустятся сумерки над столицей, едва появится еще бледный лунный серп, как уже видны над башнями — Спасской, Никольской, Троицкой, Боровицкой и Водовзводной — величавые звезды-огни.

Кремль нельзя не любить. Каждое здание в нем — свидетель того, что наполняет значимым содержанием историю и современность. Каким волнением бывает охвачена душа, когдаходишь в Большой Кремлевский дворец!

Георгиевский зал — живая летопись нашей славы.

Едва я вошел в обширное помещение с колоннами, как громко и победно запели в ушах воинские трубы. Звуки, то похожие на громовые раскаты, то легкие и зовущие вперед, они словно возвещали начало военного парада.

Все выше и выше ведет меня лестница, и, миновав площадку-галерею, я прохожу через высокие золоченые двери в зал, где каждый шаг отмечен подвигом. Что означает неоглядный простор этого зала, украшенного витыми колоннами? Кого славят тысячи огней, горящих в люстрах, и чей свет переливается в паркете сказочной красоты? Зал героев — Георгиевский зал. Он и возводился как «чертог победоносного русского воинства». Еще во времена Федора Иоанновича монетой с изображением Георгия, поражающего змея, награждали за храбрость — носили ее на рукаве и шапке. А в 1769 году был учрежден и орден св. Георгия — «За службу и храбрость». Звание георгиевского кавалера

стало почетным. Перед нами зал тех, кто шел в бой за свой народ и отчизну. В Большом Кремлевском дворце много прекрасных и всем известных помещений, но Георгиевский зал, пожалуй, самый известный. На мраморных досках Георгиевского зала написаны названия прославленных воинских частей и имена георгиевских кавалеров. Перед нами — парад великих воинов, защитников родной страны.

Читаем золотые буквы: «Суворов». И в памяти мгновенно возникают образы суворовских grenадеров, переходящих снежные Альпы, и всплывают из глубины времен слова полководца, не знавшего поражений: «Воюют не числом, а умением». Снова читаем: «Кутузов». Разбив наполеоновские полчища и изгоняя их с родной земли Русской, Кутузов отдал приказ армии: «Храбрые и победоносные войска! Наконец вы на границах... Каждый из вас есть спаситель отечества».

В этом чудо-зале стены умеют говорить. Они вещают о славе наших дедов и прадедов... И что ни имя, то славная страница истории, наказ дедов внукам — беречь родную землю. И пусть среди фамилий на мраморных досках нет имени моего деда, я знаю, что пролитая им в сражении кровь золотом заблестела в названиях написанных здесь воинских частей.

Георгиевскому залу суждено было не только стать памятником дедовской славы, но и разделить радость победы наших дней. В 1945 году здесь собрались маршалы и генералы, те, кто вел войска от Москвы до Берлина. Тогда в Георгиевском зале прозвучали всем памятные слова о народном героизме. 12 апреля 1961 года началась эра выхода в космос. По Георгиевскому залу, по великолепному паркету, напоминающему исполинский ковер, идет, улыбаясь, молодой человек с открытым и милым лицом — Юрий Гагарин, первый человек, поднявшийся в космос и проложивший первую трассу к звездным мирам. Вспыхивают огни волшебной елки, раздаются веселые голоса, звучат песни — в зале веселятся дети. Здесь проходят теперь и праздничные встречи, и торжественные правительственные приемы, здесь чествуют награжденных за труд и отвагу. Побывавшие в этом зале всегда вспоминают о его необъятном пространстве, залитом светом. Вспоминают барельефы, изображающие Георгия Победоносца, попирающего дракона, — он символизирует воинские победы.

Свет Москвы светит всему свету.

(По книге Е. Осетрова «Мое открытие Москвы»)*

* *Осетров Евгений Иванович (1923–1993)* — советский писатель и литературный критик, автор книг по истории русской культуры.

1. Какой аспект направления «Дом» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) следующим текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

ХIII. Как успокаивает бульвар в тихие, послеполуденные часы! На нем играют дети, а на солнечной стороне сидят старики: бульвар — страна стариков и детей. Лет пятнадцать назад стариков было меньше, чем детей, потом стало одинаково много и детей, и стариков, теперь детей чуть меньше.

Бульвары постарели... Это особенно ощутимо ранней осенью, когда нежарко и тихо опадают липы и тополя. Я люблю бульвары, они успокаивают, в них есть что-то от вечности.

В мире могут создавать нового Адама из полуфабрикатов, заказывать гороскопы кибернетическим машинам, испытывать под землей фантастической мощности водородные бомбы — на бульварах будут играть дети и сидеть на солнечной стороне старики. И, наверное, естественно и хорошо, что бульвары чуть постарели: четверть века нет большой войны...

(По повести Е. Богата* «Вечный человек»)

* *Богат Евгений Михайлович (1923–1985)* — советский журналист, писатель.

1. Какой аспект направления «Дом» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) следующим текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

Ты течешь, как река.
Странное название.
И прозрачен асфальт,
Как в реке вода.
Ах, Арбат, мой Арбат,
Ты — мое призвание,
Ты — и радость моя,
И моя беда.

Пешеходы твои —
Люди невеликие,
Каблучками стучат —
По делам спешат.
Ах, Арбат, мой Арбат,
Ты моя религия,
Мостовые твои
Подо мной лежат.

От любви твоей
Вовсе не излечишься,
Сорок тысяч других
Мостовых любя.
Ах, Арбат, мой Арбат,
Ты мое отечество,
Никогда до конца
Не пройти тебя!

(Б. Окуджава*)

* *Окуджава Булат Шалвович (1924–1997)* — советский и российский поэт, прозаик и сценарист, композитор, бард, один из наиболее ярких представителей жанра авторской песни.

1. Какой аспект направления «Дом» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) следующим текстом-примером.

3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XV.

* * *

Пускай моя любовь, как мир, стара, —
лишь ей одной служил и доверялся.
Я — дворянин с арбатского двора,
своим двором введенный во дворянство.
За праведность и преданность двору
пожалован я кровью голубою.
Когда его не станет, я умру,
пока он есть — я властен над судьбою.
Молва за гробом чище серебра
и вслед звучит музыкою прекрасной...
Но не спеши, фортуна, будь добра,
не выпускай моей руки несчастной.
Не плачь, Мария, радуйся, живи,
по-прежнему встречай гостей у входа.
Арбатство, растворенное в крови,
неистребимо, как сама природа.
Когда кирка, бульдозер и топор
сподобятся к Арбату подобраться
и правнуки забудут слово «двор» —
согрей нас всех и собери, арбатство.

(Б. Окуджава*)

* Окуджава Булат Шалвович (1924–1997) — советский и российский поэт, прозаик и сценарист, композитор, бард, один из наиболее ярких представителей жанра авторской песни.

1. Какой аспект направления «Дом» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) следующим текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XVI. Глубокая, глубокая осень. Убранные поля опустели, и на межах остались только качающиеся от ветра сухие кустики полыни и полевой рябинки.

Но пока еще не хочется в дом; бродишь по пустым, засоренным дорожкам в саду, ищешь на дереве забытое, неснятое яблоко, которое кажется вкуснее тех, что лежат в подвале на свежей соломе.

Бывают еще теплые дни, с утра на горизонте, в блеске солнца, в чуть заметной прозрачной синеве, четко белеют сельские церкви, желтеют полосы дальних лесов, блестит паутина на мокрой листве кустов. Но в воздухе нет уже летней ласкающей теплоты, запахов кашки и цветущей медовой гречихи, — в нём холодная прозрачность и печальная тишина.

Подходит то время, когда жизнь со двора переходит в дом. Скоро будут вставлять зимние рамы. Иван в фартуке приносит их с чердака и обыкновенно ставит в передней, прислонив к стенке, где Таня с полоскательницей и полотенцем моет и протирает стекла, дыша на них.

Нам предстоит небезытересная работа — помогать Ивану, подавать ему стамеску, паклю, резать длинными полосками бумагу для оклейки окон и, утащив кусочек замазки на свои нужды, раскатывать в длинные сосульки и лепить из нее разные фигурки.

И при вставке каждой рамы Катя непременно насажает в ватку между рам маленьких фарфоровых куколок, чтобы потом смотреть на них через стекло вставленной рамы.

В гостиной, кроме окон, вставляют еще стеклянную дверь, которая выходит в сад на балкон. Приносят большую корзину сухой мякны, насыпают за дверь для тепла, вставляют двойную зимнюю раму и тогда в этой большой комнате становится тепло и по-зимнему уютно.

Дядюшка, посоветовавшись с нами, не пора ли ему переменить свою летнюю резиденцию на зимнюю, передвинет от окна свое кресло к печке, и в гостиной начнутся долгие осенние, а потом зимние вечера.

Вокруг овального преддиванного стола чинно стоят полукругом мягкие кресла в парусиновых чехлах, из-под которых виднеются внизу медные колесики. Когда большие сидят вечером, занявшись разговором, за креслами хорошо бывает затеять игру в прятки.

Направо от дивана, в углу — камин; он уже давно не топится, и туда кладут всякие пустые коробки, веревочки от покупок, если только дядюшка не успел подобрать их себе.

В доме у всех есть свои любимые места, в особенности зимой. Крёстная всегда обыкновенно сидит на диване за столом, накинув для тепла на плечи большой платок, и раскладывает пасьянс. Мать сбоку стола в кресле вяжет чулок, с котом на коленях. Дядюшка у печки в своём кресле.

Для нас самое приятное пристроиться сбоку крёстной на уголке диванного стола и на его гладкой поверхности смотреть картинки в старых журналах, которые уже давно знаешь наизусть. А то просто разляжемся на полу и подрисовываем на картинках всем лошадям дуги, мужчинам — усы.

Другие комнаты, когда дома нет молодежи, — не освещаются. В большой зал с его высокими зеркалами и тёмными по вечерам углами мы боимся даже заглядывать. Только иногда пойдем с Катей к дверям, осторожно раздвинем портьеру и с замиранием сердца смотрим туда. В зеркалах жутко отражается свет из гостиной, как призраки с лампами стоят в полумраке цветы и высовываются в полосу света, падающего из гостиной.

В углу, за цветами, стоит наше любимое большое кресло, в котором мы свободно усаживаемся вдвоём с Катей. Но сидеть по вечерам одним здесь страшно, так как всегда кажется, что сзади в тёмном углу стоит кто-то.

В зале бывает хорошо, когда Таня принесет лампу из передней, и мы на просторе затеем беготню или начнем кружиться до тех пор, пока в глазах не завертятся пол и потолок.

В передней, где стоят вешалки с шубами и нянькин сундук, по вечерам тоже страшно. И если нужно пройти через неё в спальню, — пробегаем зажмурившись.

Ещё любимое место — в столовой за чайным столом. Бывало, пролезешь туда по расстроенным пружинам, за спиной матери к окну, станешь коленями на край дивана и рассматриваешь своё лицо в самоваре, навалившись животом и локтями на стол, пока не велят сесть как следует.

Впрочем, есть ещё одно местечко — в углу за буфетом, куда на шишечку отдушника вешается чайное полотенце. Здесь мы обыкновенно сидим, когда захочется помечтать. Но чаще прибегаем сюда во всех несчастных случаях жизни.

Однако лучше всего все-таки в гостиной.

Здесь всё знаешь и любишь до последней мелочи: и знакомый полукруг кресел, и какой-то особенно приятный запах, должно быть, от старинного красного дерева, который всегда держится в гостиной, и даже отдушники на камине с оборванными медными цепочками. Откроешь половинки его железных дверей и роешься, пересматривая все коробочки и ящички.

А когда на праздники приедет молодежь — старшие братья и сестры, — тогда дом, обычно тихий, принимает совсем другой вид: парадные комнаты освещаются по вечерам, из зала слышатся звуки рояля, голоса молодежи. И мы с Катей с нетерпением ждем зимних праздников — Рождества и святок.

(По повести П. Романова «Детство»)*

* Романов Пантелеймон Сергеевич (1884–1938) — русский прозаик XX века.

1. Какой аспект направления «Дом» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) следующим текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XVII. Строительство жилья можно сравнить с писанием икон. Искусство живописца и плотника с древних времен питало истоки русской культуры. Нет совершенно одинаковых икон на один и тот же сюжет, хотя в каждой из них должно быть нечто обязательное для всех. То же с домами. Типы жилья на русском Севере достаточно многообразны. Для большинства домов характерны общая крыша над жилыми и хозяйственными помещениями, наличие зимнего и летнего жилья. Соблюдение хотя бы только одного из этих условий заставляло строить большие, обширные хоромы, каких не строили в других местах Отечества.

Зимняя изба, зимовка, куда переходили жить с первыми холодами, строилась по-разному, но если в ней нет большой печи, либо лава, либо полатей, то это уже не зимовка, а что-то другое.

Все в избе, кроме печи, деревянное. Стены и потолки от времени начинали желтеть и с годами становились янтарно-коричневыми, если печь сложена по-белому. В черной же, более высокой избе верхняя часть становилась темной и глянцевиной от частого обтирания. Лавки и полы оставались белыми или желтовато-белыми, их драили к каждому празднику.

По чистоте пола судили о девичьем трудолюбии и чистоплотности. Но не так-то и просто соблюдать чистоту в зимовке, если семья велика и каждое утро надо согреть и вынести в хлев десятка полтора ведер поила для скотины. Поэтому пол в избе (как лен в поле) всегда был и женской радостью, и женской бедой.

Прежде чем мыть, пол обливали горячим щелоком, затем шаркали голиком с дресвой, которую крошили из банных камней. В избах, топившихся по-белому, раз в год, на пасху, мыли стены и потолок. Печь белили разведенной в воде золой. На окна русской избы в старые годы не вешали занавесок. Заглянуть в избу с улицы разрешалось кому угодно, и в этом не видели ничего дурного. Зимой между рамами чернел древесный уголь, поглощающий влагу, а для красоты клали рядом с ним оранжевые кисти рябины или рассыпали горсть клюквы.

Божница и стены украшались сухими целебными, связанными в пучки травами, по праздникам — белоснежными платами и полотенцами. Если в доме кто-то из мужчин занимался охотой, то на главный простенок прибавляли хвосты и растопыренные крылья глухаря либо тетерева.

Под матицей обычно висел большой бычий пузырь с гремящими в нем горошинами, у дверей вместо вешалки нередко приделывали лосиные рога.

Чуть ниже потолка по стенам, повторяя длину и ширину лавок, шел полавошник, у дверей, от печи до стены, настилались полати. Воронец — это мощный брус, на котором держался полатный настил. Во время свадьбы или очередного игрища над воронцом торчали детские головенки. Опираясь на кулачки, глазели ребятишки на происходящее. Никто не приневоливал их спать. И как много интересного можно было узнать и увидеть, глядя сверху, ощущая свою недостижимость и защитный уют родной избы!

В будние вечера, лежа на полатах, старые старики говорили для деток сказки, засыпая на самых заветных местах.

Ребенок будил бабушку или дедушку, но тот забывал, на каком месте остановился, и начинал все сначала ...

Зимою в избе редко не пахло то сосновой иглой, то принесенной с мороза еловой хвоей, которой натирали клепцы для заячьей ловли. Но особенно терпко и вкусно пахли свежие черемуховые вицы для рыболовных снастей, а также заготовки вязов и стужней для вязки саней и дров. Когда же закрывали печь с пирогами либо хлебами, запах печеного теста побеждал все остальные. Особенно приятен он был на улице, среди мороза и снега.

Для взрослых в зимней избе всегда дел хватало, дети тоже знали, чем заняться, во что поиграть.

Он никогда не был тесен, этот дом!

И все же обширность летней избы, ее долгожданный простор чувались в течение всей зимней поры. Весенний переход на жительство в нее всегда был радостным. Но до этого выставляли зимние рамы в зимовке, меняли валенки на сапоги, переставали до конца закрывать слегка угарную печь и т.д.

Дедушка с бабушкой все еще спят в зимней избе, хотя чай пьют и обедают в летней вместе со всеми. Вытрясены постели и одеяла, проветрена, выбита, высушена на солнышке и развешана в сеннике либо в амбаре зимняя одежда.

Объявился первый комар, и на большом сарае, где чиликают под высокой тесовой крышей касатки-ласточки, устроили первый полог. Очень скоро запахнет здесь вениками и первым сенцом.

Давно ли родной дом трещал от крещенского холода? Теперь он шумит от теплого летнего ветра.

(По книге В. Белова «Лад»)*

* *Белов Василий Иванович (1932–2012)* — русский писатель, один из крупнейших представителей «деревенской прозы».

1. Какой аспект направления «Дом» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) следующим текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XVIII. За короткий исторический срок чаепитие на севере Руси настолько внедрилось, что самовар стал признаком домашнего благополучия и выражением бытовой народной эстетики. Он как бы дополнял в доме два важнейших средоточия: очаг и передний угол, огонь хозяйственный и тепло духовное, внутреннее. Без самовара, как без хлеба, изба выглядела неполноценной, такое же ощущение было от пустого переднего угла либо от остывающей печи. Кстати, и сама русская печь, совершенствуясь, так сказать, технически (от черной к белой), всегда была связана и с эстетикой крестьянского быта. Кто, к примеру, не заслушивался песнями зимнего ветра в теплой трубе, сидя или лежа у родимого кожуха? Самым удивительным было чувство близости этого холодного ветра и твоей недоступности для него.

В последних вариантах русская печь ласково и добродушно предоставила возможность шуметь, кипеть, петь и звенеть русскому самовару. Это для него хозяйка два-три раза в неделю выгребает жаркие золотистые угли и совком ссыпает их в железную тушилку. Для самовара же сделан в печи специальный отдушник, тяговый дымоход, который действует независимо от печных выюшек.

В каких же случаях ставился самовар? Очень во многих. Неожиданный приход (приезд) родного или просто дорожного человека, перед обедом в жаркий сенокосный день, на проводах, после бани, на праздниках, с холоду, с радости или расстройства, к пирогам, для того чтобы просто нагреть воду, чтобы сварить яйца, кисель и т.д. и т.п.

Для питья предпочиталась речная вода. Не дай бог поставить самовар вообще без воды, что нередко случалось с рассеянными кухарками. Тогда самовар, словно недоумевая, какое-то время молчал, потом вдруг начинал неестественно шуметь и наконец медленно оседал и валился набок ... Не каждый кузнец-лудильщик брался припаять кран и отвалившуюся трубу. Как раз по этой причине и старались по возможности купить второй, запасной самовар. Нередко он становился предметом экономически необходимой или просто забавляюще-развлекательной мены. На самовар можно было выменять, например, гармонь, или ружье, или наручные часы, а иногда даже баню либо плохую корову.

Формы и объемы самоваров были бесконечно разнообразны. Вычищенный речным песком до солнечного сияния самовар превосходно гармонировал с деревом крестьянского дома, с его лавками и по-

судниками, а также с некрашеными шкафчиками. Шумящий, кипящий самовар и впрямь как бы оживал и одухотворялся. Странная, вечная взаимосвязь воды и огня, близость к человеку и того, и другого делали чаепитие одним из отрадных занятий, сближающих людей, скрепляющих семью и застолье.

Вот брякнула дужка ведра, зашумела выливаемая в самовар вода. Затем почуялся запах березового огня, вот в колене железной трубы, соединяющей самовар с дымоходом, загудело и стихло пламя. Через три минуты все это медное устройство начинает шуметь, как шумит ровный летний дождь, а через пять затихает.

Вода кипит ключом, в дырку султаном бьет горячий пар. Самовар уносят на стол, водружают на такой же медный поднос, на конфорку ставят заварной чайник.

Чайные приборы по количеству членов семьи окружают деревянную дощечку с пирогами и большой ставец с жареным, топленным, вернее, томленным в печи молоком.

Легкий зной от горящих углей, легкий звон, переходящий в какое-то таинственное пение, пар, запах, жаркие, сияющие бока самовара, куда можно глядеться, — все это сдабривается большим куском пирога и крохотным осколочком от сахарной головы. Две ложки молока белыми клубами опускаются в янтарно-коричневое содержимое чашки. Взрослые наливают все это тебе в блюдце, делят между самыми маленькими молочную пенку и начинают свои нескончаемые разговоры. Так или примерно так воспринимается чаепитие в раннем детстве.

В отрочестве, если младше тебя в семье никого нет, тебе отдают всю пенку, чтобы борода росла. В эту пору тебе уже известно, что за столом нельзя пересаживаться с места на место, нельзя оставлять чашку просто так, надо обязательно повернуть ее набок или вверх дном. Иначе, по примете, очень трудно утолить жажду, и тебе будут без конца наливать.

Одна из главных особенностей русского самовара в том, что он может кипеть до конца чаепития, для чего достаточно держать трубу слегка открытой.

Во время войн, в голодные годы самовар, как и русская печь, был в крестьянском доме и лекарем, и утешителем. За неимением чаю-сахару заваривали морковную вяленицу, зверобой, лист смородины и т.д.

Почему-то в тяжкие времена крестьянский самовар становился объектом особого внимания (та же судьба была, впрочем, и у русских колоколов). Но не всегда его, уносимого из избы, сопровождали печальные женские причитания. Во время Великой Отечественной войны русские бабы по призыву собирать цветной металл без единого вздоха отдавали в фонд войны свои последние самоваришки, после чего воду приходилось кипятить в чугунках. Нынче самовар повсеместно вытесняется электрочайником, в чем есть и свои плюсы, и свои минусы...

(По книге В. Белова* «Лад»)

* *Белов Василий Иванович (1932–2012)* — русский писатель, один из крупнейших представителей «деревенской прозы».

1. Какой аспект направления «Дом» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) следующим текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XIX. Детство в деревне и до сих пор пронизано и расцвечено разнообразными, чисто детскими забавами. Забавы совмещаются с полезным делом. Об этом надо повторять снова и снова... Рыбалка, например, или работа на лошадях — классические примеры этой общности. Существовали десятки других примеров, когда детская игра переходила в труд или когда труд незаметно, без лишнего тщеславия проникал в детскую игру. При этом ребенок не только закалялся физически, не только приобретал смелость, но еще и приносил пользу, о которой, может быть, не подозревал. Например, мальчишка не пас, а сторожил скот от волков и медведей, это уже кое-что по сравнению со скучной пастьбой. Катание на лошади верхом и на телеге было для него вначале именно катанием, а не возкой сена, снопов, навоза или дров.

Такие забавы всячески, неназойливо, поощрялись взрослыми, но у подростков было множество и нейтральных по отношению к полез-

ному труду игр. Отец с матерью, старшие братья и сестры, вообще все взрослые как бы не замечали бесполезных игр, иногда даже подсказывали их детям, но не всерьез, а так, мимоходом. Подростки и дети сами из поколения в поколение перенимали друг от друга подобные игры.

Среди десятков таких забав — строительство игрушечных мельниц, водяных и ветряных. Сделать первую простейшую вертушку и установить ее на огородном коле помогал старший брат, дедушка или отец. Но потом уже не хочется, чтобы кто-то тебе помогал ... Вертушка вскоре сменялась на модель подлинной толчеи с пестами, для чего можно было использовать любой скворечник. А от такой толчеи уже не так далеко до запруды на весеннем ручье с мельничным наливным колесом.

(По книге В. Белова «Лад»)*

* Белов Василий Иванович (1932–2012) — русский писатель, один из крупнейших представителей «деревенской прозы».

1. Какой аспект направления «Дом» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) следующим текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XX. Зима воспитывает человека ничуть не хуже лета. Резкая красочная разница между снегом и летней травой, между домом и улицей, контрастное многообразие впечатлений особенно ощутимы в детстве. Как приятно, намерзшись на речке или навалевшись в снегу, забраться на печь к дедушке и, не дослушав его сказку, уснуть! И зареветь, если прослушал что-то интересное. И радостно успокоиться после отцовской или материнской ласки.

Температурный контраст, посильный для детского тела, повторяющийся и возрастающий, всегда был основой физической закалки, ничего не стоило для пятилетнего малыша на минуту выскочить из

жаркой бани на снег. Но от контрастов психологических детей в хороших семьях старались оберегать. Нежная заботливость не всегда проявлялась открыто, но она проявлялась везде. Вот некоторые примеры.

Когда бьют печь, кто-нибудь да слепит для ребенка птичку из глины, если режут барана или бычка, то непременно разомнут и надуют пузырь, опуская в него несколько горошин (засохший пузырь превращался в детский бубен). Если отец плотничает, то обязательно наколет детских чурбачков. Когда варят студень, то мальчишкам отдают козонки (бабки), а девочкам лодыжки, охотник каждый раз отдает ребенку пушистый белый заячий хвост, который подвязывают на ниточку. В конце лета для детей отводят специальную гороховую полосу. Возвращаясь из леса, каждый старается принести ребятишкам гостинец от лисы, зайца или медведя. Подкатить ребенка на санях либо на телеге считалось необязательным, но желательным. Для детей специально плели маленькие корзинки, лукошки, делали маленькие грабельки, коски и т.д.

В еде, помимо общих кушаний, существовали детские лакомства, распределяемые по возрасту и по заслугам. К числу таких домашних, а не покупных лакомств можно отнести яблоки, кости (во время варки студня), ягодицу (давленная черника или земляника в молоке), пенку с топленого (жареного, как говорили) молока. Когда варят у огня овсяный кисель, то поджаристую вкусную пену наворачивают на мутовку и эту мутовку поочередно дают детям. Печеная картошка, лук, репа, морковь, ягоды, березовый сок, горох — все это было доступно детям, как говорилось, по закону. Но по закону не всегда было интересно. Поэтому среди классических детских шалостей воровство овощей и яблок стояло на первом месте. Другим, но более тяжким грехом было разорение птичьих гнезд — этим занимались редкие и отпетые. Запретным считалось глядеть, как едят или чаевничают в чужом доме (таких детей называли вислятью, вислятками). Впрочем, дать гостинца со своего стола чужому ребенку считалось вполне нормальным.

Большое место занимали в детской душе домашние животные: конь, корова, теленок, собака, кошка, петух. Все, кроме петуха, имели разные клички, свой характер, свои хорошие, с точки зрения человека, или дурные свойства, в которых дети великолепно разбирались.

Иногда взрослые закрепляли за ребенком отдельных животных, поручали их, так сказать, персональной опеке.

(По книге В. Белова* «Лад»)

* Белов Василий Иванович (1932–2012) — русский писатель, один из крупнейших представителей «деревенской прозы».

1. Какой аспект направления «Дом» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) следующим текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XXI. А вот и наша комната! Высокие (почти пять метров) потолки, темно-красные обои, наборный паркет и два узких длинных окна, выходящих в тихий Дегтярный переулок. Больше всего меня поразила камин, в котором отец, ожидая нас, уже развел огонь. Поленья, сложенные домиком, весело потрескивали, распространяя тепло и живой прыгающий свет, — тени бежали по стенам и немногочисленной и совсем незнакомой мне мебели. Впрочем, ни большой книжный шкаф, ни обеденный стол, ни широкая тахта не привлекли моего внимания. Меня заворожил камин. Сложенный из темно-розового кафеля, он был украшен тончайшей лепниной — позже мне рассказали, что на нем изображена сцена из «Фауста». Веселая пирушка; и Фауст в шляпе с пером и ниспадающем складками плаще, с пенящимся бокалом в руке, был сказочно красив. Стол, уставленный бутылками, фруктами и другими яствами, — все это было из какой-то другой, неведомой жизни. Под этой лепной картиной протекали мои детство и отрочество, пока в 1937 году очередной домоуправ не явился к нам с комиссией и не заявил, что, возможно, бывший владелец особняка, богатый купец Ляпин, зарыл в камине клад, и потому его необходимо разбить, а вместо него сложить беленую кирпичную голландку. И, несмотря на мамины мольбы, камин варварски разрушили тяжеленными молотками. Долго еще потом валялись по двору розовые осколки, и

следующее поколение дворовых ребятишек играло ими в классики или просто гоняло по асфальту, которым к тому времени залили наш когда-то мощный булыжником двор, с пробивающейся сквозь камни жесткой короткой травой. А у меня так и не хватило духа подобрать хоть один из них — ведь это были вещественные осколки счастливых детских воспоминаний. А воспоминания должны быть бесплотны — так как-то надежнее...

(По книге Л. Либединской* «Зеленая лампа»)

* *Либединская Лидия Борисовна (1921–2006)* — советская писательница.

1. Какой аспект направления «Дом» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) следующим текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XXII. Рабочий кабинет в квартире Пришвина в Москве просторен: он с матовыми темно-синими стенами и старинной мебелью девятнадцатого века. Время от времени появляется в нем какая-нибудь новая художественная старинная вещь. Вещи эти начинают жить здесь, каждая со своим собственным настроением, историей, смыслом, и в то же время все они теперь взаимно объединены душой их хозяина. Ничто здесь, в этой молчаливой комнате, не происходит впустую или бесполезно. Вот побывал, побеседовал и ушел новый, интересный Пришвину человек... В данном случае это была молодая женщина, сотрудник Государственного Литературного музея. Писатель делает в дневнике по этому поводу короткий штрих: «...все вещи заметили ее, как будто она всего коснулась». Только одна фраза, но она несет в себе такую выразительную силу, что видим и эту синюю комнату, и в ней таинственный хоровод вещей, оживших от прикосновения мелькнувшей и ушедшей женщины.

Посреди комнаты висит старинная люстра, она сделана из чистейшего венецианского стекла. Она прекрасна легкостью и чистотой

материала. В ней нет ни одной металлической или деревянной детали. По форме она напоминает сложный прозрачный цветок. Лепестки его были когда-то разбиты. После того склеены. В дневнике мы находим запись, посвященную этой вещи. Оканчивается запись так: «...прелесть живого цветка подчеркнута неременной и близкой смертью его. Своей красотой она как бы обращается ко мне словами: «Возьми меня, человек, я тебе вверяюсь, возьми и спаси меня от неминуемой смерти».

И вот какой-то человек взял смертный цветок и создал бессмертный из хрусталя. Пусть он разбит — все равно он не умирает: даже в обломках его остается победное усилие человека на пути к бессмертию».

Так о каждой вещи, которая здесь появляется, самой малой, но несущей на себе признак художественности, в дневнике писателя мы находим опозитизирующую ее запись. Мы улавливаем некое эстетическое и нравственное единство в этой новой для Пришвина обстановке. Это единство есть творимая издавна сказка о жизни, сказка о правде, а сказка — это поэзия.

(По книге В. Пришвиной «Наш дом»)*

* Пришвина Валерия Дмитриевна (1899–1979) — литературный секретарь, а впоследствии жена М. М. Пришвина.

1. Какой аспект направления «Дом» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) следующим текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XXIII. ... У дочери не люблю бывать. Дом — полная чаша, дорогая мебель, посуда... Все по «каталогу». «Каталог» — настольная книга. Надо видеть и слышать, как она с подругами листает эту энциклопедию. С каким упоением обсуждаются интерьеры, занавески, покрывала! А как доходит до страниц с бижутерией, тут уж не слова,

не фразы, а междометия. Эллочке-людоедке не снилось! Когда они по телевизору смотрят концерт любимой певицы, то ни разу я не слышала, чтобы обсуждались ее вокальные способности, а лишь какие на ней «брюлики», и сколько ткани пошло на платье, и кто ей шьет? Брюлики? Это бриллианты. Я сама долго не понимала, о чем речь, пока не спросила.

Главное, что рядом крутится внучка, впитывает все, как губка. Терзаюсь, что ничего сделать не могу. Пыталась поговорить с дочерью не один раз. Впустую, ничего, кроме раздражения... Книги приношу, соблазняю, мол, вся Москва эту повесть захлёб читает. «Ладно, оставь, будет время, полистаю»... «Ну, как тебе, прочла?» — «Ой, мамочка, совсем нет времени, убираться в квартире некогда...».

Я все пытаюсь понять, откуда у моей дочери эта безвкусица. Ведь выросла вместе с братьями в доме, где вещизм презирался. То есть красивые вещи любили и ценили, но за модой не гнались (у всех есть — и у нас должно быть!). Важно, чтобы нравилось нам самим, чтобы всем в доме было удобно.

Когда дочь вышла замуж и вскоре стала жить отдельно, дом сразу начала благоустраивать по своему разумению. Она и в девичестве не раз с восторгом рассказывала после гостевания у какой-нибудь подружки, как у нее красиво, сколько хрусталя, ковров, стенок. Живут же люди!

(По книге Г. Аграновской «Поезд дальнего следования»)*

* *Аграновская Галина Федоровна (1928–2015)* — российская журналистка и писательница.

1. Какой аспект направления «Дом» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) следующим текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XXIV. В 1829 году Пушкин начал «Роман в письмах»: сочинение осталось незаконченным. Герой пишет приятелю: «...я без прискорбиа никогда не мог видеть унижения наших исторических родов; никто у нас ими не дорожит, начиная с тех, которые им принадлежат... Прошедшее для нас не существует. Жалкий народ!»

Для самого Пушкина родовые предания — дело нешуточное. «Любовь к отеческим гробам» — не просто семейное чувство, это еще и черта исторического сознания и важнейший признак культуры. Пушкин хорошо знал свою родословную, гордился ею и тесно сопрягал свое собственное существование с долгой, уходящей к истокам национальной жизни цепью родственников и предтеч.

Толстой, Лермонтов, Тургенев, в меньшей степени — Гоголь прекрасно помнили своих ближайших и отдаленнейших предков. И хотя в отличие от Пушкина им редко доводилось прибегать к генеалогическим аргументам, они тем не менее не только ощущали за собой авторитет глубоко укорененной культурной традиции, но и — над собой — надежную сень старого родового древа.

(По книге И. Волгина «Родиться в России»)

* *Волгин Игорь Леонидович* — писатель и историк, профессор МГУ, автор нескольких книг, посвященных жизни и творчеству Ф. М. Достоевского.

1. Какой аспект направления «Дом» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) следующим текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XXV. Натка не знала, сколько времени просидела так, бездумно, счастливо, на заросшей мхом скамейке в саду. Это был ее день — она физически ощущала живое присутствие родителей, память возвращала их голоса, интонацию, она чувствовала их рядом, и небо в этот день всегда было высокое, не голубое — синее, зелень — радостная, сирень — лиловая, пушистая.

Старая мудрая сосна чуть шевелит верхними ветвями — шепчет что-то, береза наклонилась к сирени — низко-низко, доверчиво, а удивительный дуб с четырьмя стволами — главная игра ее детства, тогда еще можно было залезть в эту развалину-седло и даже построить там шалаш, старый дуб с добродушной насмешкой поглядывал на нее сверху, теперь до этой развилки можно добраться разве что по пожарной лестнице.

Сад постарел, одряхлел, но все помнит, и яблони рады ей, хотя давно уже о них не заботятся по-настоящему и только осенью с восторгом уплывают сочные румяные «штрифели» — почему-то ребята с детства так называют этот сорт, и древняя слива покачивается, обещая варенье, а две стройные голубые ели — те крохотные елочки, которые отец посадил у калитки, а она из всех сил помогала, таскала маленькой лейкой воду, — раскидистые, вальжанные ели так высоко поднялись к небу, что нужно задрать голову, чтобы увидеть верхушку.

А вот на лиственнице приметы другой эпохи — тарзанка, толстый канат и деревянная палка для вполне обезьяньих упражнений, тоже заброшена, ждет новых укротителей. Теперь уже недолго ждать, Алешке, внуку, пятый год.

Эту встречу со старым домом она ждала весь год, представляла, предвкушала. Как жаль, что дом стал таким старым. Яблони с высотный дом ростом, сухие, кора потрескалась, свисает бинтами, слива сломана, из куста смородины торчат колючие сучья, стволы голубых елок в каких-то нарывах — сбросили нижние ветви. А дом — какой же он древний, и диванчику этому небось пятый десяток пошел, а от любимого отцовского сервиза одна салатница осталась, и буфет этот вечный, купеческий, огромный, нелепый, как памятник эпохи возвышается.

(По роману Д. Тевекелян «Интерес к частной жизни»)*

* Тевекелян Диана Варткесовна (1932–2011) — российская журналистка, писательница.

1. Какой аспект направления «Дом» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) следующим текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XXVI. На всю жизнь запомнился мне зимний вечер 7 января 1940 года.

Весь день я волновалась: Иван Бруни, мой приятель, сказал мне, что его родители хотели бы со мной познакомиться и приглашают меня на день рождения его матери Нины Константиновны. Я уже знала от Вани, что его мать — дочь знаменитого поэта-символиста Константина Бальмонта, стихами которого мы зачитывались, а отец, Лев Александрович — известный художник. Как тут не волноваться!

На Большой Полянке, возле трамвайной остановки, меня встретил Иван. Мы поднялись по темной лестнице на пятый этаж. Длинный захламленный коридор коммунальной квартиры. Ваня толкает дверь в комнату, откуда доносятся оживленные голоса, и я попадаю в другой мир, в иной век. Поистине Рождественская сказка!

В комнате пахнет, как в лесу, потрескивают и колеблются огоньки свечей на пушистой разлапистой елке, привезенной из Малоярославца. Белые вырезанные из бумаги ангелы спускаются с потолка на невидимых нитях. Они покачиваются в нагретом свечами воздухе, кружатся, медленно плывут по комнате.

Здесь все сделано хозяйскими руками: украшения на елке, ржаные медовые пряники, разрисованные белой глазурью, — сказочные рыбы, звери и растения, абажур на лампе, игрушки из корней и бересты, обильное угощение на столе. Хозяйке в тот день исполнилось 39 лет, и на рояле круглый именинный пирог, в нем тридцать девять тоненьких свечей. Окончится ужин, пирог подадут на стол, и тридцать девять веселых огоньков разбредутся по тарелкам, придавая праздничному столу фантастический вид.

А вот и сама хозяйка, хранительница домашнего очага, высокая, крупная, длинноногая, с большими красивыми руками, она широко и тяжело ступает мне навстречу. Бруни ждут седьмого ребенка и хотят, чтобы это обязательно была девочка. С краю стола, почти у самой двери, сидит младший мальчик Вася. Он в голубой полосатой пижамке, сейчас какая-нибудь из бабушек уведет его спать, а он не хочет и потому затаился, притих, похожий на коричневого зайца.

В этом доме можно было встретить художников и музыкантов, актеров, поэтов и ученых. Здесь нельзя было встретить плохих людей, им просто здесь нечего было делать. Встречали всех одинаково радушно, не считаясь с чинами и званиями: расстриженную монашку из разгромленного монастыря усаживали рядом с именитым гостем.

Вскоре дом Бруни стал для меня вторым родным домом.

В этом доме было много всего: детей и бабушек, картин и книг, стихов и музыки, гостеприимства и бескорыстия. Мало было жилплощади и денег. И совсем не было мешанства. Здесь никогда не разговаривали о нарядах и домашних работницах, не ряздили о московских сплетнях, ими просто не интересовались. Зато, если узнавали, что где-то беда, кидались туда, не затем, чтобы выразить сочувствие, а для того, чтобы помочь. Здесь с благодарностью принимали радость и мужественно встречали горе.

Здесь не боялись никакой работы: чисто вымытый пол или до блеска протертое окно вызывали такое же горячее одобрение, как прозрачные и мечтательные акварели, созданные руками хозяина дома.

Я наслаждалась дружественной и легкой атмосферой, царившей в этой семье, многому у них училась и мечтала, что когда-нибудь и у меня будет такая большая и дружная семья.

Чем ближе я узнавала Нину Константиновну, тем больше восхищалась ею и удивлялась, как смогла она пронести незыблемые устои семейной жизни, умение устраивать праздники не только для многочисленных родных, но для столь же многочисленных друзей, через все тяготы быта (семья Бруни так и прожила до смерти Льва Александровича в двух тесных комнатах, в огромной коммуналке), материальные трудности и исторические катаклизмы.

(По книге Л. Либединской «Зеленая лампа»)*

* *Либединская Лидия Борисовна (1921–2006)* — советская писательница.

1. Какой аспект направления «Дом» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) следующим текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XXVII. Родители у Вали были, и хорошие.

Они (Валины родители) были людьми образованными и высококультурными. Отец работал в одном научно-исследовательском уч-

реждении, где изучал культуру народов Древнего Востока — главным образом Китая и Японии; помимо китайского и японского языков, владел еще английским и немецким; за границу, правда, выезжал всего один раз, но знал и умел рассказывать о жизни зарубежных стран, в том числе самых отдаленных, значительно лучше, чем те, которые в них бывали; вообще эрудиции был широченной, знаком был и с техническими науками, мог собственноручно собрать радиоприемник и магнитофон, неплохо играл на скрипке, красиво катался на горных лыжах. Его жизненный уклад являл собой образец максимальной внутренней дисциплинированности и бережного отношения к свободному времени. Работал Валин отец много, увлеченно, но ежедневно, возвратясь с работы, по часу музицировал на скрипке, каждое воскресенье по три, по четыре часа играл в волейбол или в футбол, не пропускал ни одной интересной выставки и заслуживающей внимания театральной или кинематографической новинки и каждую весну ездил на Кавказ кататься на лыжах.

Жена его, Валина мама, была под стать мужу: преподавала японский язык в высшем учебном заведении, как белка в колесе, вращалась в гуще культурной и общественной жизни — что называется, не вылезала из концертов и профсобраний (она была председателем местного) — и в отличие от своих подруг и сослуживиц не любила проводить досуг на кухне, в ванне и в других местах общесемейного пользования. Однако хозяйкой была хлебосольной и без всякой домработницы и прочей посторонней помощи, которых никогда у Тряпишниковых не было, содержала квартиру в чистоте и образцовом порядке.

Впрочем, муж и сын в этом ей немало помогали. Бытовые обязанности в семействе Тряпишниковых были распределены, как в муравейнике, то есть изначально и настолько прочно, что выполнялись почти бессознательно. Первоклассник Валя, возвращаясь домой из школы, мог думать о чем угодно и пребывать в любом настроении, но органически не мог пройти мимо булочной, не купив ежедневного семейного рациона — батона белого хлеба и половинки черного. Равным образом не мог он встать из-за стола, не вымыв всю посуду, или лечь спать, не прибрав в квартире. Как на диковину смотрел он на женщин, моющих посуду или подметающих пол (в семье Тряпишниковых это делал только Валя), или по выходным дням готовящих обед

(в субботу и воскресенье приготовлением пищи занимался только Валин отец).

Строгий и Милостивая (так называл родителей Валя в дневнике) не только с малолетства приучили сына к домашнему труду, но всячески развивали его духовные и физические задатки: пристрастили к чтению (в четыре года Валя уже умел читать, а к двенадцати годам ознакомился едва ли не со всей отцовской библиотекой, богатой, но по понятной причине с преобладанием образцов восточной словесности, некоторые из них — главным образом древние сказки и легенды — Валя знал наизусть); к музыке (в пять лет Валу уже брали на концерты классической музыки); к спорту (с четырех лет Валя участвовал в краткосрочных туристических походах, а в семь отправился вдвоем с отцом на Кавказ, где был поставлен на горные лыжи). Ежедневно, как бы заняты ни были старшие Тряпишниковы, в семействе устраивался так называемый «шведский час»: откладывались в сторону срочные и несрочные дела, все члены семейства располагались друг против друга (чаще за ужином в кухне, но случалось в иной обстановке, например в креслах в гостиной под тихую музыку) и «общались», то есть обсуждали различные житейские проблемы, делились впечатлениями, строили планы на будущее. Причем в самой непринужденной атмосфере: отец мог, скажем, просматривать газеты, мать — вязать или проверять тетради с иероглифами, а Валя — сортировать марки по альбомам или что-нибудь еще. Этот «шведский час» был введен в семействе Тряпишниковых сразу после того, как отец вернулся из единственной своей загранкомандировки в Швецию.

В довершение рисуемой картины скажем несколько слов о квартире Тряпишниковых, ибо одно ее описание, как представляется, уже передает атмосферу, в которой родился и рос Валя. Письменный стол со стулом и стеллажи в три стены до потолка (в кабинете), тахта, три кресла и журнальный столик (в гостиной), стол со стулом и диван (в Валиной комнате) — вот, пожалуй, и вся мебелировка. Никаких сервантов, комодов, «стенок» и «горок». Весь домашний скраб у Тряпишниковых хранился на антресолях и в просторных стенных шкафах, созданных по чертежам старшего Тряпишникова и, за исключением отдельных деталей, его же собственными руками, в том числе складной стол для приема гостей и складные же стулья. Даже телевизор был портативным, держался в стенном шкафу и вынимался

из него в редчайших случаях, когда Валин отец обнаруживал в телепрограмме передачу, по его мнению, «действительно заслуживающую просмотра». Зато половину Валиной комнаты занимали различные спортивные снаряды: «шведская стенка», перекладина, кольца, станок для упражнений на растяжку мышц, набор гантелей и эспандеров. Зато в гостиной Валя мог — при желании и, разумеется, без ущерба для занятий родителей — играть в «мини-теннис», ударяя портативной ракеткой по мячику, притягиваемому на резинке к лежащему на полу грузу, — единственный «сувенир», который привез из Швеции отец, затратив почти все командировочные на покупку востоковедческой литературы...

Прекрасная семья и прекрасная обстановка! А потому удивительно читать в «Дневнике Шута», который вёл Валя, следующие записи:

«Вот бы достать где-нибудь старый глупый комод со множеством ящиков и большим зеркалом, водрузить этот комод на самую середину гостиной, покрыв его разными там кружевными полотенцами, рушничками и другой вышитой безвкусицей, а также слониками, шкатулочками и балеринками так, чтобы места на нем живого не осталось, а потом полюбоваться, какие лица будут у отца и матери — особенно у отца! — когда они придут домой и увидят в своей образцово-показательной гостиной эдакое чудовище. Вот было бы здорово!» (т. 8, с. 191).

Странная запись. А вот еще одна, не менее странная:

«Когда ученик пришел к учителю, тот сидел за бумажной ширмой...

Чудак, он вступился за котенка, и ему надрали уши. Он ничего еще не понимал в этом мире, и поэтому ему было больно и страшно. Он не выдержал и зашел в кабинет к отцу, когда тот играл на скрипке. Он искал Ответа на Вопрос, но и рта не успел открыть, как его прогнали.

Лучше бы его ударили смычком по лицу. Лучше бы его пнули ногой. Но ему сказали: «За ужином обо всем поговорим. А сейчас не мешай. Ты видишь, я играю на скрипке».

За ужином?... Глупый человек однажды уронил свой меч за борт и тщательно пометил борт, чтобы показать капитану, где следует искать, не понимая, что корабль движется» (т. 5, с. 100).

Но, пожалуй, самой странной и самой нелепой записью следует считать вот такую:

«И тут Шут вдруг вспомнил, как звали эту женщину — Зина. Вале тогда было всего пять лет. Отец брал его гулять в лес, и всякий раз на поляне возле качелей их ждала эта Зина. Отец заставлял называть её то тётёй Леной, то тётёй Ирой, то тётёй Олей, но она была Зиной, и даже пятилетний Валя понял, что это её настоящее имя.

Теперь понятно, почему Шут ни разу не видел, чтобы отец поцеловал мать. Теперь понятно, почему каждое лето отец на две недели уезжал на юг, но никогда не брал с собой ни мамы, ни Вали. Теперь понятно даже то, почему отец с матерью ни разу не сказали друг другу грубого слова. Но зачем же тогда жить вместе?

Если бы Шута спросили, чем человек отличается от животного, Шут бы ответил — лицемерием. Всё остальное есть и у животных.

Нет ничего страшнее лицемерия! Даже жестокость!» (т. 13, с. 298).

(По повести Ю. Вяземского «Шут»)*

* *Вяземский Юрий Павлович* (род. в 1951 г.) — русский писатель, философ, телеведущий.

1. Какой аспект направления «Дом» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) следующим текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XXVIII. Жил в поселке шестилетний Сережка Скуратов. В своей семье он был шестым ребенком. Отец его, одноногий и однорукий калека, нигде не работал, чуть ли не каждый день был пьян, пропивая свою пенсию и большую часть заработка жены, измученной и опустошенной безрадостной жизнью женщины. Дети в семье Скуратовых росли почти беспризорными, и самым беспризорным был Сережка.

Вечно чумазый, голопузый и босой, с кровоподтеками по всему телу, мыкался он по поселку, собирая сигаретные бычки для двух старших братьев и воруя клубнику на чужих огородах — для себя. На

воровстве своем частенько попадался. Одни драли ему уши; другие жаловались отцу, который хотя и встречал жалобщиков бранью, но все-таки порол своего младшенького; а третьи, которых в поселке, к счастью, было большинство, отловив Сережку на своем огороде, вели его в дом, мыли и кормили пацана чем-либо посущественнее ворованной клубники. Никакой благодарности за это Сережка, однако, не испытывал и у тех, кто мыл и кормил его, воровал значительно чаще, чем у тех, кто драл ему уши или жаловался отцу.

(По повести Ю. Вяземского «Шут»)*

* *Вяземский Юрий Павлович (род. в 1951 г.) — русский писатель, философ, телеведущий.*

1. Какой аспект направления «Дом» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) следующим текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

ЛЮБОВЬ

«“Любовь” — направление дает возможность посмотреть на любовь с различных позиций: родителей и детей, мужчины и женщины, человека и окружающего его мира. Речь пойдет о любви как явлении высоком, облагораживающем и возвышающем человека, о её светлых и трагических сторонах». (Из комментариев ФИПИ)

В данном разделе представлены тексты, которые дают представление о самых разных проявлениях Любви: это любовь к Родине и любовь между мужчиной и женщиной, любовь между родителями и детьми, между близкими людьми, любовь к людям вообще, а также любовь к природе и к искусству.

I. Не случайно, наверное, почти на всех языках мира называют одинаково любовью чувства в сущности различные: любят и женщину, и то или иное время года; любят и собаку, и тот или иной сорт яблок; любят ребенка, лес, родину; любят торт или пирожное и того или иного композитора... Не размывается ли «люблю», делаясь неопределенным, малосодержательным и будто бы даже безответственным от этого бесконечного разнообразия явлений духовной, душевной и даже животной жизни, которые умещаются в нем. Не кощунственно ли, что мы говорим «Я люблю...» единственной в мире женщине и «Я люблю антоновские яблоки», которые — не трагедия — можно заменить белым ранетом.

Видимо, языковая изобретательность и языковые богатства любого народа позволили бы «выдумать», если бы надо было по существу называть это по-разному, если бы любовь к женщине и любовь к родине, любовь к лесу и любовь к собаке не сосуществовали в духовном единстве, которое нерасторжимо.

Это определение — абсолют. Человек, говорящий «люблю тебя», объясняется в любви всему миру. И обнимает сердцем весь мир — с лесами, собаками, антоновскими яблоками, и музыкой, и чистой водой, с работой, которая по сердцу, и картинами в старом музее.

Но в этом духовном единстве существует и определенная иерархия. Например, для рыцаря честь выше любви. Если она для рыцаря

ниже любви, это нарушение иерархии, разрыв духовного единства. Но данные материи весьма тонки. Более явно нарушает иерархию человек, любящий гастрономические удовольствия больше, чем общение с морем или лесом. И опрокидывает иерархию тот, для которого собственное «я» дороже родины, хотя никому не возбраняется себя любить. Но это уже вовсе не любовь. Подлинная любовь строго иерархична. Не отрывая низшего от высшего, она никогда не поменяет их местами. И именно это сообщает красоту и силу даже любви к антоновским яблокам или вишневному варенью, потому что с ними и в них любят родные сады, родных людей, родную землю, но не больше, и именно поэтому яблоки истинно дороги тем, кто их любит.

Нарушив иерархию, мы убиваем любовь, хотя в ослеплении нам мерещится, что, наоборот, мы ее возвеличиваем. Именно иерархия любви дает нам силы выстоять под ударами судьбы при самых тяжких, непоправимых утратах. Рембрандт теряет жену, дом, детей, но у него остается искусство, венчающее иерархию — лестницу любви в его жизни.

Высшим в иерархии любви может быть родина, человечество, истина, честь; а может быть искусство у таких великих художников, как Рембрандт.

(По эссе Е. Богата «Время воскрешать»)*

* *Богат Евгений Михайлович (1923–1985)* — советский журналист, писатель.

1. Какой аспект направления «Любовь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

II. Меня не взяли в армию из-за моей хромоты, поэтому я пошел в ополчение. Мы должны были рыть противотанковые рвы недалеко от Москвы.

Это было огромное поле, распластавшееся подле небольшой деревушки, стоявшей на двух берегах маленькой речки, от неё метрах в пятистах. Мы остановились на этом поле и вытянулись длинной неровной пёстрой шеренгой. Теперь на солнце хорошо была видна наша разнопёрая одежда, возрастная наша путаница и полная несогласица во всём, начиная от манеры двигаться, до манеры стоять вольно. Нет, это была не армия, куда там, никакого сравнения! И у меня снова запылала старая косточка обиды на судьбу, не давшую мне стать настоящим солдатом.

Тем временем среди нас появились люди с верёвками и колышками и стали натягивать эти верёвки и колышки по одной прямой, только им одним ведомой линии. Это продолжалось довольно долго, шеренга наша расстроилась, многие уже сидели на земле или лежали, покуривая. Вдруг мы услышали звук автомобильного мотора, и прямо к нам, переваливаясь через кочки и ухабины, откуда-то выскочила маленькая машина, по уши заляпанная грязью. Машина не успела ещё остановиться, как из неё вырвался человек с измятым, жёлтым, нездоровым лицом. Человек этот взбежал на пригорок, повернулся к нам лицом и заговорил. Он был довольно далеко от меня, сильный ветер хватал слова у самого его рта и отбрасывал на правый фланг, и я почти ничего не слышал. Но по тому, как крылато взмётывались руки этого человека, по злomu, дикому напряжению всего его тела было видно, что говорил он хорошо. Он потрясал кулаками и показывал в землю, он грозил врагу, и приказывал, и вёл нас за собой, и, когда правофланговые нестройно закричали «ура», мы, ничего не слышавшие, но хорошо почуявшие ненависть, пылающую в сердце оратора, мы тоже крикнули «ура».

Подъехали грузовики, нам роздали лопаты, и человек, говоривший речь, первым схватил лопату и со страшной силой вонзил её в землю. Он выворотил здоровенный ком, было слышно, как трещал дёрн. Не раздеваясь, не ожидая команды, мы похватали свои лопаты и накинулись на землю. Земля сотряслась от наших ударов. Человек, говоривший речь, вскочил в машину, и она поскакала вдоль фронта работ. Мы рыли землю, мы копали, мы строили рвы, эскарпы и контрэскарпы... Как мы хотели, чтобы здесь, о сделанные нами укрепления, споткнулся и сломал бы свои омерзительные лапы коричневый паук! В этом был смысл работы, в этом была цель нашей жизни,

и нас нельзя было остановить. Это было вдохновение. Потное, алчное до успеха, до осязаемых результатов.

Через час огромный вал свежееотрытой коричневой земли протянулся по трёхверстному фронту. Это было ослепительное начало. Мы смотрели и не верили, что это сделали мы. Мы гордились этой комковатой, неприбранной землёй и, хотя самое трудное было впереди, мы уже видели, что сможем — можем, черт победы! Вот они, результаты нашего труда, они пахнут сыростью, но намечена первая линия огромного рва — значит, дело будет доделано и сослужит свою службу.

(По повести В. Драгунского «Он упал на траву»)*

* *Драгунский Виктор Юзефович (1913–1972)* — русский советский писатель, автор повестей и рассказов, из которых наибольшую популярность приобрёл цикл «Денискины рассказы», ставший классикой советской детской литературы.

1. Какой аспект направления «Любовь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

III. Своим наставником в искусстве пения Шаляпин называл русский народ с его песнями.

— К пению, — говорил он, — меня поощряли простые мастеровые русские люди... Ведь русские люди поют с самого рождения. От колыбели, от пеленок. Поют всегда... Пели в поле, пели на сеновалах, на речках, у ручьев, в лесах... Вот почему я так горд за мой певческий народ.

Но вот не стало и Шаляпина... Остались только граммофонные пластинки с его голосом, но они дают слишком недостаточное представление о том, чем он был на самом деле. Остался еще безмолвный фильм пьесы «Псковитянка», где Шаляпина можно увидеть в роли

Ивана Грозного и хоть несколько почувствовать силу его игры. Но всё это не то, и далеко не то...

Говорят, остался еще звуковой фильм «Дон Кихот» с Шаляпиным в заглавной роли, но мне не приходилось его слышать и видеть, и сказать о нём я ничего не могу.

Умер Шаляпин в 1938 году за границей. Но последняя, предсмертная его мысль была о родине.

— Где я? — говорил он уже в бредовом состоянии. — В русском театре? Чтобы петь, надо дышать. А у меня нет дыхания... В русский театр! В русский театр!..

С этими словами и умер великий артист. Именно то, что слова эти были последними, за минуту до смерти, и выражает его истинное отношение к родине, несмотря ни на что.

Рахманинов пережил своего друга Шаляпина ненадолго. Как пианист, как дирижер и композитор он был восторженно оценён в Европе и в Америке.

В годы Отечественной войны он организовал в Нью-Йорке большой концерт и всю выручку с этого концерта, около пяти тысяч долларов, переслал через советского генерального консула, на помощь русским, пострадавшим от войны. На эти деньги был оборудован отличный рентгеновский кабинет и передан со следующей скромной припиской: «От одного из русских посильная помощь русскому народу в его борьбе с врагами. Хочу верить и верю и полную победу. Сергей Рахманинов. 25 марта 1942 г.».

(По книге Н. Телешова
«Записки писателя»)*

* *Телешов Николай Дмитриевич (1867–1957)* — русский советский писатель, потомственный почетный гражданин Москвы.

1. Какой аспект направления «Любовь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

IV. — Был у нас на клипере¹, на «Грозящем», когда мы на нем три года тому назад ходили в дальнюю, матросик один, Васька Пернатый прозывался. Так довольно даже редкий и диковинный матрос был, братцы вы мои. Такого никогда на флоте я не видывал. Человек, прямо сказать, с понятием и по матросской части знал, хорошим рулевым был и в Кронштадте веселым человеком оказывал себя, и карахтера тихого, а как уплыли мы из Кронштадта и вошли в заграничные места, тут, значит, и вышла эта самая загвоздка...

— В чем загвоздка? — спросил кто-то.

— А в том, братец ты мой, что вовсе в расстройку вошел. И чем дальше мы уходили, тем больше он будто тронутый понятием становился. Ни с кем не говорил, чуждался, больше один да один, и все в тоске да в тоске, братцы вы мои. Глядит этто он на море, мурлычет себе под нос песню, а сам плачет... Однако тосковать — тосковал, а службу справлял форменно... Дошли мы таким родом до Мадер-острова, как остановил он старшего офицера и докладывает: «Дозвольте, вашескобродие, объяснить причину», — «Объясняй!» — говорит. «Так, мол, и так, как вам, говорит, будет угодно, а нет больше сил моего терпения! Явите, говорит, божескую милость, прикажите меня сей же секунд отправить обратно в Расею, а то я преступником-беглецом могу быть! Пробовал, говорит, я всячески принудить себя и не могу, вашескобродие. Тоска сосет!»

— Ишь ты... Что ж старший офицер?

— Известно что... Сперва-наперво ровно бы ошалел, что матрос с таким диковинным прошением осмелился, а потом: раз, два, три, и пошел лупцевать. Искровянил матроса в самом лучшем виде и велел ему всыпать еще двадцать пять розог. Всыпали...

Оделся, значит, Васька Пернатый после порки и безо всякой это злобы и как бы в задумчивости говорит унтер-офицерам, кои его драли: «Никакие розги, говорит, тоски не разгонят. Дойду до капитана, и вернут меня в Расею».

Ушли мы с Мадер-острова и вскорости зашли на Зеленые острова для запаса угля, живности и свежей провизии. Стоим это мы в Порто-грандах (Порто-Грандо) четвертый день, грузим уголь, быков, свиней, уток и курей принимаем, у арапов пельсины покупаем, лакомимся, значит, как вдруг утром перекличка, а Васьки Пернатого нет...

¹ Клипер — трехмачтовый быстроходный военный корабль.

Старший офицер как узнал, что Пернатый в беглых, очень даже осатанел. «Мы, говорит, его, подлеца, сыщем. Я покажу ему мигранта!» Совсем без терпения человек был старший офицер... Не смозговал того, что Васька Пернатый в Расею бежать хотел, а он кулаками машет и кричит: «мигрант!»

Тую же минуту послали на берег шлюпку с мичманом, чтобы поймать, мол, и предоставить беглого казенного человека... А город этот самый Портогранда маленький... арапы больше живут... Пернатого-то скоро и разыскали в избенке арапской. Бросился он в ноги мичману. Плачет: «Не берите, мол, меня на клипер. Я в Расею доберусь и явлюсь по начальству. Пусть со мной что угодно делают, но я по крайности в своей стороне буду». А мичман что может? Тоже подневольный офицер. Привезли и тот же секунд без допроса, как, мол, и почему матрос от тоски на ответ в Расею бежит, — беднягу на бак и всыпали без счета... Вроде как в бесчувствии в лазарет снесли... А ведь все от непонятия... После уж только в понятие насчет матросика вошли...

Отлежался Пернатый... Опять службу справляет... Опять тоскует...

Идем это мы тропиками, как вот теперь... Благодать одна... Тепло, служба легкая... И встречали мы в этих самых местах светлый праздник... А Васька-то Пернатый будто отходить почал от тоски эти дни... Отстояли мы заутреню... А Пернатый около меня стоял... Гляжу: молится, с колен не встает и руками лицо закрыл... Плечи вздрагивают... Плачет...

Вышли это мы наверх... А солнышко поднимается... Только Васька сам не свой. Уставил глаза на море да как вскочит на борт... На счастье, один матрос у борта стоял... схватил его за ноги... Насилу держит. А он голосом кричит: «Пустите, братцы, нет сил моего терпения... Лучше смерть».

Сняли его с борта. Привели к капитану, — он в то время команду обходил, проздравлял. «По какой такой причине ты жизни хотел решиться, матросик, и в такой великий день? — спросил капитан. — То бежать хотел, а теперь топиться?» Тот опять свое: «Тоскую, говорит, в чужих местах». Видит капитан, что человек на извод готов. Велел позвать доктора. «Обследуйте и доложите»... Он и доложил, что у Пернатого вроде быдто болезни... мудреное слово какое-то сказал... А выходит, что тоска по родине... Ну, капитан тотчас же потребовал

Пернатого и говорит: «Как придем на Яву-остров, оставлю тебя, а ты с обратным судном вернешься в Расею!» И как услышал это Пернатый, то сразу же человеком стал. В настоящее понятие вошел... Повеселел... одно слово: матрос как матрос... А как пришли на Яву-остров и велели ему на корвет перебираться, что в Расею шел, так и обсказать нельзя, как он обрадовался... Прощается со всеми и плачет от радости... Совсем диковинный матросик был! — заключил рассказчик.

(По рассказу К. Станюковича «Диковинный матросик»)*

* *Станюкович Константин Михайлович (1843–1903)* — русский писатель, известный произведениями на темы из жизни военноморского флота.

1. Какой аспект направления «Любовь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

V. В моей жизни все переменялось. Внешне она шла, как обычно. Я вставала в семь утра и к половине девятого бежала в школу. После уроков возвращалась домой и обедала, беседуя с бабушкой, ходила в кино и музеи, репетировала роль в пушкинском спектакле «Жених», который к юбилею готовил драмкружок при ТЮЗе, читала книги, писала стихи. И все-таки все переменялось. Я знала, что, выйдя на перемене в коридор, встречу *его*. Если после уроков немного задержаться, то можно вместе с ним спуститься по лестнице. А если к тому же выполнить бабушкино поручение и купить что-нибудь у Елисеева, то можно идти за ним почти до самого его дома.

Короче говоря, что бы я теперь ни делала, о чем бы ни думала, с кем бы ни разговаривала, я всегда помнила, что всего за несколько кварталов живет смуглый лохматый мальчик, и от его существования ярче светило солнце, оглушительнее звенела капель, выше и крупнее казались звезды.

Так пришла первая любовь.

Конечно, самое простое было бы с ним познакомиться. Но я этого и не очень хотела. Я наделила Валью достоинствами, существующими и вымышленными, для меня он был таким, каким я хотела его видеть. Я не собиралась скрывать своих чувств, охотно делилась с товарищами и подругами, могла часами говорить о том, какой он необыкновенный. И такая убежденность была в моих словах, что друзья, и особенно девочки, словно бы заражались моим чувством, некоторые мои подружки тоже влюбились в Валью Литовского, и почему-то каждая считала своим долгом признаться в этом мне.

Я принимала эти признания как должное и щедро разрешала всем любить Валентина Литовского. Мысль о том, что кто-то из моих подруг может добиться взаимности и таким образом лишит меня моего счастья, не приходила мне в голову. Чувство ревности всегда было мне непонятно: если человек любит кого-то больше меня, если ему с этим человеком интереснее, чем со мной, что поделаешь? Это может быть грустно, неприятно, но не угрозами и скандалами должна женщина отстаивать свои преимущества.

И все-таки любовь требовала действия. Я собрала газеты и журналы, где были помещены рецензии на фильм «Юность поэта», в котором Валя сыграл Пушкина в юности. Я заставила всех родственников и знакомых посмотреть этот фильм, я завесила нашу комнату кадрами из фильма. Я выучила наизусть сценарий и, засыпая и просыпаясь, повторяла его, как молитву. Я без конца ходила в кино. Сначала это было просто. Фильм «Юность поэта» шел во всех центральных кинотеатрах, и его можно было смотреть два-три раза в день. Но потом он уходил на окраины, и я ездила туда, стояла в очередях за билетами вместе с крикливыми мальчишками, сидела на скамейках без спинки и под лужанье семечек наслаждалась лицезрением моего героя. Я посмотрела фильм 84 раза!

Домой я шла пешком. С тех пор я хорошо знаю географию старой Москвы — тихие замоскворецкие переулки, оглашенный трамвайным звоном район Таганки, зеленые Сокольники, Лефортово, пыльное Всехсвятское, булыжные мостовые Красной Пресни.

Была весна, звонкая и яркая. На окраинах это чувствовалось особенно. Говорливые ручьи бежали вдоль дымящихся тротуаров, стыли огромные синие лужи. Я шла быстро, почти бегом, чувствуя легкость

во всем своем существе, и идти так хотелось без конца. Я читала наизусть стихи, все подряд, какие знала: Пушкина и Блока, Ахматову и Лермонтова, Тютчева и Пастернака. А когда чужих стихов не хватало, я сочиняла свои.

Опускались сумерки, месяц, как срезанный ноготь, висел в синей неправдоподобной вышине, загорались первые звезды, резче кричали автомобили, глуше шуршали шины, явственнее становились возгласы прохожих. А я все шла и шла, и это было похоже на полет.

Да, жить хотелось без конца. Хотелось, чтобы всего было много — любви, дружбы, счастья...

С тех пор прожита целая жизнь, счастливая и сложная. Много было работы и счастья, любви и дружбы, встреч и разлук, радости и горя. Но как чистый родничок, родившийся где-то в недрах земли, который вечно творит свою несложную песенку, и ни снежные обвалы, ни землетрясения не могут заглушить его, так под спудом лет и переживаний живет в душе моей первое чистое чувство, зародившееся яркой и трагической весной 1937 года.

Живет и помогает жить мне.

(По книге Л. Либединской «Зеленая лампа»)*

* *Либединская Лидия Борисовна (1921–2006)* — советская писательница.

1. Какой аспект направления «Любовь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

VI. Раздвоение Таниной личности произошло из-за Князева.

Одна Таня ненавидела его, другая — тянулась к нему.

Одна Таня говорила ему:

— Уходи!

Другая просила:

— Останься!

Получалась полная неразбериха.

Если на уроке одна Таня забывалась, другая тут же поворачивала голову и с тайным любопытством рассматривала густой бобрик, прищуренные глаза.

И вот что произошло: одна Таня забылась, другая оглянулась. Генриетта Павловна заметила, что девушка смотрит не на доску и не слушает объяснений. Некоторое время учительница наблюдала за Таней. Потом она сказала ледяным голосом:

— Вьюник, не смотри на Князева.

Она могла бы сказать: «Вьюник, слушай урок». Или: «Вьюник, не вертись».

Но она сказала: «Вьюник, не смотри на Князева».

По классу покотился ядовитый смешок. Таня покраснела и посмотрела в глаза учительницы. Глаза смеялись. Они дразнили Таню. Издевались на ней: «Вот я тебя подловила! Теперь я над тобой покуражусь! Ха! Ха! Ха!»

Тане захотелось вскочить и крикнуть учительнице что-нибудь обидное.

Но Таня опустила глаза.

— Вьюник, иди к доске, — сказала Генриетта Павловна.

Ей было мало того, что Таня опустила глаза, ей нужно было выставить девушку перед классом, чтобы все могли разглядеть Таню и смеяться.

Таня заставила себя встать. Она пошла к доске. Она шла между партами, как сквозь строй. Подошла к доске. Взяла в руки мелок.

— Пиши, — сказала учительница и стала диктовать: «Долго не находил я никакой дичи; наконец из широкого дубового куста, насквозь проросшего полынью, полетел коростель».

Таня сжала, сильнее сжала холодный мелок. Он показался ей гладким крымским камушком. Она повернулась к доске и стала писать:

«Генриетта Павловна, вы злой, холодный человек...»

— Написала? — не оглядываясь, спросила учительница.

— Написала, — ответила Таня.

Класс замер. Смешок сгорел. Было тихо.

Учительница диктовала дальше:

— «Я ударил: он перевернулся в воздухе и упал».

Таня стиснула мел и, вдавливая его в доску, написала: «Я ненавижу вас».

Мел перестал скрипеть. Учительница решила, что Таня забыла конец фразы, и повторила:

— «...он перевернулся в воздухе и упал».

Мелок не скрипел. Генриетта Павловна повернулась к доске и прочла. Её глаза округлились. На этот раз они не смеялись.

— Что это значит, Вьюник? — глухо спросила учительница. — Что ты написала?

Таня пожала плечами.

— Возьми портфель и уходи, — выдавила из себя Генриетта Павловна. И не дожидаясь, пока Таня уйдёт из класса, стала торопливо переписывать то, что было написано на доске.

После урока Генриетта Павловна быстро вышла из класса и застучала каблучками по длинному школьному коридору. Она спешила в учебную часть.

(По повести Ю. Яковлева «Гонение на рыжих»)*

* *Яковлев Юрий Яковлевич (1922–1995)* — советский писатель и сценарист, автор книг для подростков и юношества.

1. Какой аспект направления «Любовь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

VII. Мне было около года, когда врачи сказали, что болезнь отца приняла неизлечимую форму, что он обречен.

— Посмотрим, — ответила мать и увезла отца в Златоуст, который славился своим целебным климатом.

Не говоря уж об их пылкой любви, сострадание и отвага в помощи являлись основой материнской натуры.

Каждый день в 6 часов утра, укутав отца в тулуп, мать заставляла его прогуливаться час на морозе. Два года были всецело посвящены страпне. Это было тем более трудно, что мать ненавидела кухню и без своей работы (она была скульптором) приходила в угнетенное состояние духа.

Отец вернулся из Златоуста здоровым. Доктор, прослушав его, развел руками и сказал матери:

— Вы сотворили чудо! Преклоняюсь. А вы, мой друг, обязаны жизнью вашей жене.

(По книге Н. Морозовой «Мое пристрастие к Диккенсу»)*

* Морозова Нелли Александровна (род. в 1924 г.) — российский киносценарист, редактор, мемуарист.

1. Какой аспект направления «Любовь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

VIII. Сидя у сестры и читая исторический роман, Лаптев вспоминал все, и ему было обидно, что на его великолепное, чистое, широкое чувство ответили так мелко; его не любили, но предложение его приняли, вероятно, только потому, что он богат, то есть предпочли в нем то, что сам он ценил в себе меньше всего. Можно допустить, что Юлия, чистая и верующая в Бога, ни разу не подумала о деньгах, но ведь она не любила его, не любила, и, очевидно, у нее был расчет, хотя, быть может, и не вполне осмысленный, смутный, но все же расчет. Дом доктора был ему противен своею мещанскою обстановкой, сам доктор представлялся жалким, жирным скрягой, самое имя Юлия звучало уже вульгарно. Он воображал, как он и его Юлия пойдут под венец, в сущности, совершенно незнакомые друг другу, без капли чувства с ее стороны, точно их сваха сосватала, и для него теперь оставалось только одно утешение, такое же банальное, как и самый этот брак,

утешение, что он не первый и не последний, что так женятся и выходят замуж тысячи людей и что Юлия со временем, когда покороче узнает его, то, быть может, полюбит.

(По повести А. П. Чехова «Три года»)*

* Чехов Антон Павлович (1860–1904) — великий русский писатель, классик мировой литературы.

1. Какой аспект направления «Любовь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

IX. У окна стояла молодая девушка и задумчиво глядела на грязную мостовую. Сзади нее стоял молодой человек в чиновничьем вицмундире. Он теребил свои усики и говорил дрожащим голосом:

— Опомнись, сестра! Еще не поздно! Сделай такую милость! Откажи ты этому пузатому лабазнику! Ну, сделай ты такую милость!

— Не могу, братец! Я ему слово дала.

— Умоляю! Пожалей ты нашу фамилию! Ты благородная, личная дворянка, с образованием, а ведь он мужик, хам! Пойми ты это, неразумная! Вонючим квасом да тухлыми селедками торгует! Жулик ведь! Жилы тянет с бедного народа! Ну, а где твои мечтания? А? Боже ты мой, господи!

Сестра вспыхнула. Подбородок ее задрожал, глаза наполнились слезами.

— Эх, сестра, сестра! Польстилась ты на хамские капиталы, на сережки да браслетки. Выходишь по расчету за дурмана какого-то... за свинство... За невеждуходишь... Фамилии путем подписать не умеет! «Митрий Неколаев». «Не»... слышишь?.. Неколаев... Стар, грубый, сиволапый...

Голос братца дрогнул и засипел. Братец закашлялся и вытер глаза.

— Слово дала, братец... Да и бедность наша опротивела...

— Скажу, коли уж на то пошло! Не хотел пачкать себя в твоём мнении, а скажу... Знаешь, в каком месте я однажды с ним встретился?!

— В каком?

Братец раскрыл рот, но ему помешали. В комнату вошел парень в поддевке, грязных сапогах и с большим кульком в руках. Он перекрестился и стал у двери.

— Кланялся вам Митрий Терентьич, — обратился он к братцу, — и велели вас с воскресным днем поздравить-с... А вот это самое-с в собственные руки-с.

Братец нахмурился, взял кулек, взглянул в него и презрительно усмехнулся.

— Что тут? Чепуха, должно быть... Гм... Голова сахару какая-то...

Братец вытащил из кулька голову сахару, снял с нее колпак и пощелкал по сахару пальцем.

— Гм... Чьей фабрики сахар? Бобринского? То-то... А это чай? Воняет чем-то... Сардины какие-то... Помада ни к селу ни к городу... изюм с сором... Задобрить хочет, подлизывается... Не-ет-с, милый дружок! Нас не задобришь! А для чего это он цикорного кофею всунул? Я не пью. Кофей вредно пить... На нервы действует... Хорошо, ступай! Кланяйся там!

Парень вышел. Сестра подскочила к брату, схватила его за руку... Брат сильно подействовал на нее своими словами. Еще бы слово, и... несдобровать бы лабазнику!

— Говори же! Говори! Где ты его видел?

— Нигде. Я пошутил... Делай, как знаешь! — сказал братец и еще раз постукал пальцем по сахару.

(По рассказу А. П. Чехова «Братец»)*

* Чехов Антон Павлович (1860–1904) — великий русский писатель, классик мировой литературы.

1. Какой аспект направления «Любовь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

Х. Человек с сизым носом подошел к колоколу и нехотя позвонил. Публика, дотеле покойная, беспокойно забегала, засуетилась... По платформе затарахтели тележки с багажом. Кто-то, где-то, суетясь, разбил бутылку... Послышались прощания, громкие всхлипывания, женские голоса...

Около одного из вагонов второго класса стояли молодой человек и молодая девушка. Оба прощались и плакали.

— Прощай, моя прелесть! — говорил молодой человек, целуя девушку в белокурую головку. — Прощай! Я так несчастлив! Ты оставляешь меня на целую неделю! Для любящего сердца ведь это целая вечность! Про...щай... Утри свои слезки... Не плачь...

Из глаз девушки брызнули слезы; одна слезинка упала на губу молодого человека.

— Прощай, Варя! Кланяйся всем... Ах, да! Кстати... Если увидишь там Мракова, то отдай ему вот эти... вот эти... Не плачь, душечка... Отдай ему вот эти двадцать пять рублей...

Молодой человек вынул из кармана четвертную и подал ее Варе.

— Потрудись отдать... Я ему должен... Ах, как тяжело!

— Не плачь. Петя. В субботу я непременно... приеду... Ты же не забывай меня...

Белокурая головка склонилась на грудь Пети.

— Тебя? Тебя забыть?! Разве это возможно?

Ударил второй звонок. Петя сжал в своих объятиях Варю, замигал глазами и заревел, как мальчишка. Варя повисла на его шее и застонала. Вошли в вагон.

— Прощай! Милая! Прелесть! Через неделю!

Молодой человек в последний раз поцеловал Варю и вышел из вагона. Он стал у окна и вынул из кармана платок, чтобы начать махать... Варя впилась в его лицо своими мокрыми глазами...

— Айдите в вагон! — скомандовал кондуктор. — Третий звонок! Праашу вас!

Ударил третий звонок. Петя замахал платком. Но вдруг лицо его вытянулось... Он ударил себя по лбу и как сумасшедший вбежал в вагон.

— Варя! — сказал он, задыхаясь. — Я дал тебе для Мракова двадцать пять рублей... Голубчик... Расписочку дай! Скорей! Расписочку, милая! И как это я забыл?

— Поздно, Петя! Ах! Поезд тронулся!

Поезд тронулся. Молодой человек выскочил из вагона, горько заплакал и замахал платком.

— Пришли хоть по почте расписочку! — крикнул он кивавшей ему белокурой головке.

«Ведь этакий я дурак! — подумал он, когда поезд исчез из вида. — Даю деньги без расписки! А? Какая оплошность, мальчишество! (Вздох.) К станции, должно быть, подъезжает теперь... Голубушка!»

*(По рассказу А. П. Чехова**

«В наш практический век, когда, и т.д.»)

* Чехов Антон Павлович (1860–1904) — великий русский писатель, классик мировой литературы.

1. Какой аспект направления «Любовь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

ХІ. Когда Фёдор Иванович Толстой, которого прозвали «Американец», вернулся из кругосветного плавания, он поселился в Москве, и, по-моему, эта вторая его русская жизнь чуть ли не интереснее американской. По словам самого Фёдора Ивановича, первым его делом, когда он явился в Москву, было заказать большой образ св. Спиридона, скорого помощника, и надеть его себе на грудь. Про святого Спиридона Толстой рассказывал целую легенду.

Во время своего пребывания в Америке, в одну тёмную ночь, когда он был на шаг от пропасти, ему явилось лучезарное видение святого, осадило его назад, и он был спасён. Тогда же Фёдор Иванович заглянул в календарь, который носил всегда при себе, и увидел число: 12 декабря; значит, святой, который предстал ему в видении, был не кто иной, как святой Спиридоний, покровитель всех графов Толстых.

С этой минуты Фёдор Иванович сделался богомолен сверх всякой меры. И все-таки эти новые религиозные чувства не помешали ему начать в Москве страшную картёжную игру и сделаться ярым дуэлянтом. Кроме того, дядюшка мой в Москве скоро влюбился в молоденькую цыганочку-плясунью Пашеньку. Он, верно, никогда бы и не подумал на ней жениться, если бы эта любящая его женщина своим благородным поступком не пробудила в нем совесть.

Раз он проиграл в клубе большую сумму денег и не мог заплатить их. Графская гордость его не могла пережить этого позора, и он собрался всадить себе пулю в лоб. Цыганочка, видя его в таком состоянии, начала выпрашивать:

— Что с тобою, граф? Скажи мне! Я, быть может, могу помочь тебе.

— Что ты ко мне лезешь? Чем ты можешь помочь мне? Ну, проигрался! Выставят на позор, а я этого не переживу!.. Ну, что ты тут можешь сделать? Убирайся!

Но Пашенька не отставала от него, узнала, сколько ему нужно денег, и на другое утро привезла и отдала их ему...

— Откуда ты достала эти деньги? — спросил удивлённый граф.

— Откуда? От тебя! Разве ты мало мне дарил?! Я всё прятала... а теперь возьми их, они твои...

После этого Фёдор Иванович расчувствовался и женился на Пашеньке.

(По книге М. Каменской «Воспоминания»)*

* *Каменская Мария Федоровна (1817–1898)* — русская писательница, дочь художника графа Ф. П. Толстого.

1. Какой аспект направления «Любовь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

ХII. На заре века, в 1908 году, в похожий на долгие-долгие сумерки зимний день петербургская гимназистка Лиза Пиленко пошла к Александру Блоку. Она долго-долго стояла перед окнами его дома на Галерной улице, потом решилась, позвонила...

Лизе Пиленко было пятнадцать лет. Она родилась и выросла на юге, у Черного моря, любила солнце. Все ей казалось рыжим в Петербурге: рыжий туман, рыжий снег — никогда-никогда нет солнца. Часами неприкаянно она бродила по далеким безлюдным окраинам и в ту первую петербургскую осень и зиму чувствовала тоску, о которой говорила сама через много лет, испытыв больше, чем, казалось бы, может испытать человек, что именно та полудетская тоска была самой острой в ее жизни.

А тосковала она не только по югу. Она тосковала по Человеку — по тому великодушному и строгому, с мудрым сердцем, кто откроет ей, в чем же смысл жизни. В семье — уныло, в гимназии — тошно, на улицах — одиноко... А ей хотелось не только солнца и моря — хотелось напряженной, осмысленной жизни, подвига, может быть, гибели в борьбе с неправдой, которая окружала ее, как этот рыжий туман, этот рыжий снег...

Однажды на литературном вечере в каком-то окраинном реальном училище она увидела, услышала Блока. Человек с неподвижным безразличным красивым лицом, будто бы высеченным из камня, медленно, устало читал стихи. В них были рыжий туман, рыжий снег, городское удушие — была бессмысленность мира и отчаянный вызов этой бессмысленности. Эти стихи пели в ней самой. И она чувствовала восторг, тоже, может быть, самый острый за всю жизнь, — она в небывалом мире. Этот человек, только он поможет ей победить тоску.

Первый раз она не застала Блока дома. Пошла во второй — тоже не застала. В третий — решила отчаянно: дождусь!

Ее ввели в маленький кабинет с огромным портретом Менделеева, с письменным столом, на котором почти ничего не стояло, — образцовый порядок в комнате невольно наводил на мысли, что в ней живет не поэт, а ученый.

Она ждала долго, и вот шаги, разговор в передней, входит Блок в черной широкой блузе с отложным воротником, очень тихий, очень застенчивый. Он молчит, ждет, и она, собравшись с духом, говорит ему обо всем сразу — о рыжем тумане и снеге, о тоске, о бессмысленности мира.

Блок слушает внимательно, даже почтительно, будто бы перед ним не пятнадцатилетняя девочка, а такой же взрослый, мучающийся большими вопросами человек.

Он точно не замечает ее возраста, и это запоминается на всю жизнь.

Они говорили долго, стемнело за окнами, и это первый петербургский вечер, когда ей было хорошо. Она не чувствовала большой тоски, потому что Блока ей стало жаль сильнее, чем себя.

Через неделю она получила письмо в необычном ярко-синем конверте. Это были стихи: «Когда вы стоите на моем пути, такая живая, такая красивая...»

Петербургскую девочку ожидала большая сложная жизнь. Она вышла замуж, стала на короткое время известна как молодая поэтесса Кузьмина-Караваева, ушла от мужа, убежала на юг, к морю и солнцу, жила суровой жизнью в рабочем поселке и там, ошеломленная волною людей, бежавших от революции, закружилась в этой волне, очнувшись по ту сторону Черного моря, в эмиграции, в беспросветной нищете и одиночестве.

Перед Второй мировой войной в Париже заговорили о необыкновенной монахини, матери Марии.

Когда гитлеровские войска вторглись во Францию, мать Мария ушла с головой в подпольную работу.

В феврале 1943 года ее арестовало гестапо и отправило в концлагерь в Равенсбрюк, где она и погибла.

О Блоке она думала, конечно, все время. Там, где люди иногда забывают даже собственное имя, она читала наизусть его стихи. Особенно часто: «Ветер, ветер на всем божьем свете...»

Чем больше я узнавал об этой женщине, тем сильнее хотелось мне постоять у дома, в котором она *тогда* ждала Блока. Я поехал в Ленинград и нашел этот дом. Был такой же, похожий на долгие-долгие сумерки, серый туманный зимний день, как и почти шестьдесят лет назад, когда пятнадцатилетняя Лиза Пиленко, заложив руки в карманы, распустив уши меховой шапки, шла по Невскому, повернула на Галерную...

И я долго стоял перед домом Блока, повторял, волнуясь, про себя любимые стихи, переживал их заново: в них теперь вошло много такого, чего я не чувствовал, не видел, да и не мог видеть и чувствовать

раньше, когда воспринимал в красивых, певучих строках только печаль мудрого доброго человека, который застенчиво улыбается, чтобы не огорчить милую девочку этой печалью...

Когда вы стоите на моем пути,
Такая живая, такая красивая...

Время, видимо, накладывает особый отпечаток не только на архитектурные памятники и полотна художников, сообщая им как бы дополнительное четвертое или пятое измерение. С особой волнующей силой оно углубляет и талантливые стихи. Я повторял смущенно-нежные строки, посвященные пятнадцатилетней Лизе, и чувствовал: в них шумит, как в раковине море, столетие, вместившее в себе несказанно много — от духов и туманов Незнакомки до печей Равенсбрюка...

Вот тогда-то и испытал я ту минуту, быть может, наивной гордости, что я живу *сейчас*. Я как бы дотронулся до почти невыразимой словами, трудно формулируемой, последней — в смысле глубины — реальности века, рядом с которой все наши полуночные беседы об антиромане, джазе и антиджазе, абстрактной живописи, распаде форм в кино и т. д. кажутся легкой исчезающей пылью.

А дом, где когда-то была маленькая комната с огромным портретом Менделеева, оказался обыкновенным унылым старым петербургским домом. Шел снег, быстро темнело. В окнах зажигались огни. Незадолго до Второй мировой войны Елизавета Юрьевна Пиленко написала воспоминания о Блоке; в них она рассказала, о чем думала, возвращаясь в тот вечер от Блока по Галерной:

«Я оставила часть души там. Это не полудетская влюбленность. На сердце скорее материнская встревоженность и забота. А наряду с этим сердцу легко и радостно. Хорошо, когда в мире есть такая большая тоска, большая жизнь, большое внимание, большая обнаженная зрячая душа».

В этих воспоминаниях она рассказала и о многих последующих встречах с Блоком, когда Лиза Пиленко стала молодой петербургской поэтессой.

«Однажды он говорил о трагичности всяких людских отношений. Они трагичны, потому что менее долговечны, чем человеческая жизнь. И человек знает, что, добиваясь их развития, добивается их смерти. И все же ускоряет и ускоряет их ход».

Большая горькая мысль. Читая воспоминания первый раз, я согласился с ней. Но потом, узнавая все больше о самом авторе воспоминаний, я невольно сопоставлял это с тем, что говорил Блок о человеческих отношениях. И увидел в ее судьбе, в ее великой любви к Блоку удивительное опровержение его горькой мысли. *Человеческие отношения могут быть долговечнее человеческой жизни.* И не только потому, что один человек умирает, а второй любит его, как живого. В исключительно счастливых случаях человеческие отношения сами по себе могут стать такой же реальной ценностью, как строения гениальных зодчих, большая музыка и мудрые книги. Они долговечнее человеческой жизни.

(По повести Е. Богата* «Ахилл и черепаха»)

* *Богат Евгений Михайлович* (1923–1985) — советский журналист, писатель.

1. Какой аспект направления «Любовь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

ХIII. В уединенном блиндаже оставалась только радистка Катя.

Что означал ответ Травкина на ее заключительные слова по радио? Сказал ли он «я вас понял» вообще, как принято подтверждать по радио услышанное, или он вкладывал в свои слова определенный тайный смысл? Эта мысль больше всех других волновала ее. Ей казалось, что, окруженный смертельными опасностями, он стал мягче и доступней простым, человеческим чувствам, что его последние слова по радио — результат этой перемены. Она улыбалась своим мыслям. Выпросив у военфельдшера Улыбышевой зеркальце, она смотрелась в него, стараясь придать своему лицу выражение торжественной серьезности, как подобает — это слово она даже произносила вслух — невесте героя.

А потом, отбросив прочь зеркальце, принималась снова твердить в ревуший эфир нежно, весело и печально, смотря по настроению:

— Звезда. Звезда. Звезда. Звезда.

Через два дня после того разговора Звезда вдруг снова отозвалась:

— Земля. Земля. Я Звезда. Слышишь ли ты меня? Я Звезда.

— Звезда, Звезда! — громко закричала Катя. — Я Земля. Я слушаю тебя, слушаю, слушаю тебя.

Она протянула руку и настежь отворила дверь блиндажа, чтобы кого-нибудь позвать, поделиться своей радостью. Но кругом никого не было. Она схватила карандаш и приготовилась записывать. Однако Звезда на полуслове замолчала и уже больше не говорила. Всю ночь Катя не смыкала глаз, но Звезда молчала.

Молчала Звезда и на следующий день и позднее. Изредка в блиндаж заходили то Мещерский, то Бугорков, то майор Лихачев, то капитан Яркевич — новый начальник разведки. Но Звезда молчала.

Катя в полудремоте целый день прижимала к уху трубку рации. Ей мерещились какие-то странные сны, видения. Она опоминалась, дрожа от ужаса, что могла пропустить мимо ушей вызовы Травкина, и принималась снова говорить в трубку:

— Звезда. Звезда. Звезда.

До нее издали доносились артиллерийские залпы, гул начинающегося сражения.

В эти напряженные дни майор Лихачев очень нуждался в радистах, но снять Катю с дежурства у рации не решался. Так она сидела, почти забытая, в уединенном блиндаже.

Как-то поздно вечером в блиндаж зашел Бугорков. Он принес письмо Травкину от матери, только что полученное с почты. Мать писала о том, что она нашла красную общую тетрадь по физике, его любимому предмету. Она сохранит эту тетрадь. Когда он будет поступать в вуз, тетрадь ему очень пригодится. Действительно, это образцовая тетрадь. Собственно говоря, ее можно было бы издать как учебник, — с такой точностью и чувством меры записано все по разделам электричества и теплоты. У него явная склонность к научной работе, что ей очень приятно. Кстати, помнит ли он о том остроумном водяном двигателе, который он придумал двенадцатилетним мальчиком? Она нашла эти чертежи и много смеялась с тетей Клавой над ними.

Прочитав письмо, Бугорков склонился над рацией, заплакал и сказал: «Скорей бы войне конец... Нет, не устал. Я не говорю, что устал. Но просто пора, чтобы людей перестали убивать».

И с ужасом Катя вдруг подумала, что, может быть, бесполезно ее сидение здесь, у аппарата, и ее бесконечные вызовы Звезды. Звезда закатилась и погасла. Но как она может уйти отсюда? А что, если он заговорит? А что, если он прячется где-нибудь в глубине лесов?

И, полная надежды и железного упорства, она ждала. Никто уже не ждал, а она ждала. И никто не смел снять рацию с приема, пока не началось наступление.

(По повести Эм. Казакевича «Звезда»)*

* *Казакевич Эммануил Генрихович (1913–1962)* — советский прозаик, поэт, переводчик.

1. Какой аспект направления «Любовь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XIV. Чехов родился на берегу мелкого Азовского моря, в уездном городе, глухом в ту пору, и характер этой скучной страны немало, должно быть, способствовал развитию его прирожденной меланхолии. Мещанская уездная бедность семьи, молчаливая, со сжатым ртом, с прямой удлинненной губой мать, «истовый и строгий» отец, заставлявший старших сыновей по ночам петь в церковном хоре, мучивший их спевками поздними вечерами, как какой-нибудь зверь; требовавший с самого нежного возраста, чтобы они сидели по очереди в качестве «хозяйского ока» в лавке. И чаще всего страдал Антоша, — наблюдательный отец сразу отметил его исполнительность и чаще других засаживал его за прилавок, когда нужно было куда-нибудь ему отлучиться.

Однако еще гимназистом в письме от 29 июля 1877 года Антоша писал своему двоюродному брату М. М. Чехову.

«Отец и мать единственные для меня люди на всём земном шаре, для которых я ничего никогда не пожалею, и если я буду высоко стоять, то это дело их рук, славные они люди, и одно безграничное их детолюбие ставит их выше всяких похвал, закрывает собой все их недостатки, которые могут появиться от плохой жизни, готовит им мягкий и короткий путь, в который они веруют и надеются так, как немногие».

С самых первых лет студенчества Антон Павлович взял на свои плечи всю семью.

(По книге И. Бунина* «О Чехове»)

* Бунин Иван Алексеевич (1870–1953) — русский писатель, первый лауреат Нобелевской премии по литературе из России (1933 год).

1. Какой аспект направления «Любовь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XV. В детстве мы легко принимаем от матери жертвы. Всё время требуем жертв. А то, что это жестоко, узнаём позже — от своих детей.

В один из «суровых дней» я пришёл из школы голодный и усталый. Бросил портфель. Разделся. И сразу за стол. На тарелке лежал розовый кружок колбасы. Я съел его мгновенно. Он растаял во рту. Его как бы и не было. Я сказал:

— Мало. Хочу ещё.

Мама промолчала. Я повторил свою просьбу. Она подошла к окну и, не оглядываясь, тихо сказала:

— Больше нет... колбасы.

Я встал из-за стола, не сказав спасибо. Мало! Я шумно ходил по комнате, грохотал стульями, а мама всё стояла у окна. Я подумал, что

она разглядывает что-то, и тоже подошёл к окну. Но ничего не увидел.

Я хлопнул дверью — мало! — и ушёл.

Нет ничего более жестокого, чем просить у матери хлеба, когда его у неё нет. И негде взять. И она уже отдала тебе свой кусок... Тогда можно рассердиться и хлопнуть дверью. Но пройдут годы, и стыд настигнет тебя. И тебе станет мучительно больно от своей жестокой несправедливости.

Ты будешь думать о дне своего позора даже после смерти матери, и эта мысль, как незаживающая рана, будет то затихать, то пробуждаться. Ты будешь находиться под её тяжёлой властью и, оглядываясь, скажешь: «Прости!» Нет ответа.

Некому прошептать милосердное слово: «Прощаю».

Когда мама стояла у окна, её плечи слегка вздрагивали от беззвучных слёз. Но я этого не заметил. Я не заметил своих апрельских следов на полу. Не расслышал хлопнувшей двери.

Теперь я всё вижу и слышу. Время всё отдаляет, но оно приблизило ко мне этот день. И многие другие дни.

Прости меня, родная!

(По повести Ю. Яковлева «Сердце земли»)*

* Яковлев Юрий Яковлевич (1922–1995) — советский писатель и сценарист, автор книг для подростков и юношества.

1. Какой аспект направления «Любовь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XVI. Время было позднее, магазины открыты. Зашёл Алексей в один да в другой. Ходил возле полок, приглядывался, но ничего не мог выбрать. Хотелось, чтобы и для ноги были хороши: всё же мать не молоденькая. Чтоб и помягче, и потеплее — к осени. И попригляд-

нее. Вспомнил он мать, раздумался. Как она жила... Ведь, кроме чириков да сапог резиновых, сроду не нашивала ничего. Захотелось её порадовать. Чтоб надела — и люди завидовали. Пойдёт, положим, в магазин, за хлебом, сразу углядят. Охи да ахи. «Сын привёз», — скажет мать. Алексей даже засмеялся, представив это.

В одном из магазинов он решил с продавщицей посоветоваться. Обычно он продавщиц побаивался, а тут решился.

— Мне бы чего для матери, — попросил он. — Для осени обувку.

— Калоши вон в том отделе.

— Я же не калоши спрашиваю, — обиделся Алексей. — Чего вы всё с этими калошами? Сами небось... — покосился он на ноги продавщицы.

Продавщица усмехнулась, оглядела Алексея с головы до ног, в глазах её вспыхнул злой огонёк.

— Вам для осени обувь? — пропела она ласково. — Приличную, да?

— Конечно.

Продавщица нагнулась, пошарила под прилавком и выставила жёлтой кожи ботиночки, игрушка — не обувь. Аккуратные кнопочки сбоку, мех внутри, а кожа, даже на взгляд, так выделана была, так мягка... Не обувка — сладкий сон.

— Вот это да... — проговорил Алексей. — А почём?

Этого вопроса продавщица ждала. Она же Алексея насквозь видела: по его одежке. По лицу. Она его поняла сразу и теперь выговорила внятно:

— Шестьдесят рублей.

Алексей охнул. Глаза его округлились, открылся рот. Он вроде к ценам привык, к сумасшедшим. Сапоги дочери да Ольге покупали. Но то сапоги, до колен. А здесь кожи-то кот наплакал.

— Ничего себе, — проговорил Алексей.

— Я же вам сразу сказала: калоши в другом отделе, — процедила продавщица с такой откровенной ухмылкой, что захотелось взять этот ботинок да...

Алексея жаром осыпало с ног до головы. Он вытаскивал кошелек и бога молил: лишь бы хватило, лишь бы хватило... Руки тряслись, пересохло во рту. Продавщица глядела в упор.

«Сорок пять, сорок шесть... Тряк и рубли... Не хватит, — пронеслось в голове, и тут же вспомнил: загатник есть, от жены утаенное. Вытянул и вздохнул: — Слава богу!»

Он расплатился, не глядя обувку забрал и лишь на улице вздохнул свободно. Чуть отошёл от магазина, через плечо покосился: не глядят. Раскрыл коробку. Здесь, при солнечном свете, ботиночки казались ещё лучше: шелковистый мех внутри — тёпленькая пещерка, кожа гладенькая блестит — игрушечка, и только.

Алексей невольно на свои башмаки поглядел и усмехнулся, подумал, что надо бы как-нибудь тоже приобрести.

В гостинице Ольга, ботиночки увидав, с ходу запричитала:

— Сдурел, сдурел! Либо выпил?! Точно, пьяный! Да как твоя башка сообразила?! — Она цену сразу почуяла, но всё же спросила: — Сколько?

Алексей ответил.

Ольга заплакала.

— Дурак. Последнюю денежку. Хоть бы подумала твоя башка, мать их оденет ли? Да за такие деньги. У нас дочь невеста... Хотела ей...

Ольга плакала, причитала, а сама меж тем взяла один ботинок и пыталась всунуть ногу в него. Но куда там с её тридцать девятым. И у дочки ноженька не полезет — в маму уродилась. В досаде бросила ботинок на пол, сказала в сердцах:

— Иди, пускай денежки вертают. Скажи, не подходят.

Алексей обычно жену слушал, и теперь он понимал её правоту. Как ни говори, а для матери... Одним словом, дороговато. Он понимал теперь, что погорячился, что виновата продавщица. Он всё понимал, но снова идти в магазин и деньги просить назад он не мог. Режь его. Убивай; с живого кожу сними — не мог.

Ольга отпричитала, отплакала и вспомнила:

— Верка заказывала, Дианова. Я и не думала ей брать. А у неё ножка маленькая, продадим.

И всё успокоилось. Всё пошло своим чередом. Таллин, экскурсии, потом самолёт — и домой.

На хутор приехали ночью. Но дома не спали. Конечно, ждали их и детвора, и мать. Началась суета, колгота. Старшая дочь примеряла обновки, малыши конфеты да пряники грызли. Мать радовалась со всеми вместе. Ей Ольга платок привезла, чёрный с розами. Недорогой платок, а приглядный.

Дочка в узлах да чемоданах копалась и углядела ботинки, те самые, жёлтенькие. Она их вынула из коробки, и в электрическом свете ботинки засияли — глаз не оторвать.

— Это кому? — спросила дочь.

Ольга нехорошо засмеялась:

— Это сынок маме купил. За шестьдесят рубликов. Выбрал.

Мать, казалось, не слышала откровенной насмешки. Словно заво-
рождённая, встала она, подошла, взяла жёлтые ботинки в тёмные руки.
Погладила верх, подошву, потом примерила. Ботинки оказались впо-
ру. Мать по комнате прошлась так легко, словно новая обувка сама
пронесла её от стола до порога и назад.

Ольга глядела молча, Алексей замер, и дети замолчали.

Мать обувку сняла, поставила её на стол, голову уронила и запла-
кала.

— Бабаня, ну, бабаня... — кинулась к ней внучка. — Чего ты...
Гляди, какие хорошенькие.

Алексей тоже подошёл, сказал:

— Мама, не надо.

Но мать плакала. Кто ж был виноват в её слезах? Длинная не-
складная жизнь? А может, те, трофейные ботики, с крючками и
шнурками, из молодости? Или вот эти?

Алексей не выдержал, вышел на крыльцо, закурил. Ольга выска-
чила вслед за ним. Пыхнув папиросой и проглотив ком в горле,
Алексей сказал:

— Ты гляди не вздумай у неё забирать.

— Чего уж я, совсем, что ли... — прошептала Ольга. В глазах у
неё стояли слёзы.

(По рассказу Б. Екимова «Пара осенней обуви»)*

* Екимов Борис Петрович (род в 1938 г.) — современный русский
прозаик и публицист.

1. Какой аспект направления «Любовь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XVII. Вот вам сюжет для большого рассказа о том, как на любовь ответили жестокостью.

Мать-одиночка училась в техникуме. Ребенок пошел в детские ясли, и мать (тогда еще совсем молоденькая) бросила учебу и пошла в няни. Вместе с сыном она перешла в детский сад.

Когда сын пошел в школу, то и мама устроилась туда уборщицей, чтобы постоянно заботиться о нем.

Подрастая, он начал стесняться материнской заботы, она казалась ему назойливой, ведь его друзей так не опекали.

Когда он стал юношей, то поступил в институт вне конкурса, так как закончил школу с золотой медалью. Еще бы! Ведь мать всегда была рядом.

Так вот, мама поступила в институт работать в гардеробе.

Сын стал избегать ее, требовать, чтобы она пошла на работу в другое место. Ему было стыдно перед друзьями, что его мать так бедно одевается и все еще считает его маленьким. Однажды вышел скандал, она робко упрекнула его, что всю жизнь посвятила ему и дождалась того, что он гонит ее, а сын ответил, что она сама виновата, что не вышла в люди.

Попробуйте представить себе такую жизнь в подробностях, попробуйте увидеть это рано постаревшее, залитое слезами лицо!

(По очерку В. Крупина «Поглядим в глаза друг другу»)*

* *Крупин Владимир Николаевич (род в 1941 г.) — современный русский прозаик.*

1. Какой аспект направления «Любовь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XVIII. Лиля прилепилась к Жениному дому. Женя не выбирала её в подруги: Лилия по своему человеческому назначению была родст-

венницей. Всем родственницей. И Женя сдалась. Раздражалась, отбиваясь от Лилькиных духовных и медицинских забот, временами рывкала, но не могла не умиляться неутомимой Лилькиной готовности всем помочь, и немедленно. Она все глубже вникала в странную Лилину жизнь: та была человеком служения — опекала, облизывала и нянчила не только своего надутого неумного мужа и капризных, вертлявых дочек. Так же беззаветно она служила своим подругам, друзьям и просто покупателям, совавшим свои рецепты в её первое окно, сумками таскала лекарства знакомым и незнакомым и заливалась глубокой краской обиды и негодования, когда благодетельствованные ею люди совали ей коробки с шоколадом или духи... Жила, едва сводя концы с концами, замотанная, избеганная, со жгучей тушью на глазах, растворяющейся от самовольных слез... И бегала так годы и годы: что-то кому-то везла, навещала каких-то старушек, вечно всюду опаздывала — даже на свои воскресные церковные службы, куда все зазывала стойкую Женю...

Потом ее сбил инсульт. И сразу всё посыпалось: уехав в командировку, забыл вернуться муж, засмотревшись на какую-то девицу... Девчонки, сраженные этими событиями, никак не могли взять в толк, за что жизнь подложила им такую свинью. Мама теперь не выжимала им по утрам свежие соки, не стирала, не гладила, не приносила в дом продукты, не готовила еду, и вообще ничего не делала, а, напротив, от них ожидала всего того, к чему были они не приучены. Они увиливали от необходимости делать всю эту презренную работу, сваливали ее друг на друга и постоянно ссорились.

Лилия долго восстанавливалась. Она вела героическую жизнь — часами мяла и дергала парализованную левую руку, делала какие-то нелепые китайские упражнения, до изнеможения терла вялое тело волосистой щеткой, катала шарики руками и ногами, и как-то постепенно она встала, заново научилась ходить, одеваться, кое-как управляясь одной рукой.

Женя, прежде избегавшая Лилиного дома, теперь часто заходила к ней: то приносила какое-нибудь простое угощение, то подбрасывала денег. К удивлению своему, Женя обнаружила, что множество людей, по большей части из церковного окружения, постоянно приходят к Лиле, сидят с ней, выводят погулять, помогают по хозяйству... На дочек рассчитывать особенно не приходилось: они страстно предава-

лись молодой жизни, в которой было множество разных предложений, как в газете «Из рук в руки». Иногда, по вдохновению, они совершали хозяйственный подвиг: убирали квартиру или варили обед, и каждый раз они ожидали не то похвалы, не то ордена... Лиля всякий раз благодарила, тихо радовалась и сообщала Жене:

— Ирочка сварила постный борщ! Такой вкусный!

— Да что ты говоришь! Неужели сварила? — свирепела Женя.

А Лиля кротко улыбалась и оправдывалась:

— Женечка, не сердись, я ведь сама во всем виновата. Я баловала их безумно... Что теперь с них спрашивать?

Лиля говорила теперь негромким голосом, медленно. Прежняя ее энергия уходила теперь целиком на то, чтобы кое-как умыться, почистить зубы. Выдавить из тюбика пасту на щетку одной рукой тоже надо было приспособиться. Женя едва не плакала от сострадания, а та, улыбаясь кривоватой улыбкой, объясняла:

— Я слишком много бегала, Женечка. Вот Господь и велел мне посидеть и подумать о своем поведении. Я и думаю теперь.

И была она тихая-претихая, и старая, и седая, и глаза она больше не красила — утратила мастерство, — и слезы иногда подтекали из поблёкших глаз, но это не имело никакого значения...

(По повести Л. Улицкой «Искусство жить»)*

* Улицкая Людмила Евгеньевна (род. в 1943 г.) — современная российская писательница, сценарист.

1. Какой аспект направления «Любовь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшое сочинение. Используйте данный текст для подтверждения сформулированного тезиса.

XIX. В нашем доме жил с женой и двумя сыновьями художник Браз, друживший с нашей семьей. Младший сын, Дима, был моим главным приятелем. Уезжая на огород, мама оставляла меня с ним, под присмотром его матери. Мы должны были каждый день ходить

обедать на Васильевский остров: в помещении бывшей гимназии школьников кормили и во время каникул. После чего мы могли резвиться в дворовом садике.

В саду этом росли чахлые кусты смородины с одинокими зелеными ягодами. Соблазн оказался сильнее запрета, мы «вкусили от грешного плода» и заболели дизентерией. У Димы, к счастью, обошлось легкой формой, зато я своей бедной мамочке выдала «на-гора». Если бы не она, на том и закончилось бы мое существование. Выходить ребенка в то время, когда крошку белого хлеба нельзя было достать ни за какие деньги — истинное чудо и великий героизм. К тому же я вела себя как настоящий тиран. При высоченной температуре я все время была почти без сознания, но, приходя в себя, говорила одно только слово: «Читай!» И мама читала без остановки. Всякий раз, открывая глаза, видела ее с книжкой: у тусклой коптилки — ночью, поближе к окну — днем. Когда она успевала делать все, что она делала, не знаю.

Постепенно я стала поправляться, худая была, как скелет. Но и тут сумела отличиться и ввергла свою мать в бездну отчаяния. Она, не знаю какими путями, раздобыла кусок белого хлеба. Нарезанный тончайшими ломтиками, превращенный в сухари и заключенный в стеклянную банку, он стоял на камине в прохладной маминой комнате, где я лежала. С каждой едой мне давали один сухарик, кормили часто, но понемногу. А я зверски хотела есть. Бороться со своими страстями я еще не научилась и решила сделать налет на возделенную банку. Несмотря на непомерную слабость, доползла до камина, пытаясь добраться до заветного сосуда, схватила за торчащую с высокой каминной полки какую-то дощечку. Банка подпрыгнула, как на трамплине, и грохнулась на пол. Для мамы это была катастрофа все равно что для Ротшильда потеря всего состояния. Боязнь мельчайших осколков удерживала ее от использования пересохшего содержимого. Даже моя тираническая душа разрывалась от жалости к ней. На помощь пришла ее удивительная жизнотворная сила, ее легкий отходчивый характер. На меня она и не сердилась совсем. Только жалела — бедная, мол, девочка, такая голодная, такая слабенькая... На меня эта встряска так подействовала, что я поправилась и без белых сухарей.

(По книге Е. Юнгер «Все это было...»)*

* Юнгер Елена Владимировна (1910–1999) — советская актриса, автор мемуаров.

1. Какой аспект направления «Любовь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XX. Дождь стегал веревками по спинам ручьев и потоков, подхлестывая их. Чем сильнее, звучнее стегал дождь, тем азартнее, тем проворнее мчались бесчисленные потоки. Дождь лил в безветрии, из однотонного, студенистого неба. Казалось, не будет теперь ему ни конца ни края..

Шум стоял всю ночь. К утру стало тихо. Только обильно капало с деревьев, а если очень чутко прислушаться, то и с трав.

Дождь прошел, а у реки начиналось самое гулянье. Никогда, при самом дружном таянии самых глубоких снегов, не было на нашей реке такого разлива, как теперь. Река немедленно сорвала и подняла все, что лежало на ее летних, казавшихся безопасными берегах: дрова так дрова, бревна так бревна, копны сена так копны сена, мусор так мусор. Выйдя из берегов, она залила где луга, а где и поле зеленого овса, золотой уже ржи, белой цветущей гречихи. В деревушках, что стоят пониже, она подобралась к огородам.

Но все же речка наша слишком мала, чтобы даже в такое половодье всерьез навредить людям. Напротив, всем было интересно поглядеть на такую необыкновенную для наших мест воду.

Я пошел вдоль по берегу, не думая ни о чем, любуясь воистину необыкновенным зрелищем.

Высокие ольховые кусты теперь выглядывали одними макушками. Видно было, как вода пригибает кусты в одну сторону по своему течению, а они пружинят, стараются выпрямиться, пользуясь малейшим послаблением мутных струй, и оттого беспрерывно кланяются как заведенные.

В одном месте я остановился. Вода в этом месте ударялась о загнутый берег, ходила кругами.

До моего слуха стал доноситься однообразный слабенький писк, настолько слабенький, что сначала я хоть и слышал его, но как-то не обращал внимания, как-то он не мог «допищаться» до меня. Может быть, спутывался сначала с писком и щебетанием птиц, а потом уж и выделился, чтобы завладеть вниманием.

Я прислушался и понял, что пищит не одно существо, а несколько, и где-то очень близко, чуть ли не у моих ног.

Сделав несколько шагов по берегу, я прислушался еще раз и тут увидел у носка моего, самому мне показавшегося огромным резинового сапога крохотную ямочку, оставленную некогда коровьим копытом. В ямке, сбившись в клубочек, барахтались крохотные существа, беспомощные, как все детеныши.

Детеныши были величиной со взрослых мышей или, лучше сказать, с кротов, потому что больше походили на них окраской своих мокренских шубок. Их копошилось там штук шесть, причем каждый старался занять верх, так что они вслепую все время перемешивались клубочком, попирая и топча наиболее слабеньких.

Ямка находилась как раз на границе земли и воды. Но вода продолжала неумолимо подниматься. Она скопилась холодной лужицей на дне убежища.

Мне захотелось узнать, чьи это детеныши, и я стал оглядываться. Из-за верхушки ольхи, судорожно, непрерывно загребая лапками, чтобы удержаться на одном месте (течение сносило ее), глядела на меня своими черными бусинками выхухоль. Встретившись со мной глазами, она быстро, испуганно поплыла в сторону, но невидимая связь с коровьим копытцем держала ее, как на нитке. Поэтому поплыла выхухоль не вдаль, а по кругу. Она вернулась к ольховому кусту и снова стала глядеть на меня, без усталости гребя на одном месте.

Копытце при нормальной высоте было далеко от берега. Значит, можно было предположить, что мать, когда вода хлынула в нору, сумела перетащить детенышей на сухое высокое место. Скорее всего, копытце было не первым убежищем. Но все предыдущие тоже заливало водой, как залило теплую нору, как заливает через четверть часа и это студеное, с лужицей на дне копытце.

Выхухоль держалась на воде метрах в двух от меня, что невероятно для этого крайне осторожного, крайне пугливого зверька. Это был героизм, это было самопожертвование матери, но иначе не могло и быть: ведь детеныши кричали так тревожно и так призывно!

Я наконец ушел, чтобы не мешать матери делать свое извечное дело — спасать своих детей.

(По рассказу В. Солоухина* «Летний паводок»)

* Солоухин Владимир Алексеевич (1924–1997) — русский советский писатель, видный представитель «деревенской прозы».

1. Какой аспект направления «Любовь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XXI. Тебя нет со мной, но ты — в моем сердце.

Мама! Дорогая моя старушка! Мой первый и последний, единственный и незаменимый друг... Тебя уж нет, но ты — во всем, что меня окружает: это кресло — старое, но удобное (я его купила, потому что ты любила все уютное); стол — легкий и низкий, чтобы ты могла без напряжения к себе его пододвигать; множество подушек — чтобы тебе всегда было удобно; радио, проигрыватель, множество пластинок (и сколько ты их еще собиралась купить!), ведь ты так любила музыку! Ты жила ею! Она была тебе нужна как воздух...

А картины? Ведь это твоя «галерея» развешана повсюду, куда бы мог упасть твой взор! Все их я рисовала для тебя, думая о тебе... Признаться тебе? Ведь мне пришлось в голову рисовать там, в Норильске, сразу после того как я оставила за собой тюрьму, где рисовать было запрещено... Даже если б на это нашлись время и силы, не говоря уж о бумаге и красках... Не было еще ни тюфяка, ни простыни, не было даже своего угла, но я уже мечтала нарисовать что-то красивое, напоминающее прошлое, — то прошлое, которое неразрывно было связано с тобой, моя родная!

Я рисовала... и в мыслях бродила с тобой по тем местам, которые изображала. И я разговаривала с тобой, хотя и считала тебя мертвой, но... где-то в глубине души жила надежда — тот слабый огонек на-

дежды, без которого жизнь темна. Слабый источник света теплился в моей душе, и, рисуя, я как бы чувствовала, что ты со мной.

Не потому ли ты так любила мои картины, моя дорогая? Ты будто повторяла мои слова: «...Когда тебя нет со мной, я смотрю на твои картины и как будто гуляю там с тобой! И мы разговариваем. И потому я их так люблю! Вот эту. И — эту. И — ту». Ты так хотела, чтобы я рисовала!

Вообще ты хотела, чтобы жизнь моя была полней, интересней.

Как мне было тебе сказать, что мне не до развлечений? Что тоска и предчувствие цепко держат меня? Что мне хочется взять тебя на руки, прижать к сердцу и грудью своей заслонить тебя от надвигающегося неумолимого рока? Единственное, что я могла придумать, — это... рисовать. Я ухватила за эту возможность...

Добрая моя старушка! Ты не поняла моей «хитрости»... Ты так обрадовалась! Ты сидела в кресле. Я тебе наладила портативный столик, чтобы ты могла раскладывать пасьянс, а сама уселась у твоих ног и разложила свои краски, кисти... — Ты смотрела на меня своими добрыми, влюбленными глазами и не переставала восторгаться.

Да, моя дорогая! Ты хотела, чтобы я тебе обещала, и твоя воля для меня свята. И еще об одном ты меня просила: записать, хотя бы в общих чертах, историю тех лет — ужасных, грустных лет моих «университетов». «...Ты иногда рассказываешь то отсюда кусочек, то оттуда... Я никак не разберусь! Напиши все подряд, и когда ты мне прочтешь, то я, может быть, пойму...»

Нет, дорогая моя! Ты всей этой грустной истории не узнала... И не оттого, что ты там, «идеже несть воздыхания», а оттого, что вся моя жизнь в те годы была цепью таких безобразных и нелепых событий, которые не умещаются в разуме нормального человека... и не доходят до чувств того, кто этого не пережил...

Теперь я плачу...

Не о том, что я абсолютно одинока, что никому во всем свете нет дела до меня: до того, что меня радует, что огорчает, грустно ли мне или весело. И не оттого, что мне не о ком заботиться, некого приголубить с полным сознанием того, что моя любовь нужна кому-то, как майский дождь — растению. Нет! Я просто не могу смириться с мыслью, что после двадцати лет разлуки, прожитых вдали от меня, не имея никакой опоры, кроме себя самой, своих сил, своего ума и доб-

рой воли, именно теперь, когда моя храбрая старушка с молодой душой смогла получить все, о чем она могла только мечтать: уютный домик, где все было устроено сообразно с ее вкусами, сад, который она сама считала «самым красивым из райских уголков», наконец, дочь, готовая радоваться ее радостью... И все это потерять, не успев как следует насладиться! Она так верила, что в моих объятиях она как бы застрахована от всякой беды! «Все, что ты делаешь, будет хорошо сделано! Я горжусь тобой! Ты — мое „все“! С тобой мне ничего не страшно...»

Не зря в последние минуты своей жизни она просила: «Не покидай меня, не уходи никуда!» — и протягивала ко мне руки.

А я не сумела оправдать ее доверия... Смерть ее безжалостно обворовала...

И я плачу... Хотя не умею плакать: в горле будто железный комок: он меня душит, а облегчения нет...

(По книге Е. Керсновской «Сколько стоит человек»)*

* Керсновская Ефросинья Антоновна (1908–1994) — русская писательница (мемуаристка) и художница, заключенная ГУЛАГа, описавшая свою жизнь в мемуарах «Сколько стоит человек».

1. Какой аспект направления «Любовь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XXII.

Памяти матери

Ты была мне просто мамою,
Несущественно — какой.
Но прости: хоть малость самую
Я нарушу твой покой.
Ты была мне весом, мерою,
Постоянством бытия
И заносчивою верою,
Что бессмертна жизнь моя.

При тебе со всей беспечностью
Я резвилась, пыль клубя.
Неприкрыта перед вечностью
Я осталась без тебя.

(Нонна Слепакова*)

* *Слепакова Нонна Менделевна (1936–1998)* — русский поэт и переводчик.

1. Какой аспект направления «Любовь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XXIII. Почему именно мне, четырнадцатилетней девочке, единственной своей дочке, первой рассказал отец о переменах в своей (а значит, и нашей) жизни? Рассказал умно и серьезно, ничего не тая, словно на исповеди...

Мы были с ним одни в нашей комнате. В тот день долго не разгорались дрова в камине. Я без конца плескала из мятой консервной банки керосин на поленья, и комната на мгновенья озарялась трепещущим светом, пламя с гудением улетало в дымоход, но дрова молчали и, едва выгорал керосин, становились черными и мертвыми.

Отец торопился. Темнело. Вскоре должна прийти со службы мама и вернуться из магазина бабушка, а ему хотелось поговорить со мной с глазу на глаз, без свидетелей. Ему нужно было убедиться, что ничто и никто не может нарушить нашу связь, возникшую с первых дней моего появления на свет.

Но вот дрова затрещали, заговорили, ровный оранжевый свет заполнил комнату. Лицо отца с высоким лбом и чуть наискось прорезанными глазами (отец говорил, что со стороны матери у него была небольшая примесь татарской крови, впрочем, у кого из русских ее нет?), обычно бледное, смуглое и невозмутимое, как у Будды, стало вдруг розовым и подвижным от бегущих теней.

Отец говорил о любви. О Чуде Любви. О редчайшем совпадении душевного, умственного и телесного. Я слушала и верила. А отец говорил, что нет ничего на свете прекраснее любви, даже если она приходит к человеку в тридцать восемь лет (ему тогда столько и было). Он бессилен перед ней. И снова я верила. Он замолчал, и я поняла, он ждет от меня ответа. Что я могла ответить? Глядя снизу вверх в его казавшееся сегодня незнакомым лицо, я спросила:

— А как же мама?

— Мы прожили с ней пятнадцать лет и всегда понимали друг друга, — негромко и медленно ответил отец. — Я сегодня же скажу ей все, и она поймет. Впрочем, она уже и так все поняла. Мы останемся друзьями. Я это знаю. Когда люди все понимают, им не надо прощать друг друга. Но ты — моя дочь. Я не только люблю тебя, я отношусь к тебе с уважением. И хочу, чтобы ты всегда уважала меня. А уважать человека надо не только за родство, возраст или чины, а прежде всего за его человеческое поведение. Поймешь ли ты меня?..

А потом зимний Казанский вокзал, ветер и снег, летящий колюче и стремительно. Крики носильщиков, взволнованные лица провожающих. Я сунула отцу в карман пальто деревянного раскрашенного дятла, купленного на деньги, сэкономленные от завтраков, и сказала очень тихо, так тихо, что только он мог услышать:

— Это для твоей новой дочки... (У его второй жены была пятилетняя девочка.)

— Отец взглянул на меня серьезно, крепко пожал мою руку в байковой варежке и впервые в жизни не поцеловал, а крепко обнял — так обнимают не детей, а друзей...

Дома я не выдержала и разревелась. Захлебываясь рыданиями, я позволила себе горькие упреки в адрес отца. И тут вмешалась мама:

— Сейчас же прекрати! Немедленно. Это твой отец, и не тебе его судить. Мы с ним во всем разобрались и остаемся друзьями. Он — замечательный человек, и я не позволю никому сказать о нем ни одного дурного слова. Даже тебе. Ты должна с ним переписываться и установить добрые отношения с его новой семьей.

(По книге Л. Либединской «Зеленая лампа»)*

* *Либединская Лидия Борисовна (1921–2006)* — советская писательница.

1. Какой аспект направления «Любовь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XXIV. Поздно вечером пришел мой папа.

— Завтра я поведу тебя в Зоологический сад, — прибавил он строго. — Да, да. Утром. Обязательно.

— Ох, папа, — сказала я, — ты же знаешь: мне некогда. И... не до того!

— Ну, ну, ну! Оставьте ваши штучки. Я тебе отец или нет? Я тебя породил. Сказал — поведу, и поведу.

Он помолчал и вкусно, значительно добавил:

— Льва увидим. Царя зверей.

Я невольно улыбнулась. Заметив это, папа пришел в восторг и захолопал в ладоши.

Я оживилась. В то время два человека подали на меня клеузное заявление, и разбирательство тянулось уже долго-долго... Это томило и мучило меня, я могла говорить о «моем деле» в любое время суток сколько угодно, я мысленно произносила бесконечные патетические речи и вела горькие внутренние диалоги с редактором, с моими обвинителями, я даже во сне видела только это...

— Ты знаешь, папа, — заговорила я, — они опять отложили окончательный разбор! Нет, я этого так не оставлю! Я сейчас пишу новую, очень подробную объяснительную записку по поводу той статьи. В этой записке...

Я, горячась и терзаясь, излагала суть записки, а папа смотрел на меня пристально и только поминутно вставлял реплики: «ну-ну», «да-да», «так-так».

— Ой, страхолюдная же ты стала! — вдруг воскликнул он, не дослушав меня. — Ой, психопаты вы, господа, все-таки... Ну, ладно. Ложись спать, завтра нам рано ехать. Я тоже ложусь...

Он улегся на жесткой и очень узенькой кушетке, а я закрыла лампу газетным кульком и уселась перед листом бумаги. Мне было очень одиноко, потому что папа не дослушал про «мое дело», и ничего вообще не понимает ни в нем, ни в моем состоянии, и неизвестно чем доволен, а я... Как это все-таки противно — даже не дослушал... а я...

Я уснула на рассвете, мне снилось какое-то собрание, и вдруг в разгар этого собрания послышался папин голос:

— Лялька-а! Вставай! В Зоологический едем!

Я с трудом разлепила глаза: «Не забыл...»

— Папа, еще десяти нет. Куда мы в такую рань погрёмся?

— Вот и хорошо, что рань: там в десять как раз открывают. Вставай, посмотри — какое солнышко-то! Ну-ну, давай побыстрее...

Он был весел, бодр, необыкновенно деятелен, его лицо с большими голубыми глазами было лукавым, как у человека, который задумал удивить мир, и злил он меня всем этим до изнеможения.

А папа сладко жмурился, подставлял лицо солнцу, круглыми своими ноздрями втягивал острый воздух, ежился и блаженно кричал.

— Ай, хорошо! Ну и хорошо! Что? Довольна, девчонка, что поехала?

Он раздражал меня бесконечно.

— А это тебе львы. Их скоро кормить будут (папа вдруг ужасно озаботился, вытащил из жилетного кармана дедушкины часы, луковой, взглянул на них, даже послушал). Да, ведь верно, кормить скоро будут. Ну, ничего, я тебе покажу, как их кормят.

— Да не надо мне, господи. Дождаться тут, что ли... кормежки их. Ты лучше посмотри, какие они плешивые. Точно топтались на них. И морды дурацкие.

Папа неуверенно хохотнул.

— Ну, пойдем, папа. Посмотрели. Да и смотреть-то не на что.

— Львы эти, действительно, немножко... того, — говорил папа смущенно, но еще бодро. — А вот медведи тебе понравятся. Они, знаешь, играют. Мы вот сейчас птиц посмотрим, потом к разным там коврам зайдем, и — к медведям. Ладно? А уж потом дальше. А? Хорошо?

— Как хочешь, папа.

Мы стояли у клетки с птицами. Тошнотворно пахло птичьим пометом, вода в неглубоком круглом бассейне была загаженной, гряз-

ной. Все птицы почему-то находились в полном оцепенении, точно были чем-то сильно озадачены.

Мы молча подходили к загородке с пони.

— Ну, а это пони, — сказал папа, — конечно, так себе. Мелкая лошадь... Тебе они тоже не понравятся...

Что-то в голосе папы удивило меня. Я бегло взглянула на него: лицо у папы было старое, разочарованное и... да! — пристыженное.

«Чего это он скис?» — подумала я, и вдруг меня как ударило; да ведь папа хочет, чтоб я удивлялась и радовалась, как в детстве! Ведь он не в Зоологический сад прогулку придумал — в мое детство, в свою молодость. А я-то брюзжу, а я-то ничего не вижу вокруг — ни золотых деревьев, ни забавных зверей, ничего, кроме страшных образов своей тоски, а я-то — старая...

— Ну, пойдем, — уныло уронил папа.

Но я воскликнула с увлечением:

— Нет, папочка, подожди, подожди! Я хочу еще посмотреть на лошадку!

— Ну, посмотри, — недоверчиво сказал папа, но немного смягчился.

— Нет, вот эта мне наконец нравится, — восхитилась я, дрожа от жалости и любви к отцу и зорко следя, чтобы не переиграть. — А какая она маленькая! Отчего это она такая маленькая, а, папа? Ужасно хотелось бы прокатиться... Ведь в Англии на них катаются, верно?

Я уже не знала, как угодить ему!

— Ну, хочешь, прокачу? — повторил папа и подмигнул. — Я могу!

— Ужасно хочу! Только... папочка, пожалуй, это не совсем удобно?

— Ну, тогда пойдем дальше. Нам еще много надо посмотреть.

— Да, да, пойдем. Я к обезьянам хочу, — воскликнула я, радуясь, что удалось обмануть папу. — Ты знаешь, я ужасно люблю обезьян. Особенно человекоподобных... Я так давно хотела посмотреть на них.

Мы тронулись к обезьяннику. Я взяла папу за руку и, нарочно чуть-чуть отставая, шла рядом с ним, как самая примерная дочка. Папа сиял.

Как я любила его! Мне хотелось увести его еще дальше, еще ближе к его молодости.

Он смотрел на меня с радостью; сам он находился в том состоянии наивысшего довольства и доброты, когда у человека остается одно желание: расточить эту доброту. Он сказал:

— Ну, а теперь я покажу тебе слона.

— Ах, ведь еще слон! Пойдем скорее!

Играть мне было уже легко и интересно. Да нет, я уже и не играла, а жила этой внезапно возникшей радостной и милой жизнью...

«Как мы далеко сегодня ходили с тобой», — думала я, глядя вслед уходящему отцу. И мне было очень приятно, что я такая умная и хитрая, так тонко провела папу и доставила ему радость — прогулялась с ним в его молодость. Но тут же мелькнула догадка: а ведь папа сейчас идет и радуется тому, что он такой умный и хитрый и так ловко увел меня в детство от тяжких моих дел. И оказалось, что его молодость и мое детство — здесь, рядом с нами, со всем их счастьем и светом — а ведь это и есть жизнь, настоящая жизнь — счастье и свет... А мои дела...

«Да, но ведь это не просто ерунда, мои дела, — вдруг изумилась я, — это — тяжело, обидно, но ведь это — пройдет, и это не главное. А главное — Жизнь. И Жизнь у меня есть, она со мной, я рада ей, я люблю ее...

И я целый день шаталась по золотому, прозрачному осеннему городу и, вспоминая Зоологический, детство, папу, слона, — смеялась, а люди думали, что это я им улыбаюсь, и некоторые обиженно удивлялись, а другие смеялись мне в ответ сами.

(По книге О. Берггольц «Дневные звезды»)*

* *Берггольц Ольга Федоровна (1910–1975)* — русская советская поэтесса, прозаик.

1. Какой аспект направления «Любовь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XXV. Затеяливая судьба ещё раз перехлестнула жизненные дороги Софьи и Витьки.

Всю свою жизнь на юге Витька процветал и, наверное, был счастлив. Для человека, в сущности, счастье — это когда живешь по-человечески. Каждый на свой лад вправе толковать, как это — «по-человечески». Витька толковал так: копить и покупать.

Для него, я думаю, мир представлялся... огромной южной барахолкой, в гвалте и толчее которой нужно купить подешевле, продать подороже, хапать, что идет в руки, насколько хватает рук, торговаться до хрипоты, беречь пуще души карман и, будучи настороже, как бы тебе чего не всучили, самому быть всегда готовым всучить кому бы то ни было что попало.

К пятидесяти годам он растолстел, вид приобрел добродушный, что не мешало ему, как и прежде, быть презрительно-пренебрежительным к окружающим его. Он овдовел, жил одиноко, но явно не испытывал от этого никаких страданий: и копилось, и покупалось по-прежнему хорошо.

О том, что Софья, его бывшая жена, растит его сына, он наверняка знал. Но никогда и никак потомством своим не интересовался.

А вот сын его — уже взрослый, уже обзаведшийся к тому времени собственной семьей — сын не бросал, как оказалось, детской своей, навязчивой, мучительной мечты хоть один раз увидеть отца.

И в конце концов ему удалось это.

Он работал шофером-дальнобойщиком и однажды, собираясь в южные края, раздобыл у кого-то адрес своего родителя.

Знакомство состоялось.

Оно, оказалось, надо полагать, взаимоприятным, потому что Витька пригласил сына с женой и дочкой провести у него — бесплатно — отпуск, а сын это приглашение принял.

Через пару месяцев они к нему приехали, и вот тут-то — по всем ехидным законам справедливого возмездия — и произошла в Витькиной жизни катастрофа.

Виной всему оказалась четырехлетняя Наташка, внучка.

Эта синеокая бестия, этот симпатичный чертенок в белых гольфиках, в считанные день-два покорила деда!

Неприступная твердыня, которую всю жизнь возводил, обороняясь от мира, Витька, рассыпалась в прах и сдалась без единого выстрела!

Растерянный Витька-дед сидел посреди руин и только блаженно пыхтел, в то время как Наташка, словно по неодушевленному дереву, лазала по нему, сооружала из остатков знаменитого чуба ей одной ведомую прическу, щекотала Витьку, тербила, целовала...

А потом отпуск у сына окончился. Наташка уехала. Началась в курортном городе зима.

Витька впервые в жизни затосковал — жестоко, как зверь.

Чуть ли не каждую неделю слал Наташке на север посылки с сухофруктами.

Что-то в нем надломилось. Наташка стала сниться даже по ночам — пушистый теплый звереныш, тоненькими ручками обнимающий за шею и наговаривающий страшные в своей разрушительной силе слова: «Деда... дедуля... дедуля-бородуля...»

Он даже стал опасаться, что сойдет с ума.

Кончились его страдания тем, что в один прекрасный день он торопливо, плохо торгуясь, обменял свой многотысячный дом в курортном городе на однокомнатную квартиру в Москве — невдалеке от района, где жила со своими родителями и бабушкой Соней ненаглядная его Наташка.

(По рассказу Г. Головина
«Лучезарная Софья»)*

* Головин Геннадий Николаевич (1940–2003) — русский прозаик, журналист.

1. Какой аспект направления «Любовь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XXVI. Внук приехал и убежал с ребятами на лыжах кататься. А баба Дуня, разом оживев, резво суетилась в доме: варила щи, пирожки затевала, доставала варенья да компоты и поглядывала в окошко: не бежит ли Гриша.

Нынче с Гришиным приездом она про хвори забыла. День летел в суете и заботах. Не успела оглянуться, а уж синело за окном, подступал вечер.

Укладывались спать. Баба Дуня, совестясь, сказала:

— Ночью, може, я шуметь буду. Так ты разбуди.

Гриша отмахивался:

— Я, бабаня, ничего не слышу. Сплю мёртвым сном.

— Ну и слава богу. А то вот я шумлю, дура старая. Ничего поделывать не могу.

Заснули быстро, и баба Дуня, и внук.

Но среди ночи Гриша проснулся от крика.

— Помогите! Помогите, люди добрые!

Спросонья, во тьме, он ничего не понял, и страх обуял его.

— Люди добрые! Карточки потеряла! Карточки в синем платочке завязаны! Може, кто поднял? — и смолкла.

Гриша уразумел, где он и что. Это кричала баба Дуня.

Во тьме, в тишине так ясно слышалось тяжёлое бабушкино дыхание. Она словно продыхивалась, сил набиралась. И снова запричитала, пока не в голос.

— Карточки... Где карточки... В синем платочке... Люди добрые. Ребятишки... Петяня, Шурик, Таечка... Домой приду, они исть попросят... Хлебца дай, мамушка. А мамушка ихняя... — баба Дуня запнулась, словно ошеломлённая, и закричала: — Люди добрые! Не дайте помереть! Петяня! Шура! Таечка! — имена детей она словно выпевала, тонко и болезненно.

Гриша не выдержал, поднялся с постели, прошёл в бабушкину комнату:

— Бабаня! Бабаня! — позвал он. — Проснись...

Она проснулась, заворочалась.

— Гриша, ты? Разбудила тебя. Прости, Христа ради.

— Ты, бабаня, не на тот бок легла, на сердце.

— На сердце, на сердце... — послушно согласилась баба Дуня.

— Нельзя на сердце. Ты на правый ложись.

— Лягу, лягу...

Она чувствовала себя такой виноватой.

Гриша вернулся к себе, лёг в постель. Про карточки он знал. На них давали хлеб. Давно, в войну и после. А Петяня, о котором горевала бабушка, это отец.

Утром Гриша ушёл на рыбалку. А к вечеру ходил на почту домой, в город, звонить. В разговоре мать спросила:

— Спать тебе баба Дуня даёт? — и посоветовала: — Она лишь начнёт говорить, а ты крикни: «Молчать»! Она перестанет. Мы пробовали.

По пути домой стало думаться о бабушке. Сейчас, со стороны, она казалась такой слабой и одинокой. А тут ещё эти ночи в слезах, словно наказание. Про старые годы вспоминал отец. Но для него они прошли. А для бабушки нет. И с какой, верно, тягостью ждёт она ночи. Все люди прожили горькое и забыли. А у неё оно снова и снова. Но как помочь?

И пришла ночь. Потушили свет. Гриша не лёг, а сел в постели, дожидаясь своего часа.

Баба Дуня скоро заснула. Гриша ждал. И когда наконец из комнаты бабушки донеслось ещё невнятное бормотание, он поднялся и пошёл. Свет в кухне зажгёт, встал возле кровати, чувствуя, как охватывает его невольная дрожь.

— Потеряла... Нету... Нету карточек... — бормотала баба Дуня ещё негромко. — Карточки... Где... Карточки... — и слёзы, слёзы подкатывали.

Гриша глубоко вдохнул, чтобы крикнуть громче, и даже ногу поднял, чтобы топнуть. Чтобы уж наверняка.

— Хлебные... карточки... — в тяжкой муке, со слезами выговаривала баба Дуня.

Сердце мальчика облилось жалостью и болью. Забыв обдуманное, он опустился на колени перед кроватью и стал убеждать, мягко, ласково:

— Вот ваши карточки, бабаны... В синем платочке, да? Ваши в синем платочке? Это ваши, вы обронули. А я поднял. Вот видите, возьмите, — настойчиво повторял он. — Все целые, берите...

Баба Дуня смолкла. Видимо, там, во сне, она всё слышала и понимала. Не сразу пришли слова. Но они пришли.

— Мои, мои... Платочек мой, синий. Люди скажут. Мои карточки, я обронула. Спаси Христос, добрый человек...

По голосу её Гриша понял, что сейчас она заплачет.

— Не надо плакать, — громко сказал он. — Карточки целые. Зачем же плакать? Возьмите хлеба и несите детишкам. Несите, поужи-

найте и ложитесь спать, — говорил он, словно приказывая. — И спите спокойно. Спите.

Баба Дуня смолкла.

Баба Дуня спала. А он сидел у печки и плакал. Слёзы катились и катились. Они шли от сердца, потому что сердце болело и ныло, жалея бабу Дуню и кого-то ещё... Он не спал, но находился в странном забытье, словно в годах далёких, иных и в жизни чужой, и виделось ему там, в этой жизни, такое горькое, такая беда и печаль, что он не мог не плакать. И он плакал, вытирая слёзы кулаком.

Но как только баба Дуня заговорила, он забыл обо всём. Ясной стала голова, и прошла в теле дрожь. К бабе Дуне он подошёл вовремя.

— Документ есть, есть документ... вот он... — дрожащим голосом говорила она. — К мужу, в госпиталь пробираюсь. А ночь на дворе. Пустите переночевать.

Гриша словно увидел тёмную улицу и женщину во тьме и распахнул ей навстречу дверь.

— Конечно, пустим. Проходите, пожалуйста. Проходите. Не нужен ваш документ.

— Документ есть! — выкрикнула баба Дуня.

Гриша понял, что надо брать документ.

— Хорошо, давайте. Так... Ясно. Очень хороший документ. Правильный. С фотокарточкой, с печатью.

— Правильный... — облегчённо вздохнула баба Дуня. — Вятской губернии, Орловского уезда.

— Всё сходится. Проходите.

— Мне бы на полу. Лишь до утра. Переждать.

— Никакого пола. Вот кровать. Спите спокойно. Спите. Спите. На бочок — и спите.

Баба Дуня послушно повернулась на правый бок, положила под голову ладошку и заснула. Теперь уже до утра.

Гриша лёг в постель, предвкушая, как завтра расскажет бабушке и как они вместе... Но вдруг обожгло его ясной мыслью: «Нельзя говорить». Он отчётливо понял: ни слова, ни даже намёка. Это должно остаться и умереть в нём. Нужно делать и молчать. Завтрашнюю ночь и ту, что будет за ней. Нужно делать и молчать. И придёт исцеление.

(По рассказу Б. Екимова «Ночь исцеления»)*

* *Екимов Борис Петрович (род в 1938 г.)* — современный русский прозаик и публицист.

1. Какой аспект направления «Любовь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XXVII. Мы сидели за столом и разговаривали. Все уж было съедено. На столе пустая сковорода из-под яичницы, тарелка с остатком зеленого лука и тарелка с хлебом.

Разговор постепенно перешел на тему прямо-таки философскую. А именно: обсуждали, не помню уж в связи с чем, где границы человеческой, допустим, силы или выносливости и может ли человек сам знать эти границы или существуют некие скрытые резервы, о которых и не подозреваешь, но которые вдруг в нужную минуту включатся в дело и все дело вывозят на гору.

Посыпались разные интересные случаи.

— Это что? — заговорил вдруг Леонид Константинович Коровин. — Все эти ваши рассказы — пустяки! Вот я знаю случай... — И он рассказал следующее: — Я проверял работу одного колхоза. После всевозможной канители, как вот и сегодня, пошли к бригадиру перекусить.

Бригадиром была женщина лет сорока, по имени Татьяна Сергеевна. Дом у нее справный, три окна по улице, перед окном в палисаднике жасмин, как все равно корзина с цветами.

В передней горнице просторно, прибрано, половички, цветы в кадushках, ситцевые занавесочки, на образах вышитые полотенца и красная лампадка перед образами.

Татьяна Сергеевна показала глазами на тесовую перегородку и говорит, сходя почти на шепот:

«Мама помирает. Вчера соборовали».

Я заглянул за перегородку и увидел на кровати старуху, лежащую вытянуто и прямо, как лежат покойники на столе. Даже руки сложены на груди, как у готовой покойницы. Да она с лица и была уже готовая покойница: кожа желтая, щеки ввалились, губы натянуло до синевы, нос востренький, надбровные дуги выступили и прояснились. Про руки говорить нечего: воск и воск. И этот, знаете, серый, пепельный налет на лице. То есть нынче или завтра конец. Недаром же попросила, чтобы соборовали...

«Да, отработала Варвара Ивановна свое, — опечалился я, выходя из-за перегородки к столу. — Сколько ей? Чай, за восемьдесят?»

«Восемьдесят шестой, — подтвердила Татьяна Сергеевна. — Да уж, конечно, отработала. Во-первых, вырастила семерых детей. Две дочери на чужой стороне замужем. Четырех сыновей убило в немецкую войну. Один вот недавно умер (это, значит, про своего мужа). Да после убитых сыновей детишки остались — их надо было на ноги поднять. Теперь кто где: и во Владимире, на тракторном заводе, и в Москве один, инженером. Выросли и глаз не кажут. Отрезанные куски...

А вы думаете, такая чистота в доме от меня? Да когда мне, колхозному бригадиру, за чистотой в доме следить! Так что и чистота в доме — все от нее. Да трое моих ребятишек. Младшему — два с половиной, старшему — шесть. А куда денешься, жизнь...

Четвертого дня слегла. Сразу как-то перелом произошел. Три дня — и готово. Догорает, как свеча.

Тут мы заметили, что говорим о Варваре Ивановне как о совсем умершей, а она ведь пока жива. И может быть, даже слышит наш громкий разговор, только вставить уж ничего не может. Мы спохватились, стали говорить тише, а потом и вовсе переменили тему разговора.

Пока ужинали, побывали в горнице и трое ребятишек Татьяны Сергеевны. Старший, Сережа, шестилетний сероглазый мальчик с соломенными волосенками, был уж приучен здороваться с посторонними людьми. Четырехлетняя Маша в продувной рубашонке, круглолицая, розовощекая крепышка, вся перепачкалась в киселе из смородины. Вовочка, по третьему году, тотчас вскарабкался к матери на колени и пальцем стал показывать на еду. Все босенькие, но не запущенные. Видно, что были в хороших женских руках. А если и подзапустились самую малость, так разве за последние четыре дня.

На другой день совещались мы в райкоме, как вдруг секретарша вызывает меня к телефону. Звонят из колхоза, где ужинали: бригадир Татьяна Сергеевну вечером убило наповал куском металла, отлетевшим из силосорезки. Нас это потрясло, и не укладывалось в голове, чтобы наша Татьяна Сергеевна, видная, сорокалетняя, сильная, выносливая, — и вдруг мертва.

И вдруг встала перед глазами вчерашняя картина: старуха, почти покойница, и трое ребятишек мал мала меньше.

«Они-то как? Они-то как?!» — пронзила меня неожиданная мысль. Пустая изба. Покойница и трое ребятишек. Воображение почему-то твердо подсказывало мне, что уж обязательно покойница и трое сироток возле мертвой бабки. А может, залезли со страху под лавку, под стол и сидят.

Я завел свой «газик» и на третьей скорости — в село, в дальний конец села, где стоит желтый дом с тремя окнами по улице и с копной одичавшего жасмина в стареньком палисаднике.

Затормозил. Вбегаю на крыльцо — и чуть не обмер с испугу: на встречу мне Варвара Ивановна на своих ногах и с ведром. По воду.

«Да разве ты не умерла?!» — не удержалось у меня на языке. Не могло удержаться, настолько был уверен.

«А их куда? — озабоченно кивнула Варвара Ивановна назад в избу, где, видимо, сидели ее внучата. — Ну, умру я, ладно. А их кто будет обихаживать, если остались круглыми сиротами? Уж, видно, некогда мне, старухе, помирать. Не время».

Поверите или нет, три года прошло с тех пор, а она все живет, отсобоженная, совсем было уж преставившаяся русская женщина Варвара Ивановна. Живет — и некогда ей помирать. Но откуда берутся силы?..

(По рассказу В. Солоухина «Варвара Ивановна»)*

* Солоухин Владимир Алексеевич (1924–1997) — русский советский писатель, видный представитель «деревенской прозы».

1. Какой аспект направления «Любовь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.

3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XXVIII. Мама вернулась из командировки в пять утра. Я знала, что она привезет мне подарок. Почему-то была уверена, что она привезет огромную, в метр длиной, куклу из папье-маше, изображавшую туго спелёнутого младенца — пелёныша. Пелёныш продавался в маленькой лавчонке, множество которых располагалось в те годы на Тверской улице.

Когда я узнала, что куклу мама не привезла, мною овладело такое отчаяние, какого, верно, не испытывал Николай Романов, потеряв престол Российской империи. Но самодержец переносил свою беду молча, а я огласила комнату визгливым воплем, перешедшим в продолжительный и оглушительный рев. Меня успокаивали, предлагали попробовать привезенный мамой лакированный торт из взбитых белков — «кукурузу». Пытались влить в рот валерьяновые капли. Всё было тщетно. Без пелёныша солнце не светило.

И тогда бабушка, надев пенсне и высокую, напоминавшую цилиндр, черную бархатную шляпу, ни слова не говоря, исчезла из комнаты. Как потом выяснилось из ее рассказа, она отправилась к владельцу лавочки, который жил возле своего скромного торгового заведения. Ей открыл заспанный старый человек в нижнем белье и с всклокоченной бородой.

— Что будет угодно, мадам? — спросил он сухо, но с достоинством. — У вас кто-нибудь болен? Лекарствами мы не торгуем...

— Мне нужна вон та кукла, что у вас на витрине, — как всегда, величественно ответила бабушка, поплёскивая стёклышками пенсне.

— Но разве нельзя купить куклу в девять утра, когда проснутся люди и откроются магазины? — с удивлением спросил владелец лавочки.

Бабушка чувствовала справедливость его слов, но отступить было поздно. Отчаянный визг обожаемой единственной внучки звенел у нее в ушах.

— Я прошу вас продать куклу. Это необходимо. Можно заплатить дороже...

— Зачем дороже? Если мадам так рано посетила меня, значит, кукла действительно необходимо мадам. Прошу вас, пройдите к магазину, я сейчас...

Когда бабушка вернулась домой, я еще продолжала орать, и маме оставалось только тихо сетовать на то, что так скоро окончилась командировка.

Пелёныш у меня в руках...

Наверное, это было непедагогично: идти в магазин в шесть утра, будить старого человека и покупать куклу. Но как передать то счастье, которое испытывала я, держа в руках прохладное, пахнущее клеем и масляной краской тельце желанной куклы. Я прижималась мокрой щекой к ее безразлично-жизнерадостному личику, целовала малиновые щеки и глазки неистойвой голубизны.

Как благодарна я бабушке за то, что она пренебрегла прописными истинами воспитания и доставила мне это счастье. Право же, иногда нужно забывать о педагогике и доставлять детям, да и взрослым, радость — от счастья, а не от горя и поучений люди делаются добрее и чище... Недаром Пушкин писал, что несчастье — хорошая школа, а счастье — лучший университет.

(По книге Л. Либединской
«Зеленая лампа»)*

* *Либединская Лидия Борисовна (1921–2006)* — советская писательница.

1. Какой аспект направления «Любовь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XXIX. Стоял на краю леса домишко-то Булыгин. Старенький был, совсем понурый. Осиновая щепка на крыше покорибилась, а между брёвен из всех щелей торчал наружу белёсый мох.

Два дня назад началась весна, и эти два дня я добирался до Булыгина жилья, вначале на поезде, а потом пешком по раскисшей весенней дороге.

— Вон оно что, — сказал Булыга, завидев меня. — А я-то чувствую: из лесу русским духом пахнет, а ко мне гость из Москвы.

Пока я скидывал на крыльце рюкзак да вытирал шапкой вспотевший лоб, Булыга сходил в избу и вытащил на двор самовар.

Скоро самовар запыхтел на проталинке, засиял старой медью.

— Глухарь токует всюю, — сказал Булыга.

— Старый петух? — удивился я. — Неужто его не хлопнули?

— Жив, — подтвердил Булыга.

Этого петуха я видел не раз на боровом болоте Блюдечке, только на выстрел глухарь меня не подпускал: старый был, умный.

— А где он токует-то? — спросил я.

— На Блюдечке, где ж ещё, — сказал Булыга. — Только завтра я сам пойду.

— Хлопнуть хочешь?

— А что? Или мы стрелять разучились?

Быстро подступала весенняя ночь, полная самых внезапных и запутанных звуков. Трещали в близком лесу дрозды, протянул над ёлками вальдшнеп — до нас донеслось его цвирканье.

Самовар чуть светился в сумерках, а в нижние его окошечки сыпались раскалённые угольки.

Совсем стемнело, и самовар поспел. Булыга подхватил его, поперхнулся дымом и, накрыв жерло самовара крышкой с помпончиком, потащил его в дом.

По-прежнему что-то щёлкало в ходиках и темно было в избе, но я проснулся.

Была самая середина ночи.

— Пора вроде... — сказал я.

— Э-эх! — вздохнул Булыга, закряхтел, просыпаясь.

Мы выпили чуть тёплого, с вечера, чая, надели сапоги, взяли ружья и вышли.

Темно-темно ещё было, совсем темно и холодно. Ни месяца, ни звёздочек в небе, да и неба-то не видно — холод и туман. Из лесу струёй бил резкий запах тающего снега, прелых листьев. И тихо было, совсем тихо.

Булыга уже пропал в темноте. Треснула ветка, прошуршал снег — ушёл Булыга к маленькому болоту Блюдечку, где глухариный ток.

Я побежал краем леса к болоту, к шалашу.

В темноте ещё я был на месте. Высадил подсадную утку на воду и спрятался в шалаше под старой ёлкой, вышедшей из лесу к болоту.

Стало светать, чуть-чуть, еле-еле. Низом потянул ветерок, как раз забрался под полушубок, в раструбы сапог, и скоро я так замёрз, будто всю ночь проспал в весеннем лесу, без костра.

Бум!.. — грохнуло невдалеке, там, на Блюдечке. И второй раз: бум-ммм!.. И пошёл этот звук вдоль всего леса, запутался в крайних ветвях, поднял в воздух стаю дроздов с макушки ёлки, и все другие звуки вдруг пропали, словно поперхнулись, но уже через секунду снова бушевали вовсю.

И тут я услышал над головой: «Трр-трр-трр...»

— Что такое? Что?..

Но не успел я и сообразить, как в воду плюхнулся селезень! Я медленно-медленно поднял ружьё, которое стало жарким, и не видел уже ничего — только селезень покачивается на волне...

Ахнул в ушах и отозвался вокруг мой выстрел, резко долбануло в щёку прикладом, дробь подняла фонтан вокруг селезня.

Я выскочил из шалаша, и мне открылось всё залитое весной небо, и болото, и селезень, распластанный на воде.

Я достал битого селезня, положил его в шалаш, а в глазах всё стояло, как он качается, качается на волне...

Когда откурлыкали журавли и в песне тетеревов поутихла ярость, тогда налетел второй селезень. Я услышал жужжание и свист его крыльев над шалашом. Он сделал круг над болотом и только на втором кругу отозвался крикухе. Так странно было слышать утиное крыканье сверху, с неба, что я не выдержал и встал в рост, развалив шалаш, и ударил влёт.

Селезень взмыл кверху и пошёл выше, выше — эх! — в сторону Блюдечка, на Булыгу! Эх, промазал! Эх! Дурак, дурак!..

К обеду я вернулся в избушку. Булыга был уже там. Я наколол щепок, стал раздувать самовар.

А солнце было уже высоко, от его света и от усталости слипались глаза. Только прикроешь их — видишь ослепительно рябую болотную воду, и на ней качается селезень...

— Ну как? — спросил я.

— А никак, — ответил Булыга. — Пустой.

— А что ж глухарь?

— А ничего, — сказал Булыга. — Ну, садимся самовар пить.

Мы пили чай, позванивали ложками, отдувались утомлённо.

— Глухарей в этих местах всех перебили, — говорил Булыга. — Один остался.

Так устали глаза, что я и чай пил с закрытыми и видел: рябая болотная вода, а на ней качается селезень...

— Пошёл я к нему, — рассказывал Булыга про глухаря, — а он и поёт, и поёт, ни черта не слышит. А кому поёт? Ведь глухарки нету ни одной. А он и поёт-то, и поёт...

— По кому ж ты стрелял? — спросил я.

— По нему, по кому же ещё.

— Или промазал?

— Нет, — ответил Булыга. — Маленько в сторону взял. Ладно, хоть душу отвёл.

— Спугнул?

— Нет, и после выстрелов всё поёт. Совсем очумел от весны.

Я снова прикрыл глаза и видел, как один из другого возникают красные и оранжевые круги, а за ними качается на воде весенний селезень... и качается, и качается на воде.

(По рассказу Ю. Коваля «Лесник Булыга»)*

* Коваль Юрий Иосифович (1938–1995) — советский и российский детский писатель, а также сценарист мультфильмов и детских фильмов, художник и скульптор, автор и исполнитель песен.

1. Какой аспект направления «Любовь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XXX. В Камакуре, небольшом японском городке, был замечательный ихтиологический музей, а при нем — дельфиний и тюлений цирк. В огромном бассейне дельфины и два тупомордых молодых кашалота демонстрируют свою невероятную прыгучесть, ловкость, прекрасный характер и симпатию к людям. Особенно эффектны прыжки сквозь горящий обруч, причем руководит зрелищем и награждает умельцев живой рыбой обезьяна-шимпанзе в красных штанах, байковой рубашке с закатанными рукавами и жокейской шапочке. Все это увлекательно, удивительно и мило — с животными прекрасно обращаются, да ведь и подчиняются дельфины только ласке, они невероятно обидчивы и сразу обрывают контакт с людьми, если встречаются с хамством, но я все время ловил себя на мысли: лучше бы этого цирка не было.

Забавны, трогательны тюлени, жонглирующие мячами с булавами, вылавливающие из воды разные брошенные туда предметы, кувыркающиеся на гладком бетонном окоеме бассейна, безошибочно ловящие рыбешку, полученную в награду за очередной фокус, умилителен гигантский морской слон с добродушной мордой, когда он вытягивает за кормом свою толстенную и гибкую шею, но есть ли этический смысл в этих представлениях? Тюлени давно уже выступают в цирке, а охота на них принимает все более зверский характер, морские слоны не первый год демонстрируют свою умилительную неуклюжесть, а тем временем их извели подчистую. Может быть, стоит отказаться от всякого шутовства с животными, нашими меньшими братьями не в поэтическом, а в биологическом смысле, и воспитывать детей в настоящем уважении к ним, в сознании того, что надругательство над зверем так же аморально, как надругательство над человеком?

(По очерку Ю. Нагибина «Возвращение Акиры Куросавы»)*

* Нагибин Юрий Маркович (1920–1994) — русский писатель-прозаик, журналист и сценарист.

1. Какой аспект направления «Любовь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.

3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XXXI. Учительница Марья Ефремовна сказала, что надо устроить в классе живой уголок и каждый должен принести что-нибудь живое.

Мы с папой оделись и пошли в цветочный магазин.

— Здравствуйте, — сказал папа. — Нам что-нибудь для живого уголка.

— Лучше всего кактус, — посоветовала продавщица. — Самый неприхотливый цветок. Может долго обходиться без влаги.

Она поставила перед нами горшок с кактусом. Его и цветком не назовешь. Какое-то выживающее устройство, все в буграх и в иголках.

— Можно фикус, — сказала продавщица. — Но это очень дорого.

Я не хотела, чтобы папа выглядел бедным, и торопливо проговорила:

— Мне вон тот, красненький...

Горшочек был самый маленький, цветочек самый простенький, похожий на капельку огня и, наверное, самый дешевый.

— Это герань. Восемьсот рублей. — Продавщица поставила горшочек перед нами.

Папе нравилась цена. А мне нравился цветочек. Листья были большие, замшевые, а цветочек совсем простой, в четыре лепестка. Как будто ребенок нарисовал. Или сам Господь Бог сотворил этот цветочек утром и в хорошем настроении. Проснулся и со свежей головой придумал такой цветок: ни убавить, ни прибавить.

— У меня в детстве была герань, — вспомнил папа, и его лицо приняло особое выражение. Детство — хорошее время, когда ребенка любят ни за что, просто так, и ничего от него не хотят, кроме того, чтобы он был и цвел.

Я шла по улице и не сводила с него глаз. А папа говорил:

— Смотри под ноги...

Дома я первым делом заперла котенка в ванной комнате, чтоб он не скакнул на цветок и не сломал его. Котенок не понимает, что цветок не игрушка, а живое существо с растительным сознанием. Несчастный котенок рыдал от одиночества, но я проявила жесткость, пото-

му что малым злом (изоляция цветка) устраняла большое зло (гибель цветка).

Я поставила горшочек на подоконник, к солнцу. Потом налила в банку воды и стала поливать.

— Много нельзя, — предупредила бабушка. — Он захлебнется.

Я испугалась и даже ночью вскакивала и проверяла — жив ли мой цветок. А утром я увидела, что огонек еще ярче, листья еще бархатнее, а запах явственнее. Это был ненавязчивый, острый, как сквознячок, ни с чем не сравнимый запах. Я его вдыхала долго-долго, потом выдыхала и снова вдыхала, втягивала в себя.

— Пусть оставит себе, раз ей так нравится, — предложила мама.

— Неправильно, — возразил папа. — Надо уметь отдавать то, что нравится самой.

— Я отнесу в живой уголок, и мы всем классом будем на него смотреть. Приятно ведь смотреть в компании. Как картины в музеях...

(По «Рождественскому рассказу» В. Токаревой)*

* Токарева Виктория Самойловна (род. в 1937 г.) — современный русский прозаик и сценарист.

1. Какой аспект направления «Любовь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XXXII. Для любви знание предмета обязательно. Могла ли я в детстве сказать, что люблю лес?... Лес для меня, в отличие от поля, степи, был понятием далеким, нереальным. Лес был сказочным персонажем, таким же, как его обитатели — Серый Волк и Лиса Патрикеевна. Когда мне читали Некрасова:

Плакала Саша, как лес вырубали,

Ей и теперь его жалко до слез... —

я жалела не лес, а плачущую Сашу...

Много лет спустя в нашем краю решили расширить лесную дорогу. Для этого пришлось свалить множество прекрасных сосен, берез и елей и уничтожить вековую, натопанную многими поколениями, тропу...

Тут я сама готова была плакать, как плакала некогда Саша. Деревья вдоль тропы стояли рослые, сильные, достигшие мощи, какой достигает дерево, растущее на свободе, на свету. Тропа, утопанная до каменной твердости, бежала вдоль лесной дороги, выводила на поляны, пряталась под темными шатрами елей и вновь выбегала на свет, к соснам, с их красными на вечернем солнце стволами...

Теперь тропы нет. Погибли деревья. Погиб и старый мостик над круглым водостоком, в котором, как в перевернутом бинокле, был виден дальний пейзаж — поле и домик за рекой. Непрístupно стоит лес по сторонам асфальта. Одинокiй путник идет по обочине, опасно сторонясь летящих, слепящих в темноте машин.

Асфальт — для них. Тропа была для нас.

Нескоро натопчем новую тропу.

(По рассказу И. Гоффа «Знакомые деревья»)*

* Гоффа Инна Анатольевна (1928–1991) — русская советская писательница (прозаик, поэт).

1. Какой аспект направления «Любовь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XXXIII. Разумеется, я понимал, когда ехал на концерт, что зал будет полон, несмотря на лютый декабрьский вечер, но не ожидал увидеть у подъезда большую волнующуюся толпу. Сухая метель обжигала губы, поэтому люди, чающие «лишнего билетика», выражали надежду на него больше жестами и мимикой. Выступал оркестр «Мадригал» с музыкой итальянского Возрождения. Беспокойная тол-

па у подъезда мощно разрушила камерное настроение, с которым мы ехали сюда.

В зале я начал рассматривать соседей. Они были молоды, даже юны, и весело, чуть играючи, с мокрыми после метели сияющими лицами, оттаивали. Оглянувшись, я увидел и несколько пожилых пар, более сосредоточенных и чинных.

Заиграл оркестр. В частых повторах одной и той же темы было что-то детски серьезное: так ребенок перечитывает без конца полюбившуюся страницу, наслаждаясь новыми оттенками содержания.

Рождественская песня отдавала величавой шуткой, ритм танца был почти неотличим от ритма духовной симфонии, а песня о верности в любви казалась молитвой.

«Мадригал» шутил, повествовал, размышлял, отдыхал в танце, а я думал, что особенную ценность составляют те душевные состояния, которые человеку через сто, или пятьсот, или даже тысячу лет хочется пережить опять с первоначальной мощью. Помогает ему искусство, особенно музыка, она эти состояния души будит, порой ей не удается разбудить с первого раза, но она не успокоится, не добудившись, не растолкав, не растормошив душу по-настоящему.

(По повести Е. Богата «Вечный человек»)*

* *Богат Евгений Михайлович (1923–1985)* — советский журналист, писатель.

1. Какой аспект направления «Любовь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XXXIV. В 1914 году, после первых же некрасовских публикаций, осуществлённых Чуковским, Анатолий Фёдорович Кони, знаменитый русский адвокат, сделал ему феноменальный подарок: оригиналы poem «Кому на Руси жить хорошо», «Княгиня Волконская» и другие

черновики. И вот наступил день, когда Корней Иванович торжественно потребовал нас с Колей к себе в кабинет, взял за руки и подвёл к своему письменному столу. Так подводят малышей к зажжённой ёлке. На письменном столе у него, после конца работы, всегда был порядок, но сегодня это был уже не стол, а как будто аналой или ковчег. Ни пылинки. Книги, бумаги, карандаши, клей, чернильница, перья перенесены на подоконник, а посередине стола раскрытая папка и в ней...

Должна покаяться: я не помню, были ли это тетради или отдельные листы. Помнится мне, будто листы, но с уверенностью сказать не могу. Большие, пожелтевшие, исписанные блёклыми чернилами. Не помню также, была ли эта рукопись «Княгини Волконской» или «Кому на Руси жить хорошо». Но это была рукопись Некрасова. И ощущение своё я помню ясно.

Рукописей к тому времени я уже видела много: статьи, которые писал, рвал и снова писал Корней Иванович. Но тут странным показалось мне всё: и почерк, и желтизна. И та осторожность, торжественность и нежность, с какими прикасались к старым помятым листам длинные загорелые пальцы. А страннее всего — открытие: стихи, знакомые мне и в голосе, и в книге, оказывается, были сначала сочинены и написаны! Открытие? Я, конечно, знала это и раньше: Некрасов написал «Кому на Руси жить хорошо», а всё-таки на самом деле узнала в ту минуту впервые. Корней Иванович назвал год — какой-то баснословно далёкий, и я его мгновенно забыла; дата была вытеснена мыслью, что, стало быть, до названного года стихов этих не было, совсем никогда не бывало. Они вовсе не всегда присутствовали в мире — стихи эти, — как море, песок, звёзды, а их сочинил человек. Николай Алексеевич Некрасов. Ну вот как Маяковский сейчас, шагая по камням, сочиняет свои стихи, которых тоже никогда не было раньше.

Некрасов на этой вот бумаге записал стихи. Раньше их не было.

Коля заметил, что один листок между другими пустой. Совсем пустой, ни строки, ни слова, ни буквы. И — помятый. Наверху загнут угол.

— Этот ненужный, — сказал он голосом примерного мальчика, который самого учителя уличил в недосмотре. — Гляди, папа, тут ничего не написано. Его можно выбросить.

Корней Иванович всем корпусом повернулся к Коле и посмотрел на него с негодующим интересом. Впрочем, сердиться не стал. Задумался на секунду, как объяснить? И ответил очень старательно:

— Пустой, да, но ведь его трогал Некрасов, понимаешь? Ничего не нём не написал, но раз листок лежит здесь, среди других, исписанных, значит, Некрасов трогал его, смотрел на него. Понимаешь? Его нельзя разорвать или выбросить. Он оттуда, из того века, из ящика некрасовского стола.

Из того века. Из того стола. А сейчас лежит вот здесь, перед нами, на этом столе.

Не знаю, что понял Коля, но я мало. У Некрасова, как у всех людей, — руки, и, конечно, он этими руками трогал эти бумаги. Ну и что же? Почему нельзя выбросить измятую, пустую бумажку?

Так я рассуждала, так думала, потому что урок был для меня ещё трудноватый. Но какое-то слабое предчувствие понимания: смены десятилетий, и смены времён, и цепи времён — всё было заронено, заложено тогда — при свете этого ясного детского солнечного дня, ложившегося на старые бумаги.

*(По книге Л. Чуковской**

«Памяти детства. Воспоминания о Корнее Чуковском»)

* Чуковская Лидия Корнеевна (1907–1996) — редактор, писательница, публицист, мемуаристка, диссидент. Дочь Корнея Чуковского.

1. Какой аспект направления «Любовь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XXXV. Однажды зимой возвращаемся мы с моим отцом, К.И. Чуковским, откуда-то вдвоём. Мороз ненастоящий, градусов пять, не более. Сеется мелкий снежок.

Мы вынуждены отступить в придорожный сугроб, из переулка на главную дорогу медленно вытягивается нам навстречу обоз.

Наконец обоз проскрипел. Вот и последняя лошадь.

Мы ступили на дорогу. И тогда новая помеха — Репин. Оказалось, он на той стороне. В тёплых башмаках, в мягкой меховой шапке, весь припорошенный снежком, пережидает обоз, как и мы. Мне досадно: теперь они будут разговаривать. Опять стой! Репин, сняв перчатку, учтиво здоровается с Корнеем Ивановичем, потом протягивает руку мне.

Нет, долго ждать не приходится. Что-то такое условились насчёт «среды».

Снова учтивые рукопожатия — и Репин исчезает в снегу.

Мы движемся сквозь снег в одну сторону, он — в другую.

Но не успеваем мы сделать и десяти шагов, как происходит нечто странное. В отца моего словно вселяется бес. Корней Иванович вдруг срывает с моей руки перчатку и бросает её далеко в сугроб, к кольям чужого забора.

— Тебе Репин протягивает руку без перчатки, — кричит он в неистовстве, — а ты смеешь свою подавать не снявши! Ничтожество! Кому ты под нос суёшь рукавицы? Ведь он этой самой рукой написал «Не ждали» и «Мусоргского». Балда!

Я начала реветь.

Я не понимаю, в чём моя вина. Репин со мной поздоровался. Я подала ему руку и ответила «здравствуйте». Откуда мне знать, что в перчатке нельзя? Мне этого раньше не говорили. А это был тот самый, обыкновеннейший Репин, который рассказывал мне про белку и всегда угощал нас с Колей конфетами, когда мы приносили ему письмо от папы, и позволял бегать по лесенкам у него в доме. Репин, просто Репин. За что же?

Несправедливо!

И чего это они там не ждали! И кто такой Мусоргский?

Наверное, Корней Иванович был в своём гневе несправедлив, не прав, и уж во всяком случае непедagogичен. Гораздо правильней было бы с его стороны просто объяснить мне — спокойно, весело, полунасмешливо, как он это великолепно умел, что дети, здороваясь со взрослыми, должны всегда снимать перчатку. Ведь объяснил же он Коле, раз и навсегда, без всякого крику, что мальчик, переступая по-

рог любого дома или здороваясь на улице с любым человеком, должен прежде всего снять шапку. Зачем же тут надо было на меня кричать? Да ещё, проваливаясь в снег по пояс и принеся перчатку от забора, колотить меня ею изо всех сил по плечу, будто бы стряхивая снег, а на самом деле от непрошедшей злости?

Но как я благодарна ему теперь за эту неправоту, за эту несправедливо нанесённую мне обиду!

За этот поучительный гнев, которым он разразился, когда ему почудилось, будто я с недостаточным уважением прикоснулась к руке, протянутой мне самим искусством!

*(По книге Л. Чуковской**

«Памяти детства. Воспоминания о Корнее Чуковском»)

* Чуковская Лидия Корнеевна (1907–1996) — редактор, писательница, публицист, мемуаристка, диссидент. Дочь Корнея Чуковского.

1. Какой аспект направления «Любовь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

«“Путь” — направление актуализирует конкретное и символическое значение понятия «путь», нацеливая на нравственное и философское его осмысление. Диапазон размышлений широк: от дорожных впечатлений к раздумьям о судьбе человека, образе его жизни, выборе цели и средств ее достижения». (Из комментариев ФИПИ)

Как нам кажется, основной аспект содержания этого понятия связан с выбором человеком того или иного пути в жизни, будь то путь ученого или художника, врача или писателя. И это касается выбора не столько профессии, сколько тех нравственных установок, которых придерживается человек в жизни. Важно, насколько достойно выходит человек из тех испытаний, которые посылает ему жизнь: смиряется с ними, опускает руки или находит в себе силы сопротивляться судьбе.

I. Чехов прежде всего воспитывал себя, а потом уже своих.

Еще гимназистом он пишет младшему брату Мише по поводу того, что тот назвал себя «ничтожным и незаметным братишкой», когда Антоше было всего семнадцать лет, а Мише — двенадцать:

«Ничтожество свое сознаешь? Не всем, брат, Мишам надо быть одинаковыми. Ничтожество свое сознавая знаешь где? Перед Богом, пожалуй, перед умом, красотой, природой, но не перед людьми, среди людей нужно сознавать свое достоинство. Ведь ты не мошенник, честный человек? Ну, и уважай в себе честного малого и знай, что честный малый не ничтожество. Не смешивай «смиряться» с «сознанием своего ничтожества».

Замечательно, как А. П., будучи двадцатилетним врачом, объясняет в письме брату Николаю, что такое воспитание. (Письмо помечено мартом 1886.)

«Воспитанные люди должны удовлетворять следующим условиям:

Они уважают человеческую личность, всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы...

Они уважают чужую собственность, а потому платят долги.

...Не лгут даже в пустяках... Они не лезут с откровенностями, когда их не спрашивают...

Они не унижают себя с тою целью, чтобы вызвать в другом сочувствие...

Они не суетны. Их не занимает чье-то рукопожатие.

Если имеют в себе талант, то уважают его... Они жертвуют для него всем. Они брезгливы.

Они воспитывают в себе эстетику...

...Тут нужны непрерывные дневной и ночной труд, вечное чтение, штудировка, воля... Тут дорог каждый час.

Брось я сейчас семью на произвол судьбы, я старался бы найти себе извинение в характере матери, в кровохарканье и проч.»

Да, это письмо интересно не только как назидательное, но из него можно понять, как А. П. сам себя воспитывал, как он был строг к себе.

(По книге И. Бунина «О Чехове»)*

* *Бунин Иван Алексеевич (1870–1953)* — русский писатель, первый лауреат Нобелевской премии по литературе из России (1933 год).

1. Какой аспект направления «Путь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

II. Топорков вспомнил раннее детство с чисткой барских самоваров. За самоварами и подзатыльниками замелькали в его памяти благодетели, благодетельницы в тяжелых салопках, духовное училище, куда отдали его за «голос». Духовное училище с розгами и кашей с песком уступило место семинарии. В семинарии латынь, голод, мечты, чтение. Вспомнилось ему, как он, вопреки желаниям благодетелей, бежал

из семинарии в университет. Бежал без гроша в кармане, в истоптанных сапогах. Сколько прелести в этом бегстве! В университете голод и холод ради труда... Трудная дорога!

Наконец он победил, лбом своим пробил туннель к жизни, прошел этот туннель и... что же? Он знает превосходно свое дело, много читает, много работает и готов работать день и ночь...

Топорков искоса поглядел на десяти- и пятирублевки, которые валялись у него на столе, вспомнил барынь, от которых только что взял эти деньги, и покраснел... Неужели только для пятирублевок и барынь он прошел ту трудовую дорогу? Да, только для них...

И под напором воспоминаний осунулась его величественная фигура, исчезла гордая осанка и поморщилось гладкое лицо.

— Что же я могу сделать? — прошептал он еще раз, глядя на Марусины глаза.

Ему стало стыдно этих глаз.

А что, если она спросит: что ты сделал и что приобрел за все время своей практики?

Пятирублевки и десятирублевки, и ничего больше! А наука, жизнь, покой, все отдано им. А они дали ему княжескую квартиру, изысканный стол, лошадей, все то, одним словом, что называется комфортом.

Вспомнил Топорков свои семинарские «идеалы» и университетские мечты, и страшною, невылазною грязью показались ему эти кресла и диван, обитые дорогим бархатом, пол, устланный сплошным ковром, эти бра, эти трехсотрублевые часы!

(По повести А. П. Чехова «Цветы запоздалые»)*

* Чехов Антон Павлович (1860–1904) — великий русский писатель, классик мировой литературы.

1. Какой аспект направления «Путь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

III. Посвящая сына в свои коммерческие тайны, старик говорил таким тоном, как будто занимался не торговлей, а колдовством. Оказалось, что доход ежегодно увеличивался приблизительно на одну десятую часть и что состояние Лаптевых, считая одни только деньги и ценные бумаги, равнялось шести миллионам рублей.

Когда в первом часу ночи, после счетов, Лаптев вышел на свежий воздух, то чувствовал себя под обаянием этих цифр. Ночь была тихая, лунная, душная; белые стены замоскворецких домов, вид тяжелых запертых ворот, тишина и черные тени производили в общем впечатление какой-то крепости, и недоставало только часового с ружьем. Лаптев пошел в садик и сел на скамью около забора, отделявшего от соседнего двора, где тоже был садик. Цвела черемуха. Лаптев вспомнил, что эта черемуха во времена его детства была такою же корявой и такого же роста и нисколько не изменилась с тех пор. Каждый уголок в саду и во дворе напоминал ему далекое прошлое. И в детстве так же, как теперь, сквозь редкие деревья виден был весь двор, залитый лунным светом, так же были таинственны и строги тени, так же среди двора лежала черная собака и открыты были настежь окна у приказчиков. И все это были невеселые воспоминания.

Лаптев был уверен, что миллионы и дело, к которому у него не лежала душа, испортят ему жизнь и окончательно сделают из него раба; он представлял себе, как он мало-помалу свыкнется со своим положением, мало-помалу войдет в роль главы торговой фирмы, начнет тупеть, стариться и в конце концов умрет, как вообще умирают обыватели, дрянно, кисло, нагоняя тоску на окружающих. Но что же мешает ему бросить и миллионы, и дело и уйти из этого садика и двора, которые были ненавистны ему еще с детства?

Ему казалось, что он сейчас велит отпереть калитку, выйдет и уже более никогда сюда не вернется; сердце сладко сжалось у него от предчувствия свободы, он радостно смеялся и воображал, какая бы это могла быть чудная, поэтическая, быть может, даже святая жизнь...

Но он все стоял и не уходил и спрашивал себя: «Что же меня держит здесь?» И ему было досадно и на себя, и на эту черную собаку, которая валялась на камнях, а не шла в поле, в лес, где бы она была независима, радостна. И ему, и этой собаке мешало уйти со двора, очевидно, одно и то же: привычка к неволе, к рабскому состоянию...

*(По повести А. П. Чехова * «Три года»)*

* *Чехов Антон Павлович (1860–1904)* — великий русский писатель, классик мировой литературы.

1. Какой аспект направления «Путь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

IV. Историю своей болезни и преодоления ее Алан Маршалл с редкой откровенностью, простотой и достоинством описал в замечательной автобиографической трилогии: «Я умею прыгать через лужи», «Это трава», «В сердце моем».

Первая повесть посвящена детству. Алан родился крепким и здоровым мальчиком, его отец, объездчик лошадей, сказал: «Я сделаю из него бегуна и наездника. Клянусь богом, сделаю». Он не сделал из сына бегуна, а наездником тот действительно стал без чьей-либо помощи, и хорошим драчуном, и охотником, и рыболовом, и путешественником, и великим борцом за сохранность природы и честь человека, и одним из лучших австралийских писателей. Но когда Алан, только что поступивший в школу, заболел детским параличом (эпидемия вспыхнула в штате Виктория в начале девятисотых годов), даже самые близкие люди считали, что резвому, любознательному, веселому мальчику предстоит отныне не жизнь, а прозябание. Иначе считал лишь сам больной. Привыкший с младенчества восхищаться лошадьми, совершеннейшим созданием бога, любивший собак и птиц, таких стремительных и быстрых, этот прикованный к больничной койке мальчик решил одолеть недуг, вернуть способность двигаться, более того, вновь научиться прыгать через лужу. Для этого надо было справиться с непослушным телом, с болью, страхом, с расслабляющими и бестактными соболезнованиями взрослых людей, с неверием в его силы даже тех, кто от всего сердца желал ему добра. Он принимал помощь только в том случае, если не было другого вы-

хода и если помогавший не вкладывал в свой поступок ни грана жалости или — того хуже — снисхождения. Это перешло в его книгу: Алан Маршалл не хочет жалости от читателя, ему противны вздохи и слезы сочувствия.

Если бы Маршалл писал о своем детстве с оттенком скромной горделивости, или зажав в горле крик боли, или даже с некоторой ожесточенностью, все равно никому не пришло бы в голову бросить в него критический камень. Мы были бы признательны ему за описание беспримерной и поучительной судьбы. Но то, что он сумел говорить о себе почти со стороны, не с юмором, конечно, для этого у него слишком хороший вкус, а с легкой, чуть напрягающей уголки рта улыбкой, с полным доверием к своим слушателям и потому негромко, — создает неповторимый, серебряный, завораживающий тон его книги, не просто хорошей, а исключительной.

(По очерку Ю. Нагибина «До новой встречи, Алан!»)*

* Нагибин Юрий Маркович (1920–1994) — русский писатель-прозаик, журналист и сценарист.

1. Какой аспект направления «Путь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

V. В 1948 году наша знакомая привезла к нам в гости в Дунино слепую скульпторшу Лину По.

Лина Михайловна По была в молодости балериной. Однажды она упала на улице, разбилась и внезапно полностью потеряла зрение. В больнице, лежа в гипсе, она начала лепить из хлебного мякиша лица и фигуры. Все удивлялись сходству, выразительности... Выйдя из больницы, она стала двигаться нормально, но зрение не вернулось.

Муж бросил ее слепую. Свекровь выгнала сына и осталась с Линой. Лина продолжала лепить. Ее портреты Чехова, танцовщиц изум-

ляют. Трудно поверить, что она лепила, корректируя себя только внутренним зрением и осязанием рук. Помогал Лине в те трудные переходные годы художник Нестеров. Так она стала скульптором. Некоторые ее работы приобретены Третьяковской галереей.

Пришвин пишет: «Она слышать не хотела, когда люди называли ее слепой. Она видела то, что ей надо было видеть, в себе самой и тем жила и дышала, что делала свои представления понятными для всех. Случалось, она показывала на то место, где была ее вещь, но вещи не было: она ее только видела, но забывала о том, что ее еще не делала». Так записывает Пришвин и заключает: «Небольшая иллюстрация к тому, что человек — это все».

Если бы не новое несчастье, Лина, конечно, сделала бы портрет Пришвина. Кто знает, может быть. Он отразил бы его душу ярче, чем портреты зрячих художников. Но так не случилось: Лина вскоре умерла во время операции аппендицита.

После ее кончины Пришвин сделал у себя в дневнике следующую запись: «Мы говорили о Лине По, что она была борцом за достойную жизнь человека здесь, на земле. Она сделала для этого все, и что может быть больше того, чтобы слепая давала свет людям!»

М. В. Нестеров пишет: «Дарование Лины По — особое дарование «внутреннего видения»... Рядом с ним идет страстное искание внешних форм, законов искусства; она понимает их значение, красоту. Она изучает их на себе, на случайных посетителях, на классических формах античной скульптуры, изучает путем осязания своими нежными, чувствительными пальцами. Осязание как внутреннее видение — ее новое зрение. Работает Лина Михайловна, несмотря на все трудности, страстно, порывами... Работы ее делаются все совершеннее».

Я недоумеваю — как и те выдающиеся скульпторы наши, с которыми мне приходилось говорить об искусстве Лины По, — перед тем необъяснимым фактом, как путем лишь осязания может слепой передавать не формы, даже не сходство, где на помощь можно призвать опыт, знание, наконец, прекрасную память, а самое тонкое, неожиданное выражение, как говорили в старину — «экспрессию». Вот этой-то экспрессии невольно поражаешься, спрашиваешь, где предел человеческой способности».

Нас же, в свою очередь, поражает совпадение в высказываниях двух людей искусства: «Человек — это вселенная», — говорит При-

швин. «Где предел человеческой способности?» — спрашивает Нестеров.

(По книге воспоминаний В. Пришивиной «Наш дом»)*

* Пришвина Валерия Дмитриевна (1899–1979) — литературный секретарь, а впоследствии жена М. М. Пришвина.

1. Какой аспект направления «Путь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

VI. Петербургскую гимназистку Лизу Пиленко, которой А. Блок в 1908 году посвятил стихи, ожидала большая сложная жизнь. Она вышла замуж, стала на короткое время известна как молодая поэтесса Кузьмина-Караваева, ушла от мужа, убежала на юг, к морю и солнцу, жила суровой жизнью в рабочем поселке и там, ошеломленная волною людей, бежавших от революции, закружилась в этой волне, очнувшись по ту сторону Черного моря, в эмиграции, в беспросветной нищете и одиночестве.

Перед Второй мировой войной в Париже заговорили о матери Марии. Это была странная монахиня, может быть, самая странная из когда-либо существовавших монахинь. Она умела столярничать, плотничать, малярничать, шить, вышивать, писать иконы, мыть полы, стирать, стучать на машинке, набивать тюфяки, доить коров, полоть огород. Она любила физический труд, ей были неприятны белоручки, она ненавидела комфорт — материальный и духовный, — могла по суткам не есть, не спать, отрицала усталость, любила опасность. Она вела жизнь суровую, деятельную: начала с того, что открыла на деньги, собранные по Парижу, небольшое общежитие и столовую для безработных на улице Вилла де Сакс, а кончила тем, что на собственный страх и риск сняла большой дом на улице Лурмель, 77, который стал родным для сотен и тысяч обездоленных, голодающих, одиноких во

французской столице. Она объезжала туберкулезные больницы, психиатрические лечебницы, различные госпитали. Она сама мыла полы, красила стены на улице Лурмель, 77... И ей казалось, что и этого мало, что она должна отдавать себя людям еще больше, еще полнее. И только одна была у нее слабость — стихи; она писала их сама, читала часто Блока. «...Я всех забыл, кого любил, я сердце вьюгой закрутил». Она ничего не забыла и, может быть, так мало спала потому, что много думала о России. А судьба била эту женщину безжалостно. Летом 1935 года ее дочь Гаяна, убежденная коммунистка, не мыслившая себе жизни без России, вернулась на Родину, в этом ей помог Алексей Толстой, который в том году был в Париже на I Международном конгрессе писателей в защиту культуры. В Москве Гаяна умерла от дизентерии меньше чем через два года.

Когда гитлеровские войска вторглись в Бельгию, Голландию, мать Мария решила идти пешком на восток.

«Лучше погибнуть по пути в Россию, чем остаться в покоренном Париже».

«Хочу на Волгу, в Сибирь, к русским людям», — говорила она.

Но, собираясь в дорогу, она не забывала о тех, кто был рядом, кормила голодающих. Ее часто видели на Центральном парижском рынке: в разорванной, пыльной рясе, в стоптанных мужских сапогах, она таскала на плечах тяжелые мешки с овощами.

События развивались быстрее, чем ожидали, — мать Мария оказалась в покоренном фашистском Париже. Дом на Лурмель, 77 стал одним из штабов Сопротивления. Те обездоленные, голодные, обиженные жизнью, которым она деятельно сострадала, — именно они были наиболее опасной силой для фашистов. И высокая, статная, легкая, уже стареющая женщина с круглым добрым лицом в черном апостольнике еще раз увидела смысл жизни в том, чтобы добро стало делом, на этот раз рискованным, пахнущим порохом и застенком, — ушла с головой в подпольную работу.

Лурмельский комитет был важным центром антифашистской деятельности в Париже. Он передавал посылки, деньги, подложные документы заключенным, устраивал побеги, ловил по радио и распространял советские новости. В доме на Лурмель, 77 скрывались коммунисты, русские, евреи. В 1942 году в нем жили двое бежавших из плена советских солдат. Душой лурмельского комитета была мать Мария.

В феврале 1943 года ее вместе с сыном Юрой арестовало гестапо. Восемнадцатилетнего Юру отправили в Бухенвальд, где он погиб через несколько месяцев. Ее — в Равенсбрюк...

В одной из парижских газет еще до окончания войны, 4 мая 1945 года, появилась заметка:

«Две французские коммунистки из департамента Нор, репатриированные из Равенсбрюкского лагеря, рассказывают: „В нашем блоке была русская монахиня мать Мария. Это была необыкновенная женщина...“»

Существует несколько версий ее гибели, каждая из которых похожа на легенду. По одной из них, самой распространенной, 31 марта 1945 года, когда освобождение было уже близко, мать Мария пошла в газовую камеру вместо отобранной фашистами советской девушки. Она обменялась с ней курткой и номером, немногословно объяснив: «Я уже стара, а у тебя вся жизнь...»

Было ли так в действительности? Я искал бывших узниц Равенсбрюка, писал письма, читал ответы, беседовал с ними. Была у меня даже наивная надежда — найти ту, спасенную ею девушку... Но, несмотря на все старания, мне не удалось отыскать очевидцев самого последнего часа матери Марии, зато я узнал много удивительного об этой необыкновенной женщине. В условиях, дьявольски рассчитанных на то, чтобы человек переставал быть человеком, она не утратила чудеснейшего человеческого дара — она мыслила. И когда одна женщина горько пожаловалась ей, что уже ничего не чувствует и даже сама мысль заоченела, мать Мария воскликнула: «Нет, нет, только непрестанно думайте, в борьбе с сомнениями думайте, шире, глубже. Не снижайте мысль...»

Я не помню, чтобы кто-либо в Дантовом аду говорил это потрясающее по мужеству, великолепно-человеческое: «Не снижайте мысль».

(По повести Е. Богата «Ахилл и черепаха»)*

* *Богат Евгений Михайлович (1923–1985)* — советский журналист, писатель.

1. Какой аспект направления «Путь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.

3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

VII. — То, что я вам принес, — вещь выдающаяся. — Посетитель редакции «Огонька» стал вытаскивать из портфеля переплетенные машинописные тома. — Из всей литературы на эту тему, — продолжал он, — эта книга стоит особняком, поэтому отношение к ней должно быть особое...

С некоторым недоумением смотрю на выложенные из портфеля шесть пухлых фолиантов.

Тем временем на столе растет новая горка теперь из общих тетрадей. Их двенадцать.

— Книга написана 25 лет назад. Ее автор из графского рода, по другой ветви — потомок греческого святого мученика начала девятнадцатого века. — Посетитель бережно подровнял стопки. — Наконец пришло время ее обнародовать, хотя автор и не думала, что придет время, когда можно будет не только печатать, но и свободно давать ее читать. Написано это для потомков. Один экземпляр хранился дома, другие, переписанные от руки, — в надежном месте. Она понимала: если рукопись попадет в органы, нового срока не миновать. Ведь они потребовали от нее подписку, что она не будет никому рассказывать о том, что видела и слышала. Но она ничего не подписала...

— «Она»? Кто это?

— Баба Фрося. Евфросиния Антоновна Керсновская...

* * *

Условия Евфросиния Антоновна поставила жесткие: публиковать только полностью, без купюр, и только с «картинками».

В этих картинках — целая энциклопедия. В них такой познавательный материал, какой не может дать ни один добросовестный мемуарист, ни один сборник документов. Цепкий глаз художника схватывает ситуации, которые никогда не могли быть зафиксированы фото- и киносъемкой (не подпускали к ГУЛАГу фотографов и кинооператоров!): жизнь тюремных одиночек и общих камер, ужасы пере-

сылок, этапов, быт сталинских лагерных бараков, работа заключенных в больнице и на лесоповале, в морге и шахте. Керсновская помнит все — и во что были одеты заключенные, и как происходили допросы, «шмоны», драки, мытье в бане, захоронения «жмуриков», лагерная любовь. С лубочной лапидарностью, понятной и взрослым, и детям, рисует она свою двадцатилетнюю жизнь в ссылке и на каторге, своих товарищей по несчастью и палачей. А какие типы в этих рисунках: вертухаи, урки, профессора, наседки, спецкаторжане, малолетки, доходяги, крестьяне, коммунисты, «жучки», бригадиры, кумовья! И все это схвачено Керсновской с кинематографической точностью. Почти нет никакой статики — все у нее движется, действует, «живет» в рисунке. Психологическая и эмоциональная нагруженность «картинки» — на пределе!

Впрочем, когда я приехал к ней в Ессентуки, она сказала:

— Единственная моя цель была — отобразить все, как было, ничего не приукрашивая и не придумывая. Правда — вот мой критерий... Рисовать начала только на воле. Я рассказывала о лагере маме, но подчас она просто не понимала, о чем я говорю. Писать «Воспоминания» стала сразу же после смерти мамы в 1963 году — выполняла ее завещание. Написала их за год. Только потом стала иллюстрировать — в отдельном блокноте. Когда делала второй экземпляр — совместила текст с рисунками...

...Работы она не боялась. Однако свободный труд от каторжного существенно отличается. Многие, кто на воле считался хорошим работником, в лагере ломались: они презирали рабский труд и очень скоро превращались в «доходяг», затем быстро умирали. Но не так было с Евфросинией Антоновной. В ссылке она валила лес, в лагере работала медсестрой в больнице, в морге грузила трупы, строила дома, копала землю, ухаживала за свиньями, таскала на своих женских плечах стокилограммовые мешки и ящики, в полярный мороз убирала снег и долбила лед на железнодорожных путях, в Норильске испытала на себе все тяготы шахтерского труда (восемь лет она провела в подземелье!). Но и в нем, в этом рабском труде за пайку хлеба, она находила свои радости. Самым большим наказанием для нее было безделье. Во время этапов, пребывания в тюремных камерах она сама искала себе работу: занималась уборкой и раздачей пищи. Работа была ее защитой. Об этом Евфросиния Антоновна не пишет, но мне ка-

жется, что трудом она защищалась от уныния и отчаяния, в которые так легко было впасть заключенному. Чем тяжелее работа, за которую она бралась, тем легче она преодолевала в себе психологию жертвы. Благодаря труду она ощущала себя хозяином своей судьбы.

Но не только работа была ее защитой. Была еще и система нравственных законов, которая оберегала ее от падений духовных.

Она обладала высшей степенью свободы, когда и в тюрьме человек себя не чувствует рабом. Страх перед смертью для нее был неизмеримо ниже, чем боязнь потерять внутреннюю свободу.

Именно за это ее ненавидели тюремщики, доносчики, урки. Они нутром чуяли в ней эту силу, которая начисто отсутствовала в них, и всячески пытались противоборствовать ей. Но Евфросиния Антонова оказалась победителем.

— Часто ли вы испытывали страх?

— Часто. Но, знаете, храбр не тот, кто не боится, а тот, кто умеет побороть страх.

— У вас в книге множество описаний разного рода драк: то вы вступались за кого-то, то на вас нападали, нередко вы первая наносили удар, иногда вас избивали до полусмерти...

— Я умела постоять за себя. Физической боли я не боялась... Каждому человеку дано ровно столько испытаний, сколько он может выдержать.

— Расскажите о самом жутком случае в вашей жизни. Таком, когда вам было страшнее всего.

— Это было во время моего побега из ссылки. Я долго шла по лесу и совершенно выбилась из сил. Даже не могла ползти. Наступила ночь. Месяц скрылся за облаками — не было видно ничего. Я уткнулась лицом в снег и поняла, что не могу больше сделать и шага. От страха и отчаяния наступило оцепенение. Я физически ощутила, как смерть склонилась надо мной. Слышала ее дыхание. Мне было ужасно страшно, но в какой-то момент я собрала все силы и решила дать бой смерти. В ту же секунду я услышала, как недалеко от меня замычала корова. Оказывается, совсем рядом было человеческое жилье...

С ложью она боролась всю жизнь. Постоянно лезла на рожон и получала тумачи за это, ругала себя потом, но ничего не могла с собой поделать — снова и снова заступалась за истину, клеймила клеветников, смеялась в глаза бездушным палачам, доказывала неправоту тем, кто вообще потерял способность различать добро и зло.

Когда ее осудила «тройка» на расстрел, она крикнула им в лицо:

«Правда — как свет! Никогда луч тьмы не проникает в светлое пространство: поэтому ваша ложь боится правды!.. Но все, что бы я ни говорила, вы не услышите... Или — не поймете. Потому что самый глухой — это тот, кто не хочет слышать...»

Ох, как ее ненавидели люди с грязной душой, люди, потерявшие совесть, или те, кто руководствовался в своих поступках ложью, звериной похотью и своеволием. Ее кидали в карцеры, пытали голодом и холодом, избивали так, что живого места на ней не оставалось, посылали на самые тяжелые и грязные работы, но душа и совесть ее всегда оставались чистыми.

Вся ее книга пронизана христианским, православным духом. Однако в ней почти нет теоретических рассуждений на темы добра, любви, милосердия и терпимости, то есть того, с чем мы обычно связываем понятие «христианство». В ней есть просто жизнь, но такая, где все эти постулаты поверяются реальными поступками и поведением героев, их каждодневным бытом, их отношением к работе и друг к другу. Она на примере своей жизни показывает, как можно вынужденную рабскую зависимость преобразовать в свободное служение духа. Потому и жизнь она воспринимает как испытание, потому и не жалеет, что не убежала из России.

Почти всегда она с легкостью (эта легкость, разумеется, кажущаяся) преодолевала любые искушения. И все же было несколько случаев, когда она чуть не поддалась соблазну нарушить тот нравственный закон, по которому она жила.

Первый раз — это когда она решила было лишить жизни человека. И пусть этот «человек» — садист, негодяй, на совести у которого множество людских душ: все же убийство для Евфросинии Антоновны — это было бы преступлением против собственной свободы, против той системы ценностей, которая ее и делала свободной. Лيشившись ее, она становилась рабом своих человеческих слабостей, а именно этот тип рабства для нее наихудший.

В другой раз она решила убить себя...

Из книги Е. А. Керсновской:

«Ну — вот и я! — услышала я голос следователя. — Пошли!»

Совершенно машинально я встала и пошла к двери. Я шла шатаюсь; в голове была какая-то неразбериха, и понимала я лишь одно: так

больше нельзя! Я не хочу этого видеть! Довольно! Хватит с меня этого отвращения! Люди, миллионы людей лишены всего. Их не рвут раскаленными клещами кровожадные палачи. Их медленно душат бесцветные, равнодушные, глухие ко всему призраки. Не могу я больше! Довольно! Умереть!!!

Смерть, только смерть может избавить от этого кошмара без конца...

Кругом — да и во мне самой — образовалась какая-то пустота и безразличие. Единственное, что осталось в моем сознании, — это уверенность, что не будет больше тюрем на земле и под землей, не будет необходимости отвечать на вопросы, которые я почему-то мысленно отождествляла со щупальцами спрута, копающегося в моих внутренностях...

Что заставило меня глянуть в окно? Не знаю... Просто, как-то механически я скользнула взглядом и...

Все как-то сразу изменилось... Будто в темноте, с которой глаза уже хорошо освоились, вдруг вспыхнул свет! Окно было открыто настежь. Решеток в нем не было... Из окна не было видно ни зданий, ни забора — ничего, напоминающего тюрьму. Перед окном проходили телеграфные провода и чуть ниже — колебалась ветка тополя, серебристого тополя с еще молодыми, нарядными листочками... Небо голубое, каким оно бывает в начале лета, и по нему плывут белые облака, как паруса, надутые ветром. И — как было всегда и как всегда будет — пара ласточек, чье гнездо, очевидно, было поблизости, занималась своим радостным трудом — суежилась, нося мошек своим птенцам, и лишь изредка усаживалась на провода...

Это и было чудо: красота, настоящая, вечная! И простая.

Было небо. Были облака. Была ветка — зеленая, свежая. Были и ласточки. И все это — будет. Будет!.. А меня?.. не будет?! Нет. Нет. Еще буду!!!»

...Приехав в Москву, я полез в словари и с удивлением узнал, что «Евфросиния» в переводе с греческого означает «радость».

(По очерку В. Вигилянского * «Житие Евфросинии Керсновской»)

* Вигилянский Владимир Николаевич (род. в 1951 г.) — русский публицист и литературный критик; протоиерей Русской Православной Церкви.

1. Какой аспект направления «Путь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

VIII. В сентябре 1876 года я нашел мертвого ястреба недалеко от того места, где раньше была моя хижина. По-видимому, охотник подстрелил хищника, но не смог найти свою добычу. Для меня это была драгоценная находка.

Я понес ястреба домой, любуясь его красотой. Мне захотелось нарисовать его на полотне масляными красками — наша соседка, художница мистрис Макгорн, дала мне несколько уроков по живописи, так что я немного владел этим искусством.

Я сделал чучело и смастерил себе раму с зажимами, которая держала птицу как бы в полете.

Две недели с увлечением писал я портрет ястреба. Выводил каждое пятнышко, каждую полоску, и тот, кто видел натуру, сразу узнал бы ее на полотне.

Эта картина и сейчас передо мной. В свете моих теперешних знаний и художественного опыта я сказал бы, что слишком много уделял тогда внимания деталям, в ущерб характерным линиям и форме. И все же я должен сказать, что это была добросовестно написанная картина, и она дорога мне тем, что была первой на пути моих новых исканий в юношеские годы.

Да, мои домашние были неизменно против моих занятий натуралиста, но любовь к естествознанию разгоралась во мне все с большей и большей силой.

Я полюбил дикую природу с детства, когда мы жили еще в лесной глуши. И теперь в Торонто, эта любовь не погасла, несмотря на скудную природу окрестностей города и препятствия, которые я все больше и больше встречал со стороны отца.

Мне не раз приходилось слышать и читать о юношах, которые мечтали стать художниками, но им приходилось выдерживать упорную борьбу с семьей, особенно с отцом. И только однажды мне пришлось столкнуться с исключением из этого правила — сын не хотел стать художником, но отец заставил его остановить свой выбор на этой профессии.

С детства я мечтал стать естествоиспытателем, но отец заявил мне:

— Это профессия без будущего, без перспектив. У тебя есть дарование художника, и ты станешь художником.

Никто в нашей семье не решился бы возражать отцу, а тем более перечить его воле. Профессия натуралиста стояла у меня на первом месте, профессия художника — на втором. Но мне не пришлось выбирать, отец решил за меня, и я должен был стать художником.

Не могу сказать, чтобы этот выбор был в тягость мне — у меня было художественное дарование, и в школе мои рисунки всегда выделялись среди других.

Осенью 1876 года, когда мне исполнилось шестнадцать лет, я стал серьезно подыскивать себе работу.

Я делал зарисовки зданий, разных предприятий и магазинов. Один или два из этих рисунков у меня приняли для рекламы. Я раскрашивал фотографии, но в этом деле не преуспел.

Я рисовал с натуры зверей и птиц. Рисунки получались довольно интересные, но и только — ничего замечательного в них не было.

(По книге Э. Сетона-Томпсона «Моя жизнь»)*

* *Сетон-Томпсон Эрнест (1860–1946)* — канадский и американский писатель, художник-анималист, естествоиспытатель и общественный деятель британского происхождения.

1. Какой аспект направления «Путь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

IX. В нашем городе было несколько художников-портретистов, хорошо известных местным жителям. Я показывал им свои наброски, они хвалили меня, но никаких предложений мне не делали.

Про одного из этих художников в городе ходила интересная молва. Его отец был инженером-строителем, в семье было заранее решено, что сын пойдет по дороге отца и будет его помощником. Так сначала и было. Но когда юноше исполнилось двадцать лет, он решил попробовать свои силы как художник. Он купил себе ящик с красками. Отец стал позировать для него. Через несколько недель портрет был готов. Сходство получилось безукоризненное. Портрет был великолепен в каждой детали и прекрасен по колориту. Неудивительно, что он вызвал всеобщее восхищение.

Ободренный успехом, юноша решил ехать за границу, чтобы там усовершенствовать свое мастерство. Через год он вернулся в Торонто и открыл студию художника-портретиста. У него была лучшая клиентура города, и ему платили самые высокие цены за картины.

Но, как ни странно, он не нарисовал больше ни одного портрета, который мог бы сравниться с портретом его отца. Он работал много и усидчиво, но редко писал портреты с натуры — почти все его портреты были срисованы с фотографий. Все на одном и том же фоне, в одном и том же освещении, с одной и той же схемой раскраски лица. Главное, к чему он стремился — это заработать побольше денег.

Этот молодой художник был на вершине своей славы, когда я пришел к нему со своими набросками животных и птиц. Он был очень любезен и внимателен ко мне, сказал, что анималистическая тематика очень хорошо удается мне, и предложил поступить к нему в студию в качестве ученика, без заработной платы, сроком на два года. Моя помощь в делах мастерской должна была засчитываться как плата за обучение.

Так начался новый период в моей жизни. Не прошло и трех месяцев, как я постиг все, чему можно было научиться в этой портретной мастерской.

Здесь все делалось по шаблону. Вот, например, человек хочет заказать свой портрет. «Хорошо, — говорят ему, — только пришлите вашу самую лучшую фотографию, на которой вы улыбаетесь. Вместе с фотографией пришлите точное расстояние от уголка вашего глаза до уголка вашего рта».

За два года, которые я провел в этой студии, я не слышал ни одного слова, которое имело бы отношение к настоящему искусству. Мой учитель не был художником в истинном значении этого слова.

(По книге Э. Сетона-Томпсона* «Моя жизнь»)

* *Сетон-Томпсон Эрнест (1860–1946)* — канадский и американский писатель, художник-анималист, естествоиспытатель и общественный деятель британского происхождения.

1. Какой аспект направления «Путь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

Х. Левин ответил не сразу. Он подумал, потом произнес сурово:

— Речь идет, видимо, о том, что я не согласился отдать вам свой госпиталь. Да, я не согласился. Я могу передать вверенный мне госпиталь только человеку, которому я доверяю больше, чем самому себе. Иначе я не согласен. А вам я доверяю меньше, чем себе. Вы значите сами для себя больше, чем дело, чем работа. Разве это не так?

Баркан молчал.

— Это так! — сказал Левин. — Вы привезли с собой сюда ваше самолюбие. Вы не хотите считаться с нашим опытом. А у нас большой опыт. Вы не согласны с этим?

— У меня тоже немалый опыт! — твердо и значительно сказал Баркан. — Я не вчера получил диплом... я...

— Послушайте, — перебил его Левин, — послушайте, доктор Баркан, зачем вы себе выбрали эту вашу специальность? Нет, нет, не надувайтесь сразу, не делайте такой вид, что я вас оскорбил, а просто ответьте — зачем вы пошли в медицинский институт и даже потом защитили диссертацию?

Доктор Баркан засунул указательный палец за воротник кителя и подергал — воротник вдруг впился ему в толстую шею, потом он мед-

ленно поднял ненавидящий взгляд снизу вверх и с бешенством как бы измерил взглядом тонкую сутуловатую фигуру доктора Левина.

— Что вы от меня хотите? — спросил он негромко.

— Чтобы вы ответили, для чего вам понадобилась специальность врача.

— Я отказываюсь отвечать на подобные вопросы! — сказал Баркан.

— Отказываетесь?

— Да, отказываюсь.

— Я так и знал, что вы откажетесь, — сказал Левин, — вы во всем ищите оскорбление. Вы недалекий малый, вот что...

Доктор Баркан стал приподниматься с дивана, но Левин замахал на него рукой, и он, помимо своей воли, вновь сел и даже откинулся на спинку, приняв такую позу, которая означала, что доктор Левин может теперь болтать сколько ему заблагорассудится, — с душевнобольными не спорят. Левин же, будто и не замечая этого движения Баркана и всей его позы, стал расхаживать по ординаторской и не столько говорить с Барканом или говорить Баркану, сколько рассуждать сам с собою или делиться с Барканом своими мыслями, причем с такой интонацией, что Баркан никак не мог больше обижаться, потому что Левин как бы даже советовался с ним.

— Послушайте, — говорил он, — сегодня я случайно узнал, что вы сын врача. Э, дорогой Баркан, вы сейчас меня ненавидите, а я во все не заслуживаю этого — даю вам слово честного человека, я беседую с вами по-товарищески, я только хочу сказать вам, что вы неправильно ведете себя и не понимаете чего-то самого главного. Ваш отец, допустим, жил и работал в прекрасном городе Курске. И он знал: сын вернется врачом, фамилия та же, вывеска почти не изменится, пациенты будут с теми же фамилиями. Купец Ноздрев любит, чтобы доктор сначала перекрестился на иконы, а потом подошел к больному, вы будете знать эти штуки, ваш папенька крестился, и вы перекреститесь, так? Ничего, что ваш папенька и вы сами нисколько не верите в Бога, вы ведь постоянный врач, так? Подождите, не перебивайте! И вот ваш папенька, почтенный доктор из Курска, советует сыну: иди на медицинский. Иди перемучайся четыре года, я посадил садик, ты будешь собирать с него плоды, так? Ты войдешь в дело. Был такой разговор? А? Я вижу по вашему лицу, что был. Но только

ваш папа запоздал, и вы этого не заметили и погубили, к черту, свою жизнь.

(По роману Ю. Германа* «Подполковник медицинской службы»)

* Герман Юрий Павлович (1910–1967) — русский советский писатель, драматург, киносценарист.

1. Какой аспект направления «Путь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XI. Волков вспомнил Володю Гречинского. Володю Гречинского, великолепного циркового эквилибриста. Артиста экстра-класса. В войну Володя был «сорокапятчиком». Там некогда было устанавливать прицел своей тоненькой противотанковой пушки. Он бил по танкам прямой наводкой. В бою ему оторвало левую руку. Это был его последний бой.

Спустя тринадцать лет, в Варшаве, Володя Гречинский стал лауреатом всемирного конкурса артистов цирка. Никто из зрителей и жюри не знал, что у него нет руки. Он сконструировал себе движущийся протез, и никому не могло прийти в голову, что у этого русского вместо левой руки культя восемь сантиметров длиной. Он только цветы не мог принять от председателя жюри. Правая рука была занята дипломом и коробочкой с медалью. А цветы принять было уже нечем.

Говорят, потом этот председатель жюри плакал...

Теперь Володя — заслуженный артист республики. Теперь-то все хорошо. Вот только по ночам у него правая рука отнимается — устала. Но об этом тоже почти никто не знает. А Волков знает. Гречинский многое рассказывал Волкову. Может быть, только ему и рассказывал. Их всегда тянуло друг к другу.

Как только они попадали в один цирк, в одну программу, они вместе размещались в одной гардеробной, и вскоре гардеробная на-

чинала походить на маленькую слесарную мастерскую, куда совершенно случайно попали спиннинги, блеклые костюмы, грим, обрывки афиш и рекламные пепельницы фирмы «Кока Кола».

Гречинский сам конструировал цирковую аппаратуру, и Волков любил вечерами, после представления, сидеть и смотреть, как, привалившись худеньким левым плечом с нежной культей к тискам, Володя держал в красивой и мощной правой руке напильник, с поразительным упорством вытачивая какую-нибудь замысловатую деталь или невиданную блесну. Иногда Володя садился за лист миллиметровки, брал карандаш и набрасывал эскизы аппарата, чертежи узлов. Потом откладывал карандаш и начинал щелкать логарифмической линейкой. Он рассчитывал запасы прочности, максимальные натяжения, минимальные отклонения, динамические рывки, прогибы и скручивания — все, без чего нельзя построить даже самый простой цирковой аппарат. К нему бегали за каждой мелочью: поговорить о новом трюке, зачалить трос, починить транзистор. Просто поболтать.

Но бывали вечера, когда никто не приходил в их гардеробную, когда Володе не хотелось ничего сверлить или вытачивать. И тогда Волков отправлялся в цирковой буфет, приносил бутылку вина, стаканы, и они засиживались в цирке далеко за полночь.

Волков обычно устраивался на реквизитном ящике, а Володя на стуле. Он снимал со стены трубу, облизывал медный мундштук и, скосив глаза на Волкова, играл ему арии из оперетты «Роз Мари». Негромкий чистый звук трубы плыл по уснувшему цирку, и Волков каждый раз пытался представить, как ведут себя звери, слушая Володину трубу. Наверное, лошади нервно переступают тонкими передними ногами, а дремлющие тигры осторожно открывают глаза...

(По повести В. Кунина «Ты мне только пиши...»)*

* *Кунин Владимир Владимирович (1927–2011) — российский писатель, драматург, сценарист.*

1. Какой аспект направления «Путь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

ХИ. О фронте Гречинский никогда не говорил. Даже когда в цирке среди «старичков» вдруг заходил разговор о войне и кто-нибудь вспоминал, что в сорок четвертом он был там-то, на таком-то направлении, в такой-то армии, Володя молчал.

Только однажды Волков услышал от Володи о том, что он воевал подо Ржевом. Это было так: Волков случайно встретил Гречинского в Москве. Володя был в отпуске, Волков проездом. Они обрадовались друг другу, закатились в «Националь», поужинали, и Гречинский уговорил Волкова поехать к нему ночевать. Когда они вышли из ресторана, было уже половина второго. Они добрались пешком до Пушкинской площади и целый час простояли в очереди на такси. В последний момент, когда Гречинский и Волков уже садились в машину, к началу очереди подошел какой-то пьяный на протезе. Он вломился на переднее сиденье и потребовал, чтобы его везли к «Соколу». Гречинский жил у «Сокола», и поэтому с пьяным никто не стал спорить.

Машина тронулась. Пьяный сразу же повернулся к Волкову и Гречинскому и стал осыпать их отборной руганью. Он кричал, что потерял ногу вот за таких стилиг и пижонов, что он, если захочет, выбросит их из такси и ему за это ничего не будет, потому что он кровь проливал в то время, когда они где-то отсиживались. Он кричал, что на все имеет право — он воевал вот этими руками. Москву спасал...

— Заткнись, — сказал ему Волков.

И тогда пьяный стал уже совсем отвратительно грязно ругать Волкова и Гречинского. Молоденький шофер такси пугливо посматривал на инвалида.

— Остановите машину, — не выдержал Волков.

— Дима, выкини его к чертовой матери, — спокойно сказал Гречинский.

Шофер притормозил.

— Вы что, с ума сошли?! — закричал пьяный. — Я же на протезе! Куда я пойду? Не трогайте меня!..

Волкова трясло от омерзения и злости. Он вышел из машины и рывком открыл переднюю дверцу.

— Вылезай, — хрипло сказал Волков.

— Да что вы, ребята!.. Ну нажрался я... Нажрался! Что, думаешь, с радости? — И пьяный заплакал.

Волков захлопнул дверцу, сел рядом с Гречинским и сказал пьяному:

— Еще одно слово — и вылетишь. Понял?

Пьяный промолчал.

— Поехали, — сказал Волков.

Как только машина тронулась, пьяный нагло расхохотался.

— Что, съели?! Кто меня тронет, тот два часа не проживет!.. Я ногу потерял, я за Россию кровь пролил, а ты, ты что видел?! — И он повернулся к Гречинскому.

Володя рванулся к пьяному, сгрел его за воротник и бешено крикнул ему в лицо:

— Заткнись, сволочь! Ты один всю Россию спас?! Кроме тебя, никого там не было?! Двадцати миллионов мертвых не было? Гад!!!

— Попался бы ты мне подо Ржевом, — плаксиво сказал пьяный.

— Подо Ржевом я бы с тобой вообще не разговаривал, — сказал Гречинский. — Да и ты бы там помалкивал...

Уже потом, дома, под утро, Володя посмотрел на Волкова красными от бессонницы глазами и сказал:

— Димка, а я ведь руку-то потерял подо Ржевом...

*(По повести В. Кунина**

«Ты мне только пиши...»)

* *Ку́нин Владимир Владимирович (1927–2011) — российский писатель, драматург, сценарист.*

1. Какой аспект направления «Путь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

ХIII. Общежитие для студента — это его дом; тот, кто живет с ним в одной комнате, — это его семья. В общежитии на Смоленском бульваре, в комнате на пятом этаже серого большого дома, нас жило

четверо: два медика (один из них, Иван Иванович Морозов, шлёт мне приветы до сих пор), один филолог из Сибири и один биолог, то есть я. С первого же года в университете я понял, как велики пробелы в моём образовании, как много надо узнать. Поэтому часы в общежитии, каждый вечер, независимо от того, какова бы в нем ни была обстановка, превратились для меня во второй университет. Моё поведение сначала раздражало товарищей по общежитию, потом к нему привыкли, затем даже ставили в пример.

Придя из университета, я раздевался и начинал работать — читать и писать до глубокой ночи, и так каждый день, не отвлекаясь и не прерываясь на отдых. Вначале это была необходимость, потом стало потребностью на всю жизнь. Два рабочих дня: один — в институте, затем, если институт отпускал меня рано, второй — дома. Эта работа наедине, уходящая в ночь, особенно значительна. Второй рабочий день копит и растит самые заветные мысли учёного. В критическое время, когда вопрос, который надо решить, не даёт покоя, тревожит, мучает, жжёт мозг — день и ночь сливаются, и время творчества становится непрерывным. В кажущемся сне приходят мысли, день их продолжает, и всё слитое вместе увлечено решением стоящей перед тобою задачи.

Занятые уже в годы своей учёбы научной работой под руководством С. С. Четверикова и А. С. Серебровского, студенты нашей группы были хорошо подготовлены. Я же, к моему сожалению, имел недостатки в образовании. Так, уже в самом начале научных занятий мне пришлось столкнуться с необходимостью читать литературу на английском языке. Однако я не только не мог читать по-английски, но даже не знал как следует латинского алфавита. Неделями, стиснув зубы, сидел со словарём над каждой научной заметкой. Как ни трудно было, но я поставил перед собой цель во что бы ни стало овладеть английским языком, чтобы самому из первоисточников знать всё, что делается в изучаемой науке за рубежом. И добился своего, потому что для учёного это необходимо.

(По книге Н. Дубинина «Вечное движение»)*

* Дубинин Николай Петрович (1907–1998) — советский ученый-генетик, академик Академии Наук СССР. Герой Социалистического Труда (1990).

1. Какой аспект направления «Путь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XIV. За время студенческих лет я и мои товарищи не видели Николая Ивановича Вавилова. Однако его авторитет учёного был так велик, что все мы, студенты-генетики, шли за ним как за любимым учителем.

Н. И. Вавилов поражал свойственной ему титанической деятельностью. Это был человек кипучей энергии. Он объездил континенты в поисках разновидностей культурных растений и центров их происхождения, чтобы насытить ими развивающееся сельское хозяйство России. Ему принадлежали замечательные научные открытия. Будучи студентами, мы изучали его закон гомологической изменчивости и центры происхождения культурных растений. Вавилов создал Всесоюзный институт растениеводства и длительное время, начиная с 1924 года, был его директором.

В 1933 году Н. И. Вавилов организовал Институт генетики Академии наук СССР. Он был создателем и первым президентом Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук. Мы с восторгом следили за его работой на этом посту, эхо которой отдавалось по всей стране. Газеты сообщали о возвращении Н. И. Вавилова из далёких путешествий, печатали корреспонденции о его поездках на опытные станции, помещали его статьи и интервью с ним. Было очевидно, что Н. И. Вавилов — это первая звезда советской генетики. Его деятельность приковывала к себе внимание учёных всего мира.

Так не видевший нас и не подозревавший о нашем существовании Николай Иванович Вавилов своей борьбой, образом, деятельностью вложил в наши юные души самое ценное, что может дать учитель, — понимание всего значения того дела, которому ты посвящаешь жизнь, и связь этого дела с борьбой за настоящее и будущее человечества.

Впервые я увидел Н. И. Вавилова после окончания университета, в 1929 году, на I Всесоюзном съезде генетиков. В то время ему было 42 года.

В последующие годы много раз и в счастливой и в трудной обстановке я говорил с Вавиловым и видел перед собою необыкновенного, выдающегося человека с истинно русским характером доброты, размаха и величия.

(По книге Н. Дубинина «Вечное движение»)*

* Дубинин Николай Петрович (1907–1998) — советский ученый-генетик, академик Академии Наук СССР. Герой Социалистического Труда (1990).

1. Какой аспект направления «Путь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XV. Знатный венецианец Марко Поло, не оцененный в полной мере при жизни, получил позднее прозвище «Геродот Средневековья». Современники же называли его «Миллионом», намекая на бесконечные, по их мнению, преувеличения в описаниях восточных земель.

Марко Поло в своих путешествиях преследовал чисто торговые цели, как и его отец Никколо и дядя Маттео.

Никколо и Маттео Поло уже побывали в Азии. Богатства Китая поразили воображение братьев, и летом 1271 года они вновь отправились ко двору великого хана. На этот раз Никколо взял с собою Марко.

Это путешествие растянулось на двадцать четыре года, из них около двадцати лет семейство Поло жило в Китае и находилось на службе у великого хана. В 1275–1279 годах, когда хан завоевывал остававшиеся еще независимыми области Китая, Марко сконструировал

несколько метательных и осадных машин и преподал монголам основы осадного искусства, хорошо знакомого венецианцам. Благодаря этому он снискал особое расположение хана и в течение многих последующих лет пользовался неограниченной свободой, разъезжая по стране и изучая ее.

Смерть хана освободила венецианцев от обязательства вернуться к нему, и в следующем, 1295 году они прибыли домой через Трапезунд и Константинополь.

В 1298 году между Венецией и Генуей вспыхнула война, и Марко попал в плен во время морского сражения, где, по словам современников, он отличился незаурядной храбростью и военным мастерством. Томясь от бездействия в генуэзской темнице, он продиктовал свои воспоминания другому пленнику. Это сочинение, названное «Книгой о разнообразии мира», было продиктовано за очень короткое время, ибо Марко был отпущен на свободу через девять месяцев, но в течение веков служило авторитетнейшим источником для картографов, географов, этнографов и путешественников.

Значение книги невозможно переоценить. Описание персидских пустынь, монгольских степей и рек соседствует в ней с живыми и точными зарисовками обычаев и обрядов Тибета и Бирмы, Лаоса и Вьетнама, Японии и Индии. Из нее европейцы впервые узнали о жемчужине южных морей Яве, о людоедах Суматры, о голых дикарях Никобарских и Андаманских островов, о могиле Адама на Цейлоне и о птице Рухх (эпиорнисе), водящейся на Мадагаскаре. Впервые после Геродота Марко Поло указал на возможность обогнуть Африканский континент. То, чему Марко был очевидцем, он воспроизводит с документальной точностью; сведения об Африке или Мадагаскаре, основанные на слухах и устных рассказах, менее достоверны, хотя в общем достаточно критичны и правдивы. Это не осталось незамеченным и современниками.

Умер Марко 8 января 1324 года в возрасте семидесяти лет, всеми осмеянный и презираемый. Даже немногие оставшиеся у него друзья слезно молили умирающего путешественника отречься хотя бы от самых лживых, по их убеждению, страниц его книги. И еще много лет спустя после его смерти на венецианских карнавалах наряду с масками Арлекино и Пьеро забавляла зрителей маска Поло, изрекавшая самые невероятные небылицы.

Первыми его заслуги и его правдивость признали испанцы, составившие в 1375 году в Каталонии карту Востока по книге Марко. В 1459 году его сведениями воспользовался венецианец Фра-Мауро при работе над круговой картой мира. А чуть позднее книга Марко Поло стала настольной для некоего генуэзца по имени Кристобаль Колумбо.

*(По книге А. Б. Снисаренко * «Рыцари удачи»)*

* Снисаренко Александр Борисович (1940–1999) — писатель, историк, автор научно-популярных книг.

1. Какой аспект направления «Путь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XVI. Есть люди, которых, делая уступку пафосу, принято называть совестью нации. Один из них — доктор Рошаль.

Леонид Рошаль — всемирно известный детский хирург. Для большинства людей в России и за ее пределами он существует как бы вне должностей и званий. Просто доктор Рошаль — и все. Директор Московского НИИ неотложной детской хирургии и травматологии, президент Международного благотворительного общественного фонда помощи детям при катастрофах и войнах, профессор, лауреат различных премий — все это лишь приложение к имени. Приложение в общем-то необязательное. Потому что имя — самодостаточное.

Более двадцати лет он летает по планете, спеша туда, где воспаляются два хронических, неизлечимых «заболевания» человечества — война и катастрофа. Доктор Рошаль оказывал помощь раненым детям на Ближнем Востоке, в Югославии, в Чечне, Румынии, Абхазии, Нагорном Карабахе... Спасал пострадавших от землетрясений детей в Армении, Индии, Японии, Египте, Турции, Афганистане... В 2003 го-

ду стал одним из создателей, а затем и сопредседателем общественно-го движения «Врачи против терроризма». Первой акцией этой организации стало обращение к американским властям с просьбой обеспечить «зеленый коридор» для эвакуации из Ирака искалеченных бомбами и пулями ребят. «За активную гражданскую позицию, проявленную при спасении и защите детей в период межнациональных конфликтов, терактов и военных действий» ему присудили международную премию «Голубь мира».

Всемирно известный доктор удивительно скромен. Он говорит: «Моя некоторая, скажем так, известность меня отчасти тяготит. Это я без кокетства говорю. Я иногда отказываюсь от публичных выступлений, интервью телеканалам. Потому что не хочу мелькать. Я выступаю только в тех случаях, когда мне есть что сказать, когда я знаю проблему, имею свой взгляд на нее. А вот что он думает об успехе, о счастье: «Успешный человек — это кто? Бизнесмен, зарабатывающий много денег, — успешный человек? В своем деле, наверное, да. Счастлив ли он? Не знаю. Между успехом и счастьем большая разница. Среди окружающих меня богатых людей очень мало счастливых».

(По книге В. Выжutowича «Цена успеха»)*

* *Выжutowич Валерий Викторович (род. в 1951 г.) — журналист, писатель, политический обозреватель «Российской газеты».*

1. Какой аспект направления «Путь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XVII. Владимир Спиваков. Дирижерская палочка и скрипка символизируют его имя. Меценаты предоставили ему в пожизненное пользование скрипку Страдивари. Леонард Бернстайн подарил ему свою дирижерскую палочку.

Наверно, это счастливый человек. У него есть все: мировая известность, бессчетное количество званий, наград, материальная независимость, прекрасная семья.

Кроме сольных выступлений, у выдающегося музыканта четыре вектора деятельности: два оркестра («Виртуозы Москвы» и Национальный филармонический оркестр России), Московский международный Дом музыки (Спиваков является его президентом) и Международный благотворительный фонд. Вот что говорит об этом фонде сам маэстро:

«Это детский фонд. Он требует постоянной заботы и постоянных дотаций. Фонд, который ничего не зарабатывает, только дает. Когда распался Советский Союз, я понял, что страдать от этого будут самые уязвимые представители общества — старики и дети. И я решил попытаться помочь хотя бы детям, имея в виду не только помощь материального и медицинского характера, но и задачу сохранения культурного пространства. Сейчас практически в каждой стране есть отделения моего фонда. И куда бы я ни приезжал, везде хорошо одетые детишки приходят на концерты, нередко садятся на сцену, иногда заглядывают на пресс-конференцию. Я спрашиваю: «Вы откуда?» Они отвечают: «Мы из вашего фонда». Я не любитель цифр, но около восьми тысяч детей к 2008 году получили безвозмездную помощь. Число спасенных детских жизней — семнадцать-восемнадцать. Это дает мне ощущение внутренней гармонии. Я в ладу с самим собой. Ничто не делает меня более счастливым, чем улыбки детей. Когда я смотрю на лица детей, играющих на музыкальных инструментах, я вижу, что это не лица — это лики».

(По книге В. Выжutowича «Цена успеха»)*

* *Выжutowич Валерий Викторович (род. в 1951 г.) — журналист, писатель, политический обозреватель «Российской газеты».*

1. Какой аспект направления «Путь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XVIII. В наши дни нельзя быть энциклопедистом. Но я готов плакать, когда думаю о том, чего я не знаю.

По образованию я историк. В университете работал специально над Ливием, над русскими начальными летописями, частью над эпохой царя Алексея Михайловича. Еще занимался я в университете историей философии, специально изучал Спинозу, Лейбница и Канта.

Сейчас я чувствую себя сведущим, как никто, в поэзии. Прекрасно знаю историю русской поэзии, особенно восемнадцатый век, эпоху Пушкина и современность. Я специалист по биографии Пушкина и Тютчева и никому не уступлю в этой области. Я хорошо знаю также историю французской поэзии, особенно эпоху романтизма и движение символическое. Осведомлен во всеобщей истории литературы.

Последнее время исключительно занимаюсь древним Римом и римской литературой, специально изучал Вергилия и его время и всю эпоху IV века. Во всех этих областях я специалист, по каждой из них прочел целую библиотеку.

В разные периоды жизни я занимался еще (более или менее усердно) Шекспиром, Байроном, Баратынским, Данте, которого мечтаю перевести, новыми итальянскими поэтами... Я довольно хорошо знаю французский и латинский языки, сносно итальянский. Плоховато немецкий. Учился английскому и шведскому, заглядывал в грамматики арабского и санскрита... В ранней юности я мечтал быть математиком, много читал по астрономии, несколько раз принимался за изучение аналитической геометрии, дифференциального и интегрального исчисления, теории чисел, теории вероятностей... Путешествуя по Западной Европе, посещал музеи, кое-что узнал из истории живописи.

Но Боже мой! Боже мой! Как жалок этот горделивый перечень сравнительно с тем, чего я не знаю. Весь мир политических наук, все очарование наук естественных, физики и химии с их новыми поразительными горизонтами, изучение жизни на земле, зоология, ботаника, соблазны прикладной механики, тайны сравнительного языкознания, к которому я едва прикоснулся, истинное знание истории искусства, целые миры, о которых я едва слышан, — Древний Египет, Индия, мифическая Атлантида, затем медицина, познание самого себя и умозрения новых философов... Боже мой! Боже мой! Если бы мне иметь сто жизней, они не насытили бы всей жажды познания, которая сжигает меня.

(По книге В. Брюсова «Сила русского глагола»)*

* *Брюсов Валерий Яковлевич (1873–1924)* — русский поэт, прозаик, драматург, переводчик, литературовед, литературный критик и историк. Один из основоположников русского символизма.

1. Какой аспект направления «Путь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

ХІХ. Я стою у подъезда, прислоняясь плечом к стене, нога за ногу, руки в карманах. Жёсткие волосы спадают на глаза, но я не обращаю на них внимания, вернее, мне кажется, что это хорошо, когда волосы спадают на глаза, красиво. На мне джинсы, сизые, истёртые почти добела на коленках, как надо, и спущенные на низ живота. Хорошие джинсы, фирменные. И куртка на мне тоже джинсовая, коротенькая куртка, помятая, с искусными заплатами на локтях. Из правого верхнего кармашка виднеется коробочка сигарет «Мальборо». Правда, коробочка пустая, а когда у меня просят сигарету, я отвечаю: «Только что кончились» — и показываю пустую коробочку.

Я стою неподвижно, и только челюсти работают, гоняют вязкий резиновый шарик от щеки к щеке. Жевательная резинка давно утратила приятный, охлаждающий вкус, и её в самый раз выплюнуть. Но я упорно жую, убеждаю себя, что это очень приятно.

Я стою напротив школы и жду девушку. И чтобы скоротать время, смотрю на себя со стороны, как бы разглядываю в воображаемое зеркало. Мне кажется, что у меня вид современный и мужественный. Я плюю на то, на что полагается плевать настоящему современному парню, и не развожу сантиментов.

Нога за ногу. Руки в карманах. Справа на груди красная крышечка «Мальборо». Все о'кей!

Я доволен собой, и мне хочется улыбнуться. Но я сдерживаюсь: у меня некрасивые зубы — редкие и неровные, и один передний зуб

выступает вперёд, не держит равнения. Кроме того, когда я улыбаюсь, мои глаза превращаются в щёлки, нос морщится, подбородок отходит назад.

Я устаю стоять на одной ноге, плечо затекло. Но я держусь. Мимо идут люди. Мне очень хочется, чтобы они обращали на меня внимание, чтобы я им нравился, чтобы они про себя думали: «Какой парень!»

Но люди проходят мимо меня, как мимо манекена. Я почему-то не привлекаю их внимания.

На меня не обращают внимания потому, что я не знаменит: мои портреты не помещают в газетах, меня не показывают по телевидению. Слава всегда приходит к человеку поздно, иногда даже после смерти. А кому нужна эта слава поздно! После смерти она и подавно не нужна.

Я представляю себя футбольным вратарём. И вот наступает момент, короткое мгновение, когда между мной и мячом нет ни одной ноги, ни одной бутсы. И я должен прикрыть ворота собственной грудью. Тупая чугунная бутса ударяет по мячу, я отчаянно прыгаю, сам себя выстреливаю навстречу мячу. Я ловлю его цепкими руками и прижимаю к груди. Стадион облегченно вздыхает, раздаются крики и хлопки. А я всё ещё держу мяч, словно он может вырваться. Нет, я держу в своих руках не мяч, а земной шар, и он в это мгновение принадлежит мне...

Наконец я не выдерживаю и выплёвываю резинку. В детстве я жевал глину, а иногда даже глотал её. И глина, и резинка — одинаково противные вещи. Я выплёвываю резинку, небрежно поправляю рукой волосы и меняю позу — нет больше сил стоять на одной ноге. Я прислоняюсь лопатками к двери, а руки скрещиваю на груди.

Для того чтобы прославиться, совсем не обязательно быть футболистом. Можно, например, петь в джазе, петь во Дворце спорта, где все места заняты... даже стоят в проходах. А я пою, и от этого моего пения у людей замирают сердца. Я делаю несколько шагов вперед. Все прожектора направляют лучи на меня. Я пою... Я набираю побольше воздуха и тяну последнюю ноту, а потом обрываю. Зал гремит! Я отвожу руки назад и замираю в глубоком поклоне. А у выхода — у служебного выхода — меня ждут девушки с цветами, с моими же фотографиями.

«Что, если на самом деле попробовать запеть? — думаю я и перехожу на другой край подъезда, другим плечом прислоняюсь к стене и другую ногу закладываю за ногу. — Надо будет попробовать...»

А если не играть в футбол и не петь, а идти на полюс на лыжах, с настоящими ребятами, идти, рискуя провалиться в Ледовитый океан, рискуя обморозиться, заболеть цингой? А может быть, улететь на год в космос?..

Что можно ещё сделать такое, чтобы люди не проходили мимо меня с таким вызывающим равнодушием? Чтобы хотя бы кто-нибудь заметил меня!

Я задумываюсь, я хочу для самого себя решить, почему мне так необходимо стать узнаваемым человеком.

(По повести Ю. Яковлева «Автопортрет»)*

* Яковлев Юрий Яковлевич (1922–1995) — советский писатель и сценарист, автор книг для подростков и юношества.

1. Какой аспект направления «Путь» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

«Год литературы» — направление, с одной стороны, связано с проводимым в 2015 году в России чествованием литературы как величайшего культурного феномена, с другой — обращено к читателю, проживающему очередной год своей жизни с книгой в руках. Широта данной тематики требует от выпускника наличия определенного читательского кругозора и умения рассуждать о большой литературе». (Из комментариев ФИПИ)

В данном разделе помещены тексты, в которых рассматриваются такие аспекты, как взаимосвязь жизни и литературы, роль книги в жизни человека, формирование читательских интересов человека. В этих текстах авторы размышляют о том, насколько необходим такой социальный институт, как публичные библиотеки, какими должны быть книги для детей и подростков, кому мы бываем обязаны своей любовью к литературе и т. п.

I. Когда мы читаем наших любимых писателей, нас охватывает все сильнее ощущение красоты и сложности человеческой души. Как духовно высок Андрей Болконский! Как загадочен Печорин! Как душевно богата Наташа Ростова! Как глубок Гамлет! Какой таинственный мир у героев Достоевского! Как трогательна чеховская дама с собачкой! Как сложен Жюльен Сорель, герой романа Стендаля «Красное и черное».

Но — странное дело! — это ощущение красоты и сложности человека часто оставляет нас в повседневной обыденной жизни. Мы будто бы возвращаем его на книжную полку вместе с любимым томом! Но если великие книги не научили нас видеть в самой жизни загадочность, обаяние и духовное богатство человека, это означает, что наша душа отдыхала, а не трудилась, когда мы читали. А душа, как писал поэт Николай Заболоцкий, «обязана трудиться и день и ночь, и день и ночь». Без труда души часы над книгой не оставят заметного отпечатка на нашем отношении к жизни, и мы не будем достойны тех мыслей и чувств, которые волновали наших любимых писателей.

А труд души заключается в том, чтобы, читая, открывать и в себе самом и в окружающих людях что-то новое. Писатель не выдумывает, он лишь обобщает и укрупняет. Но то, о чем он рассказывает, существует в самой жизни. И пишет он ради того; чтобы ты это увидел. И, увидев, стал человечнее относиться к самому «обыкновенному» человеку: в семье, школе, на улице. Он пишет ради того, чтобы ты понял бесконечную ценность любой человеческой личности. Были и будут миллионы людей, но никогда не повторится *этот* человек, и он никогда не повторяет. Ощущение этого, единственного в мироздании, человека и хочет вызвать у нас великая литература и великое искусство. Ни на кого в мире не похож Андрей Болконский, ни на кого в мире не похож тот, кого касаемся локтем в метро, порой не замечая его лица. Подними голову, чтобы понять: он не меньшая загадка, чем Гамлет.

Возможно, кто-либо мне возразит: неужели надо идти от литературы к действительности? Я отвечаю на это: в основе великих явлений искусства лежат те же самые ценности, что и в основе самой жизни. И бывает, что человек не любит живописи или равнодушен к серьезной музыке, но сама жизнь открывает ему нечто замечательное. Например, он сталкивается с огромной добротой и самоотверженностью, которые касаются лично его, и после этого с души его будто бы стает снег: она начинает видеть, чувствовать, понимать многое, в том числе живопись и серьезную музыку.

Люди единственны и неповторимы; неповторимы, единственны и пути их к пониманию высших ценностей, смысла жизни. Идем мы от литературы к действительности или от действительности к искусству, мы, в сущности, осиливаем одну и ту же дорогу: к человеку. Нет более важной дороги, и нет более увлекательного путешествия.

(По эссе Е. Богата* «Моралитэ»)

* *Богат Евгений Михайлович (1923–1985)* — советский журналист, писатель.

1. Какой аспект направления «Год литературы» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

II. Паустовский писал рассказ «Ночной дилижанс» в тусклые зимние дни, в небольшом старом доме на берегу северного моря. Сейчас там построили двенадцатизэтажный комфортабельный отель, и рядом с ним почти не виден закрытый от мира соснами дом, где вечерами уставший писатель беседовал с Андерсеном о путешествиях и любви.

Порой он гасил лампу, показывал герою своего рассказа Андерсену черные вершины балтийских сосен, и они подолгу молчали. И молчать с Андерсеном, этим воображаемым собеседником, было легко.

А ночью он опять писал: «В доме пусто, я один, рядом море на сотни миль, за дюнами обширные болота и низкие леса. Никого нет около...»

И через строку: «Я не один».

В этом «Я один» — «Я не один» тайна писательства, могущество воображения. Стоит захотеть, и к тебе войдет Пушкин. Или Стендаль возьмет тебя за руку и поведет по Парижу. Или ты ощутишь желание выйти в ночь не навстречу соснам и дюнам, а навстречу тысячам людей, которые в больших и малых городах именно в этот полуночный час ждут от тебя какой-то необыкновенной истории. Они ждут от тебя истории, одновременно и печальной и веселой, которая откроет им с новой силой, что в жизни есть нечто совершенно бесценное. И будут они весь день потом работать и жить с особым состоянием души, с тем состоянием, из которого рождаются и книги, и добрые дела, и любовь, и все хорошее в мире.

В этом состоянии люди великодушны. Потому что самая большая ценность воображения в том, что оно помогает нам понять, ощутить чужую боль как собственную и никогда не вызывать ее. Для человека с воображением нет чужой боли.

(По эссе Е. Богата «Ночной дилижанс»)*

* *Богат Евгений Михайлович (1923–1985)* — советский журналист, писатель.

1. Какой аспект направления «Год литературы» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.

3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

III.

Баллада о борьбе

Средь оплывших свечей и вечерних молитв,
Средь военных трофеев и мирных костров
Жили книжные дети, не знавшие битв,
Изнывая от мелких своих катастроф.
Детям вечно досаден их возраст и быт,
И дрались мы до ссадин, до смертных обид,
Но одежды латали нам матери в срок,
Мы же книги глотали, пьянея от строк.
Липли волосы нам на вспотевшие лбы.
И сосало под ложечкой сладко от фраз,
И кружил наши головы запах борьбы,
Со страниц пожелтевших стекая на нас.
И пытались постичь мы, не знавшие войн,
За воинственный клич принимавшие вой,
Тайну слова «приказ», назначение границ.
Смысл атаки и лязг боевых колесниц.
А в кипящих кострах прежних воен и смут
Сколько пищи для маленьких наших мозгов.
Мы на роли предателей, трусов, иуд
В детских играх своих назначали врагов.
И злодея следам не давали остыть,
И прекраснейших дам обещали любить,
И, друзей успокоив и ближних любя,
Мы на роли героев вводили себя.
Только в грезы нельзя насовсем убежать,
Краткий миг у забав, столько боли вокруг,
Попытайся ладони у мертвых разжать
И оружие принять из натруженных рук.
Испытай, завладев еще теплым мечом
И доспехи надев, что почем, что почем,
Разберись, кто ты — трус или странник судьбы,
И попробуй на вкус настоящей борьбы.

И когда умирает израненный друг,
И над первой потерей ты взвоешь, скорбя,
И когда ты без кожи останешься вдруг
Оттого, что убили его, не тебя,
Ты поймешь, что узнал, отличил, отыскал
По оскалу забрал, это смерти оскал.
Ложь и зло, погляди, как их лица грубы,
И всегда позади воронье и гробы.
Если, путь прорубая отцовским мечом,
Ты соленые слезы на ус намотал,
Если в жарком бою испытал что почем, —
Значит, нужные книги ты в детстве читал.
Если мясо с ножа ты не ел ни куска,
Если руки сложа, наблюдал свысока,
И в борьбу не вступил с подлецом, с палачом, —
Значит, в жизни ты был ни при чем, ни при чем.

(В. Высоцкий*)

* *Высоцкий Владимир Семенович (1938–1980)* — русский поэт, актёр и автор-исполнитель песен, автор прозаических произведений.

1. Какой аспект направления «Год литературы» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

IV. Трудно назвать время, когда книга играла бы такую роль, как в конце XVIII — начале XIX века. Ворвавшись в жизнь ребенка в 1780-х годах, книга стала к началу следующего столетия обязательным спутником детства. У ребенка были очень интересные книги, — конечно, прежде всего романы: ведь дети читали то, что читали женщины. Женская библиотека, женский книжный шкаф формировали круг чтения и вкусы ребенка. Романы кружили голову: в них — ге-

роические рыцари, которые спасают красавиц, служат добродетели и никогда не склоняются перед злом. Книжные впечатления очень легко соединялись со сказкой, которую ребенок слышал от няни. Роман и сказка не противоречили друг другу.

В эту же пору входит в детское чтение и другая книга — «Плутарх для детей». Плутарх — известный античный прозаик, автор «Сравнительных жизнеописаний» великих людей Древней Греции и Рима. Самым обаятельным в глазах детей и подростков становится образ римского республиканца.

В этом отношении показателен эпизод из биографии известного декабриста Никиты Муравьева. Время действия — начало XIX века. Герою рассказа — шесть лет.

Маленький Никитушка, будущий декабрист, на детском вечере стоит и не танцует, и, когда мать спрашивает у него о причине, мальчик осведомляется (по-французски): «Матушка, разве Аристид и Катон танцевали?» Мать на это ему отвечает, также по-французски: «Надо полагать, что танцевали, будучи в твоём возрасте». И только после этого Никитушка идет танцевать. Он еще не научился многому, но он уже знает, что будет героем, как древний римлянин.

(По книге Ю. Лотмана «Беседы о русской культуре»)*

* Лотман Юрий Михайлович (1922–1993) — советский литературовед, культуролог.

1. Какой аспект направления «Год литературы» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

V. В снах, как принято думать, нет никакой логики; но, как мне кажется, это ошибочно, — логика должна быть, но только мы ее не знаем. Может быть, это логика какого-нибудь иного, высшего порядка.

Сны не только существуют, но и сильно действуют на нашу душу. Область нашей воли здесь кончается, и мы смутно предчувствуем границы какого-то иного, неведомого нам мира.

На меня, например, самое сильное впечатление производят сны, в которых поднимается далекое детство, и в неясном тумане встают уже сейчас несуществующие лица, тем более дорогие, как все безвозвратно утраченное. Я долго не могу проснуться от такого сна и долго вижу живыми тех, кто давно уже в могиле. И какие всё милые, дорогие лица! Кажется, чего бы не дал, чтобы хоть издали взглянуть на них, услышать знакомый голос, пожать их руки и еще раз вернуться к далекому-далекому прошлому. Мне начинает казаться, что эти молчаливые тени чего-то требуют от меня. Ведь я столько обязан этим бесконечно дорогим для меня людям...

Но в радужной перспективе детских воспоминаний живыми являются не одни люди, а и те неодушевленные предметы, которые так или иначе были связаны с маленькой жизнью начинающего маленького человека. И сейчас я думаю о них, как о живых существах, снова переживая впечатления и ощущения далекого детства. В этих немых участниках детской жизни на первом плане, конечно, стоит детская книжка с картинками... Это была та живая нить, которая выводила из детской комнаты и соединяла с остальным миром. Для меня до сих пор каждая детская книжка является чем-то живым, потому что она пробуждает детскую душу, направляет детские мысли по определенному руслу и заставляет биться детское сердце вместе с миллионами других детских сердец. Детская книга — это весенний солнечный луч, который заставляет пробуждаться дремлющие силы детской души и вызывает рост брошенных на эту благодарную почву семян. Дети благодаря именно этой книжке сливаются в одну громадную духовную семью, которая не знает этнографических и географических границ. Здесь мне приходится сделать небольшое отступление по поводу современных детей, у которых приходится сплошь и рядом наблюдать полное неуважение к книге. Растрепанные переплеты, следы грязных пальцев, загнутые углы листов, всевозможные каракули на полях, — одним словом, в результате получается книга-калека. Может быть, здесь виноваты большие, которые подают живой пример своим детям. Спросите каждого библиотекаря, как его сердце обливается кровью, когда у него на глазах совершенно новая книга превра-

щается в грязную тряпку. Кто пишет на полях нелепые замечания? Кто и для какой цели вырывает из середины целые страницы? Вообще кому нужно увечить книгу и безобразить ее? Особенно, конечно, страдают рисунки. В лучшем случае, их вырывают «с мясом», а в худшем — портят пером, карандашом и красками. Тут даже не простое неуважение к книге, а какое-то злобное отношение к ней. Трудно понять причины всего этого, и можно допустить только одно объяснение, именно, что нынче выходит слишком много книг, они значительно дешевле и как будто потеряли настоящую цену среди других предметов домашнего обихода. У нашего поколения, которое помнит дорогую книгу, сохранилось особенное уважение к ней, как к предмету высшего духовного порядка, несущего в себе яркую печать таланта и святого труда.

(По книге Д. Мамина-Сибиряка «Из далекого прошлого»)*

* *Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович (1852–1912)* — русский прозаик и драматург.

1. Какой аспект направления «Год литературы» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

VI. Наша угловая комната, носившая название чайной, хотя в ней и не пили чая, выходила окном на запад. Я даже сейчас думаю о ней, как думают о живом человеке, с которым связаны дорогие воспоминания.

Душой этой чайной, если можно так выразиться, являлся книжный шкаф. В нем, как в электрической батарее, сосредоточилась неиссякаемая, таинственная, могучая сила, вызвавшая первое брожение детских мыслей. И этот шкаф мне кажется тоже живым существом. Его появление у нас составляло целое событие.

Мой отец, небогатый заводской священник, страстно любил книги и затрачивал на них последние гроши. Но ведь для книг нужен шкаф,

а это вещь слишком дорогая, да, кроме того, в нашем маленьком заводе не было и такого столяра, который сумел бы его сделать. Пришлось шкаф заказать в соседнем Тагильском заводе, составлявшем главный центр округа Демидовских заводов. Когда шкаф был сделан, его нужно было привезти, а это тоже дело нелегкое. Помню, как мы ждали несколько недель, прежде чем подвернулась подходящая оказия. Его привезли зимой, вечером, в порожнем угольном коробе. Это было уже настоящее торжество. В детстве я не знал другой вещи более красивой. Представьте себе две тумбы, на них письменный стол, на нем две маленьких тумбы, а на них уже самый шкаф с стеклянными дверками. Выкрашен он был в коричневую краску и покрыт лаком, который, к общему нашему огорчению, скоро растрескался и облупился из-за плутовства мастера, пожалевшего масла на краску. Но этот недостаток нисколько не мешал нашему книжному шкафу быть самой замечательной вещью в свете, — особенно когда на его полках разместились переплетенные томики сочинений Гоголя, Карамзина, Некрасова, Кольцова, Пушкина и многих других авторов.

— Это наши лучшие друзья, — любил повторять отец, указывая на книги. И какие дорогие друзья... Нужно только подумать, сколько нужно ума, таланта и знаний, чтобы написать книгу. Потом ее нужно издать, потом она должна сделать далекий-далекий путь, пока попадет к нам на Урал. Каждая книга пройдет через тысячи рук, прежде чем встанет на полочку нашего шкафа.

Все это происходило в самом конце пятидесятых годов, когда в уральской глуши не было еще и в помине железных дорог и телеграфов, а почта приходила с оказией. Не было тогда самых простых удобств, которых мы сейчас даже не замечаем, как, например, самая обыкновенная керосиновая лампа. По вечерам сидели с сальными свечами, которые нужно было постоянно «снимать», то есть снимать нагар со светильни. Самовары и ситцы составляли привилегию только богатых людей. Газеты назывались ведомостями, иллюстрированные издания почти отсутствовали, за исключением двух-трех, да и то с такими аляповатыми картинками, каких не решатся сейчас поместить в самых дешевых книжонках. Одним словом, книга еще не представляла необходимой части ежедневного обихода, а некоторую редкость и известную роскошь.

(По книге Д. Мамина-Сибиряка «Из далекого прошлого»)*

* *Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович (1852–1912)* — русский прозаик и драматург.

1. Какой аспект направления «Год литературы» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

VII. Первую детскую книжку с картинками я увидел только лет десяти, когда к нам на завод поступил новый заводской управитель из артиллерийских офицеров, очень образованный человек. Как теперь помню эту первую детскую книжку, название которой я, к сожалению, позабыл. Зато отчетливо помню помещенные в ней рисунки, особенно живой мост из обезьян и картины тропической природы. Лучше этой книжки потом я, конечно, не встречал.

В нашей библиотеке первой детской книжкой явился «Детский мир» Ушинского. Эту книгу пришлось выписывать из Петербурга, и мы ждали ее каждый день в течение чуть не трех месяцев. Наконец, она явилась и была, конечно, с жадностью прочитана от доски до доски. С этой книги началась новая эра. За ней явились рассказы Разина, Чистякова и другие детские книги. Моей любимой книжкой сделались рассказы о завоевании Камчатки. Я прочитал ее десять раз и знал почти наизусть. Нехитрые иллюстрации дополнялись воображением. Мысленно я проделывал все геройские подвиги казаков-завоевателей, плавал в легких алеутских байдарках, питался гнилой рыбой у чукчей, собирал гагачий пух по скалам и умирал от голода, когда умирали алеуты, чукчи и камчадалы. С этой книжки путешествия сделались моим любимым чтением, и любимые классики на время были забыты. К этому времени относится чтение «Фрегата «Паллады» Гончарова. Я с нетерпением дожидался вечера, когда мать кончала дневную работу и усаживалась к столу с заветной книгой. Мы путешествовали уже вдвоем, деля поровну опасности и последствия кругосветного путе-

шествия. Где мы только не были, чего не испытали, и плыли все вперед и вперед, окрыленные жаждой видеть новые страны, новых людей и неизвестные нам формы жизни. Встречалось, конечно, много неизвестных мест и непонятных слов; но эти подводные камни обходились при помощи словаря иностранных слов и распространенных толкований.

(По книге Д. Мамина-Сибиряка* «Из далекого прошлого»)

* Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович (1852–1912) — русский прозаик и драматург.

1. Какой аспект направления «Год литературы» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

VIII. Черкутино было раньше большим торговым селом, куда на ярмарку ли в Петров день, на масленицу ли съезжались крестьяне из окрестных деревень. Вот почему и семилетняя школа находилась в Черкутине, хотя село потеряло свое значение такого объединяющего, притягивающего центра.

Из Вишенок, из Оленина, из Волкова, из Пасынкова, из двадцати или даже двадцати пяти деревень ходили мы, ребяташки, чтобы учиться, кто в пятом, кто в шестом, кто в седьмом классе.

Бывало, встанем потемну (идти как-никак четыре километра), пождем друг друга на прогоне, соберемся все олепинские — и в дорогу.

На подходе к Черкутину видно, как с разных сторон в лиловых сумерках зимнего утра тянутся к селу черненькие цепочки таких же учеников. Стараемся угадывать: вон бурдачевские торопятся, вон куделинские...

Колька Ланцев был из Куделина, а я — из Олепина. Сидели же мы на одной парте. Колька, бесспорно, был озорнее меня. Можно даже сказать, что он был драчун. Во время перемены нет-нет да и сцепится

то с Мишкой Садовниковым из Снегирева, то с Ванькой Жиряковым из Зельников. Лицо у Кольки было круглое, веснушчатое и немного рыхловатое. К такому лицу особенно легко прилипают синяки.

Во время уроков, когда драться никак уж нельзя, Колька либо скатывал бумажные шарики и стрелял ими в девочнок, окунув сначала в чернила, либо палочкой норовил подтолкнуть под локоть впереди сидящего Кольку Макушкина, когда тот выводил слово в тетрадке по чистописанию.

Что касается меня, то я во время уроков чаще всего читал интересные книжки. Говорят, с кем поведешься, от того и наберешься. Причем подразумевается обыкновенно, что влияние идет от худшего на лучшее, то есть если подружились, например, двое мальчишек — один балующийся куревом, а другой не балующийся, то это не значит, что балующийся бросит курить, а значит, напротив, что начнет курить и второй. На нашей парте получилось иначе. Конечно, читать книги на уроках тоже невесть какая добродетель, но все же, что там ни говори, а лучше уж читать книги, чем кидаться бумажными чернильными шариками!

Началось с того, что Колька из озорства отнял у меня книжку, неожиданно выхватив из рук. Затевать возню было нельзя. Я смирился, хотя и обиделся. А Колька машинально заглянул в книгу, прочитал там фразу, другую, потом страницу, а потом уж не оторвался до конца урока, не сдвинулся с места во время перемены, не заметил начала следующего урока (последнего в этот день). А когда кончился он, не успел я опомниться, как Колька схватил свои книжки и, конечно, мою книгу и убежал из класса.

Если разобраться, моей заслуги тут не было никакой. Все надо отнести за счет Рони Старшего, написавшего увлекательную «Борьбу за огонь». Но Колька считал, что именно благодаря мне он пристрастился к чтению, и с тех пор относился ко мне как-то немного по-особенному.

Видимо, книга распахнула перед ним, ввела его в иной мир, непохожий на Куделино или на Черкутино, на престольный праздник с обязательной дракой или на урок по алгебре. Он узнал много нового. А так как он видел, сколько книг я уже перечитал на его глазах, то и познания мои казались ему недосыгаемыми, огромными. Превосходство в этом деле было налицо.

Теперь Колька уже не дрался на переменах, а забыв обо всем, то дружил с мамонтами и кормил их сладкими древесными побегам, то сидел у костра с Дерсу Узала, то плавал по Миссисипи вместе с Гекльберри Финном.

После седьмого класса мы расстались друзьями.

(По рассказу В. Солоухина «Обида»)*

* Солоухин Владимир Алексеевич (1924–1997) — русский советский писатель, видный представитель «деревенской прозы».

1. Какой аспект направления «Год литературы» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

IX. Однажды я прочел объявление, что вышла в свет книга доктора А. М. Росса «Птицы Канады» и что она находится в продаже в книжном магазине Пиддингтона.

На следующий же день, весь дрожа от волнения, я отправился туда. Да, она действительно была там. На ней была написана цена — один доллар. Чего бы я только не отдал за то, чтобы у меня был доллар! Если бы это была книга по искусству, я мог бы рассчитывать на помощь отца. Но отец был против моих занятий естествознанием, и я боялся обращаться к нему с просьбой. Я знал, что мне не на кого рассчитывать, кроме как на себя самого.

Никогда еще деньги не были для меня такой драгоценностью, как теперь. Я был готов заработать эти сто центов любым честным путем. Прежде всего я стал всем предлагать и наконец продал своих кроликов, чудесную пару, за пятьдесят центов. Половина необходимой мне суммы была выручена. Неделью спустя я предложил одной женщине свои услуги — перенести дрова с улицы во двор. Она заплатила мне десять центов. Теперь у меня было уже шестьдесят центов. Потом я продал все свои камешки и получил еще двенадцать центов. Наконец

я стал собирать насекомых для одной англичанки. Прошло несколько недель, и я накопил девяносто центов. Но потом счастье изменило мне, и я никак не мог набрать остальных денег. Между тем не было дня, чтобы я не ходил к витрине книжной лавки Пиддингтона и не смотрел жадными глазами на чудесную книгу, которая должна была открыть мне все тайны природы.

Прошло целых два месяца, прежде чем мне удалось получить недостающие десять центов. Вот как это было. Мой брат Вальтер и я должны были ежедневно нарубить определенное количество дров для кухни. Я аккуратно выполнял свою норму, Вальтер редко. Брат очень любил хорошо одеваться, я же обращал мало внимания на свою одежду. Чтобы заставить Вальтера хорошо работать, наш старший брат Джо однажды сказал, что он подарит новый красивый галстук тому из нас, кто ежедневно в течение месяца будет аккуратно выполнять свою долю работы. Вальтер принял этот вызов с восторгом — он мечтал о новом галстуке. Меня же эта награда мало привлекала.

Первые дни Вальтер горячо взялся за дело, но под конец месяца у него не хватило выдержки, и он отстал. Премия выпала на мою долю. Джо дал мне двадцать пять центов на руки, чтобы я сам выбрал себе галстук по вкусу.

Когда я шел в магазин, я думал про себя: «Ни один человек в здравом рассудке не стал бы тратить 25 центов на галстук. Какой в нем толк?».

«Но, — заговорила моя совесть, — ведь эти деньги даны тебе на галстук».

Немного погодя я стал колебаться: «Пятнадцать центов — это прекрасная цена для галстука, и тогда у меня останутся на руках долгожданные десять центов».

Я поддался соблазну. За пятнадцать центов я выбрал себе великолепный галстук — по белому полю маленькие розочки. Десять центов остались у меня.

Итак, у меня в кармане был доллар.

Звеня серебряными монетами, я смело вошел в лавку, но должен признаться, что сердце билось у меня очень сильно.

— Пожалуйста, — сказал я продавцу, — дайте мне книгу Росса «Птицы Канады».

Он отвернулся с равнодушным видом. Как я боялся, что он скажет: «Ты опоздал: уже все распродано». Или же: «Цена поднялась до ста долларов».

Но он сказал холодным, безжизненным тоном:

— В зеленом или коричневом переплете?

Я с трудом прошептал:

— В зеленом.

Продавец взял одну книжку с полки, открыл ее, посмотрел что-то на обороте переплета и сказал своим монотонным голосом:

— Один доллар. Будьте любезны.

Я выложил деньги, как будто в полусне. Схватив драгоценную книгу прежде, чем продавец успел завернуть ее, я убежал, боясь, что он вдруг заставит меня вернуться.

Теперь книга моя. Я не сомневался, что владею ключом ко всем тайнам природы, что чудесный любимый мир не будет больше загадкой для меня.

Всю дорогу домой я шел медленно, уткнувшись носом в книгу.

Должен признаться, что я ждал большего.

«Но это, наверное, не книга виновата, — утешал я себя, — должно быть, я просто не знаю, как с ней обращаться».

Я был на седьмом небе от счастья, хотя и немного разочарован.

По мере того, как я все больше и больше обнаруживал слабые места книги, у меня росло желание внести в нее поправки. Эта книга — тот самый экземпляр — лежит до сих пор на моем письменном столе, и почти на каждой странице ее поправки и дополнительные заметки, вписанные пером. На иллюстрации положены краски. На белом листке в самом конце книги и на стороне переплета — мое добавление, озаглавленное: «Ястребы и совы (определитель птиц)». Эти страницы положили начало моей книге «Определитель птиц Канады».

(По книге Э. Сетона-Томпсона «Моя жизнь»)*

* *Сетон-Томпсон Эрнест (1860–1946)* — канадский и американский писатель, художник-анималист, естествоиспытатель и общественный деятель британского происхождения.

1. Какой аспект направления «Год литературы» раскрывается в данном тексте?

2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

Х. Однажды в нашей школе появился учитель словесности Павел Афанасьевич — странный, очень чудной человек, таких людей тогда называли «не от мира сего». Он не понимал, как выглядит со стороны, во что одет, что ест. Абсолютный бессребреник. Знаете частушку: «Полюбила педагога, денег нет — тетрадей много»? Он был духовен весь, без остатка. Ничто не пристегивало его к практической жизни. Им владела одна идея — вложить чувство художественности в души своих учеников. Ему казалось, что все сидящие перед ним дети — гении. У всех учеников он предполагал необыкновенные таланты. Много лет спустя я прочел такие строки — совсем про другого учителя, в другое время и в другой стране жившего: «Этот сумасшедший учитель, считал меня умнее, чем я был на самом деле, так что мне и приходилось быть умнее. Он не заставлял меня чувствовать себя болваном. Если мне не давался предмет, он видел во мне человеческую личность, а не судил по отметкам. Когда кто-нибудь опаздывал, он исходил из того, что опоздание вызвано уважительными причинами, о которых незачем спрашивать». Прочитал и подумал: а ведь это про него, про нашего Павла Афанасьевича, написано. Я узнаю его с его упорной оптимистической гипотезой, которую, наверное, можно считать признаком большого учительского таланта.

Он заразил меня вечной страстью к русским стихам, которых в моей памяти роится видимо-невидимо. Ни дня, ни минуты не живу, чтобы во мне не крутились строчки.

(По книге З. Гердта «Рыцарь совести»)*

* Гердт Зиновий Ефимович (1916–1996) — советский и российский актёр театра и кино. Народный артист СССР. Участник Великой Отечественной войны.

1. Какой аспект направления «Год литературы» раскрывается в данном тексте?

2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XI. Ох, уж эти салонные беседы, когда никто никому ничего не имеет сказать и темой для разговора оказывается чтение. Книга как способ завести знакомство. Беззвучный вопль, упрямое бескорыстие — и все ради того, чтобы этот кретин клеил вон ту дуру: «Как, неужели вы не читали «Путешествие на край ночи»?»

Чтение не годится для поверхностного общения, оно — то, чем делятся. Но делятся далеко не сразу и с большим выбором.

Если бы мы подсчитали, сколькими великими читательскими впечатлениями мы обязаны Школе, Критике, всем средствам массовой информации, а сколькими, напротив, другу, однокласснику, да и семье — если она не строит книги по ранжиру на образовательной полке, — результат ясно показал бы: лучшим, что мы прочли, мы обязаны чаще всего тому, кто нам дорог. И с тем, кто нам дорог, мы об этом и заговорим. Наверное, потому что привязанность, как и желание читать, означает предпочтение. Любить, в сущности, значит одарять своим предпочтением тех, кого мы предпочли. Обмен такими дарами делает обитаемой незримую цитадель нашей свободы. В нас живут книги и друзья.

Когда кто-то из близких дает нам почитать книгу, мы среди строк поначалу ищем его — его вкусы, причины, побудившие подсунуть нам именно эту книжку, какие-то знаки братства. Потом текст захватывает нас, и мы забываем того, кто нас в него окунул; вот она, сила чтения, — отметить даже такое обстоятельство!

Однако годы спустя случается, что упоминание о какой-то книге приводит нас на память человека, и заглавия вновь становятся лицами.

Будем справедливы, иногда возникает лицо не друга, а критика или учителя (но как редко!).

Вспоминаю учителя в школе — страсть к книгам делала его терпеливым, и нам даже казалось, что он нас любит. Конечно же любит

— или уважает — нас, своих учеников, раз дает нам читать самое для него дорогое!

(По книге Д. Пеннака* «Как роман»)

* *Пеннак Даниэль* (род. в 1944 г.) — современный французский писатель, публицист.

1. Какой аспект направления «Год литературы» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

ХII. Есть фобия, которую надо преодолеть, чтобы вернуть школьному народцу вкус к чтению, — боязнь нескончаемости.

Время, которое уйдет на чтение книги, видится им угрожающей бесконечностью!

Когда учитель достал из своего портфеля «Парфюмера», они были в шоке, увидев перед собой айсберг! (Заметим, что учитель выбрал — и намеренно — фаянсовое издание: крупный шрифт, большие поля, много воздуха на страницах — книга, на взгляд этих противников чтения, огромная и сулящая бесконечную пытку).

И вот он принимается читать, и они видят, как айсберг тает буквально на глазах!

Время уже больше не время, минуты летят секундами, и сорок страниц прочитано, и час прошел как не бывало.

Скорость учителя — сорок страниц в час.

Значит, за десять часов 400 страниц. При пяти часах языка и литературы в неделю за триместр он может прочесть 2400 страниц! 7200 за учебный год! Семь романов по тысяче страниц! Всего за каких-то пять часов в неделю!

Потрясающее открытие, которое меняет все! Книга, если разобратся, читается быстро: один-единственный час чтения в день, и за неделю я управлюсь с романом в 280 страниц! Я могу прочесть его и

за три дня, если положу на чтение по два часа с небольшим! 280 страниц за три дня! Считай, 560 за шесть будних дней. Когда книжка действительно «супер» — ««Унесенные ветром» правда супер, месье!» — и в воскресенье прихватишь четыре часа сверхурочно, вот у нас и еще 160 страниц: итого 720!

Считайте, считайте страницы... Сначала удивишься и радуешься количеству прочитанных страниц, а потом... потом пугаешься, как мало их осталось до конца. Всего пятьдесят страниц! Вот увидите... Нет ничего сладостнее этой грусти: «Война и мир», два толстенных тома... и всего-то пятьдесят страниц осталось.

Растягиваешь их, растягиваешь, но ничего не поделаешь...

Наташа выходит за Пьера Безухова — и конец.

(По книге Д. Пеннака «Как роман»)*

* Пенна́к Даниэ́ль (род. в 1944 г.) — современный французский писатель, публицист.

1. Какой аспект направления «Год литературы» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

ХIII. Я спрашиваю ее:

— Тебе читали вслух, когда ты была маленькая?

Она отвечает:

— Нет, никогда. Отец был то и дело в разъездах, а мать слишком занята.

Я спрашиваю:

— Откуда тогда у тебя такая страсть читать вслух?

Она отвечает:

— От школы.

Обрадовавшись, что хоть кто-то признает за школой хоть какую-то заслугу, я весело восклицаю:

— Ага, вот видишь!

Она говорит:

— Да нет. В школе нам запрещали читать вслух. Только про себя — уже тогда была такая концепция. От глаз прямо в мозг. Непосредственная передача информации. Быстро и действенно. И через каждые десять строк — тест на понимание. Культ анализа и комментария с первого дня! У большинства ребят от страха ум за разум заходил, а это еще было только начало! У меня-то ответы всегда были правильные, если хочешь знать, но потом, дома, я все перечитывала вслух.

— Зачем?

— Для волшебства. Слова, которые я произносила, начинали существовать отдельно от меня, они взаправду жили. У меня всегда было чувство, что любовь к книге приходит через просто любовь. Я укладывала кукол в кровать на мое место и читала им вслух. Случалось, так и засыпала на коврик у их ног.

Я слушаю ее, и мне чудится, я вижу Диккенса-старика, Диккенса, исхудалого и бледного, незадолго до смерти, выходящего на сцену... вижу его великую неграмотную публику, вдруг замершую, притихшую так, что слышно, как открывается книга... «Оливер Твист»... смерть Нэнси... вот сейчас, сейчас он будет читать нам про смерть Нэнси!

Я слушаю ее и слышу, как смеется до слез Кафка, читая «Превращение» Макс Броду, до которого как-то не совсем доходит...

И Достоевский, который не только читал вслух, но и писал во весь голос... Достоевский, еле переводящий дух, проорав обвинительную речь против Раскольникова (или Дмитрия Карамазова, не помню), Достоевский, спрашивающий Анну Григорьевну — жену и стенографистку: «Ну? Какое по-твоему, будет решение присяжных? А? Ну!»

— Виновен!

И тот же Достоевский, после того, как продиктовал ей речь защитника: «А теперь? А?»

— Невиновен!

Да-а-а...

Странное дело, как вывелось в наше время чтение вслух. Что сказал бы на это Достоевский? А Флобер? Нет больше права посмаковать слова во рту прежде, чем вбить их себе в голову? Нет больше слуха?

И музыки нет? И слюны? И вкуса у слов больше нет? Так уж ничего и нет?

А что же Флобер — не он ли орал сам себе свою «Бовари» так, что барабанные перепонки чуть не лопались? Кому и знать, как не ему, что содержание текста идет через звучание слов, из которого и выплавляется их смысл? Кому, как не ему, так упорно боровшемуся с неподходящей музыкой слогов, с тиранией ритма, знать, что смысл — это то, что произносится? Что? Немые тексты для чистого разума? Сюда, Флобер! Достоевский! Кафка! Диккенс, сюда! Великие выкликали смысла, скорее сюда! Всколыхните своим дыханием наши книги! Нашим книгам нужна жизнь!

Правда, безмолвие текста — это удобнее... И потом, если судишь книгу про себя, нет риска, что книга станет тебя судить... потому что, когда в деле участвует голос, книга многое говорит о своем читателе... книга говорит о нем все.

Человек, который читает вслух, раскрывается весь как есть. Если он не знает того, что читает, речь его невежественна, он жалок, и это слышно. Если он не живет тем, что читает, слова остаются мертвой буквой, и это чувствуется. Если он переполняет текст самим собой, от автора ничего не остается: цирковой трюк, и все тут, и это видно. Тот, кто читает вслух, весь как на ладони перед глазами, которые слушают.

Если он читает по-настоящему, если он опирается на знание и, не идя на поводу у своего удовольствия, сам его направляет, если его чтение — это сопереживание как публике, так и тексту, и автору; если он заставляет признать насущность творчества, пробуждая самую темную и неосознанную потребность понимать, — тогда книги распахиваются настезь, и толпы людей, считавших себя отлученными от чтения, устремляются вслед за ним в открытые врата.

(По книге Д. Пеннака «Как роман»)*

* *Пенна́к Даниэ́ль* (род. в 1944 г.) — современный французский писатель, публицист.

1. Какой аспект направления «Год литературы» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.

3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XIV. Первый раз я прочел «Войну и мир» лет в двенадцать-тринадцать (скорее в тринадцать, я учился тогда в пятом классе и сверстников не обгонял). С первых дней каникул — больших, летних — я видел своего брата не иначе как уткнувшимся в толстенный роман, и взгляд у него был нездешний, как у путешественника, давно забывшего и думать о родной земле.

— Что, так здорово?

— Не то слово!

— А про что?

— Про одну девушку, она любила одного, а вышла за третьего.

Брат всегда был мастером по части краткого пересказа. Если бы издатели поручали ему составлять аннотации (зазывные тексты на обороте обложки), он избавил бы нас от изрядного количества пустой трепотни.

— Дашь почитать?

— На. Дарю.

Учился я в пансионе, и такому подарку цены не было. Два толстенных тома, которых хватит, чтобы скрасить мне целый семестр. Брат, на пять лет меня старше, дураком не был (да и впоследствии не стал), он прекрасно знал, что «Войну и мир» нельзя свести к одной только любовной фабуле, как бы она ни была увлекательна. Но он знал мое пристрастие к сердечным драмам и умел щекотать любопытство загадочными формулировками сжатых изложений (настоящий «педагог», по моему твердому убеждению). Я всерьез думаю, что именно арифметическая загадка побудила меня изменить на время «Зеленой библиотеке», и розовой, и золотой, и разным там «Следопытам» и нырнуть в этот роман. «Любила одного, а вышла за третьего...» — право, не представляю, кто мог бы устоять. И роман меня не разочаровал, хотя в счете брат ошибся. На самом деле Наташу любили четверо: князь Андрей, подонок Анатолий (но разве это можно называть любовью?), Пьер Безухов и я. Поскольку у меня ни единого шанса не было, пришлось отождествлять себя с другими. (Только не с Анатолем, вот уж мерзавец!)

Чтение тем более упоительное, что наслаждался я им по ночам, при свете карманного фонарика, под одеялом-палаткой, посреди комнаты на пятьдесят мирно спящих, храпящих или ворочающихся персон.

Каморка надзирателя, где теплился ночник, была совсем рядом, но что с того, в любви всегда рискуешь всем. Я до сих пор ощущаю в руках толщину и тяжесть этих томов. Я перескочил добрых три четверти книги, поскольку интересовали меня только сердечные дела Наташи. Мне все-таки стало жалко Анатоля, когда ему ампутировали ногу; я проклинал этого упертого князя Андрея, когда он остался стоять перед гранатой во время Бородинской битвы... («Да ложись же ты, ложись, сейчас как рванет, что ж ты с ней делаешь, она ведь тебя любит!») Я читал про любовь и про сражения и перескакивал все, что про политику и стратегию... Я следовал за Пьером Безуховым и его женой Элен в их семейных неурядицах (Элен была «противная», мне она, правда, казалась противной) и предоставлял Толстому рассуждать в одиночестве, когда речь шла о крестьянских проблемах вечной России...

Я перескакивал, да.

И всем детям следовало бы поступать так же.

Пользуясь этой уловкой, они могут как угодно рано позволить себе наслаждаться почти всеми сокровищами, которые им якобы не по возрасту.

Если им хочется читать «Моби Дика», но трудно пробиться через авторские описания техники китобойного промысла, пусть не бросают читать, а пересказывают, пусть пересказывают целые страницы!

Если они хотят познакомиться с Иваном, Дмитрием и Алешей Карамазовыми и с их немислимым отцом, пусть берут и читают «Братьев Карамазовых», эта книга для них, даже если им придется пересказывать беседы старца Зосимы и легенду о Великом Инквизиторе.

Если они не будут сами для себя решать, что им по возрасту, а что нет, и сами выбирать, какие страницы пересказывать, их подстерегает серьезная опасность: за них это сделают другие. Вооружатся огромными ножницами идиотизма и вырежут все, что сочтут слишком «трудным» для детей. Результаты ужасающие: «Моби Дик» или «Отверженные», сведенные к изложению в 150 страниц, изувеченные,

выхолощенные, скукоженные, засушенные, переписанные для детей дистрофическим языком, который принято считать единственно для них понятным!

А кроме того, даже когда мы уже «большие» и даже если нам неприятно в этом признаваться, нам все равно случается «перескакивать» — по причинам, которые никого не касаются, кроме нас и книги, которую мы читаем. Случается и так, что мы себе это строго запрещаем и читаем все подряд до последнего слова, отмечая, что вот здесь автор тянет резину, а вот тут наигрывает совершенно не идущий к делу мотивчик для флейты; что в этом месте его повело на повторы, а вон в том — в идиотизм. Что бы мы в этом случае ни говорили, упорное преодоление скуки, которое мы вменили себе в обязанность, к разряду обязанностей не относится: оно из числа наших читательских удовольствий.

(По книге Д. Пеннака «Как роман»)*

* *Пенна́к Даниэ́ль* (род. в 1944 г.) — современный французский писатель, публицист.

1. Какой аспект направления «Год литературы» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XV. Есть тридцать шесть тысяч причин бросить роман не дочитав: ощущение уже читанного, сюжет, который нас не захватывает, неприятие идей автора, стиль, вызывающий раздражение, или, наоборот, полное отсутствие авторского почерка, не искупаемое никакой причиной читать дальше... Излишне перечислять остальные тридцать пять тысяч девятьсот девяносто пять, среди которых можно, однако, назвать зубную боль, придирки начальства или душевное потрясение, отшибающее мозги.

Книга валится у нас из рук?

Пусть валится.

В конце концов, что бы ни говорил Монтескье, нельзя утешиться часом чтения по команде.

Однако среди причин, побуждающих нас прекратить чтение, одна заслуживает того, чтоб на ней задержаться: смутное чувство поражения. Вот я открываю книгу, читаю и скоро чувствую, что столкнулся с чем-то, что сильнее меня. Я собираю в кучку нейроны, я борюсь с текстом, но без толку, я могу сколько угодно чувствовать и понимать, что эта вещь заслуживает, чтоб ее прочли, а вот не врубаюсь, и все — чувую что-то «чужое», что мне не дается.

И бросаю.

Или, вернее, откладываю. Убираю книгу на полку с неопределенным намерением когда-нибудь к ней вернуться. «Петербург» Андрея Белого, Джойс со своим «Улиссом», «У подножия вулкана» Малькольма Лаури дожидались меня не один год. Есть такие, что и по сей день ждут, а какие-то из них я, возможно, никогда снова не открою. Это не трагедия, просто так сложилось. Понятие «зрелости» в области чтения — штука странная. Вплоть до какого-то возраста какие-то книги нам не по зубам. Но в отличие от хороших вин хорошие книги не стареют. Они ждут нас на полках, а стареем мы. Когда нам кажется, что мы до них «дозрели», мы беремся за них снова. И тогда одно из двух: или встреча происходит, или мы снова терпим фиаско. Может быть, мы будем делать еще попытки, может быть, нет. Но уж точно не вина Томаса Манна, что я так до сих пор и не добрался до вершины его «Волшебной горы».

Великий роман, который нам сопротивляется, не обязательно более трудный, чем какой-нибудь другой... просто между ним, при всем его величии, и нами, при всей способности его «понять», на которую мы претендуем, не происходит некая химическая реакция. В один прекрасный день мы вдруг попадем в такт с романом Борхеса, который до сих пор не подпускал нас к себе, но роман Музиля так и останется для нас чужим...

Тогда выбор за нами: мы можем думать, что сами виноваты, что чего-то у нас в мозгах не хватает, что есть в нас какая-то неизживаемая тупость, а можем искать причину в очень спорной области вкуса и постараться определить свой.

Благоразумнее всего рекомендовать детям второй вариант.

потому, наконец (и это главное), что в них нет присутствия автора, нет и жизни, которую они якобы описывают.

Плохие романы — это ширпотреб, сделанный по шаблону, который норовит и нас подогнать под шаблон.

Однако не надо думать, что подобная дурь — явление новое, связанное с индустриализацией книжного дела. Ничего подобного. Эксплуатация остросюжетности, дешевого блеска, безотказного мороза по коже не вчера родилась.

Чтобы далеко не ходить за примерами, скажем, что всем этим грешил рыцарский роман, а много позже — романтизм. Но нет худа без добра — реакция на низкопробную литературу подарила нам два лучших в мире романа: «Дон Кихота» и «Госпожу Бовари».

Так что бывают и «хорошие» романы, и «плохие». Чаще всего именно вторые первыми попадают нам на пути.

И, ей-богу, когда настал мой черед с ними познакомиться, они, помнится, показались мне «просто здоровскими». Мне очень повезло: надо мной не смеялись, не закатывали глаза, не ругали за глупость. Просто раскидали на моем пути кое-какие «хорошие» романы, ни в коем случае не позволяя себе запрещать мне прочее чтиво.

Вот она, мудрость.

Хорошее и плохое — на каком-то этапе мы читаем и то, и другое. Точно так же, как не отказываемся единым махом от книжек своего детства. Все перемешивается. Выныриваешь из «Войны и мира» и возвращаешься к «Зеленой библиотеке». От серии «Арлекин» (истории про прекрасных врачей и благородных медсестер) переходишь к Борису Пастернаку с его «Доктором Живаго» — тоже прекрасный врач, а Лара — медсестра, и какая благородная!

А потом в один прекрасный день перевешивает Пастернак. Мы ищем в книге писателя, ищем творческий почерк; товарищей по играм нам уже мало, мы ищем спутников жизни. Просто анекдота нам уже не достаточно. Пришло время, когда мы требуем от романа чего-то большего, чем мгновенное и безотлагательное удовлетворение жажды острых ощущений.

Одна из высших радостей педагога — увидеть, как ученик — при дозволенности любого чтения — сам захлопывает дверь фабрики бестселлеров и заходит отвести душу к другу Бальзаку.

(По книге Д. Пеннака «Как роман»)*

* *Пенна́к Даниэ́ль* (род. в 1944 г.) — современный французский писатель, публицист.

1. Какой аспект направления «Год литературы» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XVII. У меня такой жесткий график, откуда взять час на чтение? У кого отнять? У друзей? Телека? Разъездов? Вечеров в кругу семьи? Уроков?

Где найти время читать?

Серьезная проблема.

Которая и не проблема вовсе.

Коль скоро встает вопрос, есть ли время читать, стало быть, нет на то желания. Потому что, если разобраться, времени читать ни у кого никогда нет. Нет у мелких, нет у подростков, нет у взрослых. Жизнь — постоянная помеха чтению.

— Читать? Я бы с радостью, но работа, но дети, но хозяйство, времени нет...

— Как я вам завидую, что у вас есть время читать!

А почему же вон та, которая работает, бегаёт по магазинам, растит детей, водит автомобиль, посещает дантиста, через неделю переезжает — почему она находит время читать, а вот этот благонравный холостяк-рантье не находит?

Время читать — это всегда украденное время.

У кого украденное?

Скажем, у обязанности жить.

В этом, несомненно, причина того, что метро — устойчивый символ упомянутой обязанности — являет собой величайший в мире читальный зал.

У меня никогда не было времени читать, но ничто никогда не могло помешать мне дочитать полюбившийся роман.

Чтение никак не связано с регламентом жизни общества, оно просто образ жизни.

Вопрос не в том, есть ли у меня время читать (время, которого, кстати, никто мне не даст), но в том, подарю я себе или нет счастье быть читателем.

(По книге Д. Пеннака «Как роман»)*

* *Пеннак Даниэль* (род. в 1944 г.) — современный французский писатель, публицист.

1. Какой аспект направления «Год литературы» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XVIII. В детстве, в первую пору молодости человек учится в школах: уроки наставников имеют ту цель, чтобы сделать юношу образованным человеком. Но когда он выходит из школы, перестает учиться, его образование поддерживается и совершенствуется чтением, то есть вместо прежних наставников, которых слушал мальчик и юноша, взрослый человек имеет одну наставницу — литературу.

Чтоб исполнить как должно свою великую обязанность — быть руководительницею людей на пути образования, литература, как мы уже знаем, должна давать ему различные знания, развивать в нем привычку мыслить и поддерживать в нем любовь ко всему прекрасному и доброму. Каждая хорошая книга до некоторой степени исполняет все эти условия; но некоторые книги имеют главную свою целью сообщать уму читателя различные познания, — это книги, принадлежащие к так называемой ученой литературе, например, сочинения по истории, по естественным наукам и пр.; другие книги пишутся с тем намерением, чтобы действовать главным образом на воображение и сердце читателя, возбуждая в нем сочувствие к доброму

и прекрасному, — это книги, принадлежащие к так называемой изящной литературе. Между полезными действиями, какие производят на читателя книги того и другого рода, есть очень много общего; особенно сходны все хорошие книги в том, что непременно возбуждают в читателе желание думать о том, что справедливо, прекрасно и полезно для людей. Сходны они между собою и в том, что хорошая ученая книга, действуя более всего на ум, действует также и на сердце, а произведения изящной литературы, преимущественно обращаясь к сердцу читателя, в то же время не остаются бесполезны и для его ума, которому сообщают верные понятия о человеческой жизни. Но, несмотря на это значительное сходство, изящная литература очень резко отличается от ученой. Одну сторону этого различия мы уже знаем: главная цель ученых сочинений, как мы сказали, та, чтобы сообщить точные сведения по какой-нибудь науке, а сущность произведений изящной словесности — в том, что они действуют на воображение и должны возбуждать в читателе благородные понятия и чувства. Другое различие состоит в том, что в ученых сочинениях излагаются события, происходившие на самом деле, и описываются предметы, также на самом деле существующие или существовавшие; а произведения изящной словесности описывают и рассказывают нам в живых примерах, как чувствуют и как поступают люди в различных обстоятельствах, и примеры эти большею частию создаются воображением самого писателя. Коротко можно выразить это различие в следующих словах: ученое сочинение рассказывает, что именно было или есть, а произведение изящной литературы рассказывает, как всегда или обыкновенно бывает на свете.

Довольно нам и этих двух замечаний, чтобы видеть, до какой степени изящная литература различна от ученой, хотя есть у них и много общего.

Можно теперь спросить: которая же из двух отраслей литературы важнее? которая больше приносит пользы людям? которая больше содействует распространению и усовершенствованию просвещения? На это образованный человек будет отвечать: обе они равно важны, равно полезны людям. Ученая литература спасает людей от невежества, а изящная — от грубости и пошлости; то и другое дело одинаково благотворны и необходимы для истинного просвещения и для счастья людей.

Теперь надобно только сказать, что хорошие писатели по части изящной литературы называются поэтами, и мы поймем, какой высокий смысл заключается в этом слове. Поэты — руководители людей к благородному понятию о жизни и к благородному образу чувств: читая их произведения, мы приучаемся отвращаться от всего пошлого и дурного, понимать очаровательность всего доброго и прекрасного, любить все благородное; читая их, мы сами делаемся лучше, добрее, благороднее.

*(По статье Н. Чернышевского**
«Александр Сергеевич Пушкин. Его жизнь и сочинения»)

* Чернышевский Николай Гаврилович (1828–1889) — русский философ-утопист, революционер-демократ, учёный, литературный критик, писатель.

1. Какой аспект направления «Год литературы» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XIX. Позвольте мне, милостивые государи, обратиться исключительно к будущим читателям; не новое хочу я им сказать, а повторить известные всем вам мысли о том, что такое книга.

Отец передает сыну опыт, приобретенный дорогими трудами, как дар, для того чтоб избавить его от труда уже совершенного. Точно так поступали целые племена; так составились на Востоке эти предания, имеющие силу закона: одно поколение передавало свой опыт другому; это другое, уходя, прибавляло к нему результат своей жизни, и вот составила система правил, истин, замечаний, на которую новое поколение опирается как на предыдущий факт и которое хранит твердо в душе своей как драгоценное отцовское наследие. Этот предыдущий факт, этот-то опыт, написанный и брошенный в общее употребление, есть книга. Книга — это духовное завещание одного

поколения другому, совет умирающего старца юноше, начинающему жить; приказ, передаваемый часовым, отправляющимся на отдых, часовому, заступающему его место. Вся жизнь человечества последовательно оседала в книге: племена, люди, государства исчезали, а книга оставалась. Она росла вместе с человечеством, в нее кристаллизовались все учения, потрясавшие умы, и все страсти, потрясавшие сердца; в нее записана та огромная исповедь бурной жизни человечества, которая называется всемирной историей. Но в книге не одно прошедшее; она составляет документ, по которому мы вводимся во владение настоящего, во владение всей суммы истин и усилий, найденных страданиями, облитых иногда кровавым потом; она — программа будущего. Итак, будем уважать книгу! Это — мысль человека, получившая относительную самобытность, это — след, который он оставил при переходе в другую жизнь.

(Из «Речи, сказанной при открытии публичной библиотеки для чтения в Вятке 6 декабря 1837 года» А. И. Герцена)*

* Герцен Александр Иванович (1812–1870) — русский публицист, писатель, философ.

1. Какой аспект направления «Год литературы» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XX. В одном из рассказов Уильяма Сарояна маленький мальчик впервые попадает в публичную библиотеку. Он благоговейно озирается по сторонам и говорит: «Книг-то, книг, и в каждой что-то написано!»

Помню себя двенадцатилетней девочкой. Я только что приехала из России в Америку и пропадала в библиотеке по соседству с домом, пытаясь своим умом докопаться до тонкостей английского языка. Рекомендательных списков у меня не было, а библиографические спра-

вочники и каталоги были мне ни к чему, потому что я шла от полки к полке в порядке алфавита, с упорством крота пропахивая один стеллаж за другим. Читала я по методу «проб и ошибок», макулатуру и шедевры.

Порой я натыкалась на совсем особенную книгу: читать ее было не обязательно, в списки рекомендованной литературы она не входила и не была загублена навязчивыми требованиями учителя: «Назови три книги... Ответь на следующие вопросы...» Эту книгу можно было читать просто так, для собственного удовольствия.

Где еще разрешалось — более того, поощрялось — полистать книгу, задержаться на любой странице, не боясь окрика: «Товар руками не трогать!»? Этот товар для того и существовал, чтобы его брали в руки. Чопорные и безликие темно-красные и темно-зеленые библиотечные переплеты меня не обманывали: у меня был нюх на хорошие книги. Если книжные страницы потрепаны и загнуты, а на формуляре в бумажном кармашке на внутренней стороне переплета много пометок, я знала, что вытянула «счастливый билет».

Записи на формулярах связывали меня с безымянным братством других читателей, чьи руки перелистывали те же страницы, что и я, читателей, порой оставлявших на полях книги карандашные пометки вроде философского «Как это верно!» или лаконичного «Дерьмо!».

Окруженные целыми стенами книг, мы сидели здесь в молчаливом содружестве; тишину нарушали лишь шарканье ног, скрип стульев, случайный громкий шепот и строгое «ш-ш-ш» библиотекаря.

Библиотекарь всегда был на посту, скромный и всезнающий, готовый дать ответ на любой вопрос. Где найти книгу об эскимосах? Что прочесть по истории подводных лодок? Какой роман самый популярный? Его не смущал даже вопрос, который я нечаянно подслушала как-то раз в детском отделе библиотеки: «У вас найдется книжка для восьмилетнего ребенка с больным горлом?»

Обо всем этом я вспоминаю потому, что в наши дни публичные библиотеки становятся все менее и менее доступны для людей, которые в них особенно нуждаются. Бюджеты библиотек еще больше урезаны; по-прежнему существует угроза дальнейшего сокращения штатов и сферы обслуживания читателей: публичные библиотеки Нью-Йорка пострадали от финансовых затруднений города больше, чем другие крупные общественные учреждения.

Право на чтение — неотъемлемое право американского народа. Педагоги то и дело проводят в школах широкие обследования, внедряют новейшие технические средства обучения и дорогостоящие хитроумные методы, чтобы справиться с неграмотностью, улучшить у детей навыки чтения, — а тем временем публичные библиотеки одна за другой закрывают свои двери.

Мне кажется, что именно теперь, когда в Нью-Йорке живет так много людей, для которых английский язык не родной, людей, в чьих домах нет книг, людей, которым изо дня в день крикливо навязывают массу легких развлечений, — теперь, как никогда, нам необходимо нечто более надежное, то, что останется с нами, когда фильм кончится, телевизор сломается, а класс будет распущен по домам.

Для многих публичная библиотека — единственное спокойное место в нашем беспокойном мире, единственное убежище, где можно укрыться от насилия и враждебности внешнего мира; единственное пристанище, где можно поработать и подумать в покое и уединении. Для многих нет иной возможности встретиться с книгой, которая стоит на полке и ждет, чтобы ее взяли домой бесплатно.

Как сказал один бывший ученик: «В читалке трудно не читать». Преподавая английский язык в средней школе, я обычно просила учеников приносить в класс свои читательские билеты в надежде, что, коль скоро ребята обзаведутся билетами, они будут ими пользоваться. Один мальчишка принес билет своей тети. «Мне он ни к чему, — весело заверил он меня. — Я принес, только чтоб показать вам».

И все-таки некоторые стали пользоваться своими читательскими билетами, пусть даже только потому, что билеты у них были. В наши дни многие люди и библиотеку посещают потому, что она существует. А в ней книг-то, книг, и в каждой что-то написано. Как печально для Нью-Йорка, если на дверях библиотек появится табличка: «Закрыто».

(По эссе Б. Кауфман* «Читалка»)

* *Кауфман Бел (1911–2014)* — американская писательница и педагог. Внучка классика еврейской литературы Шолом-Алейхема.

1. Какой аспект направления «Год литературы» раскрывается в данном тексте?

2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XXI. Дня через два, ночью, по своему обыкновению, доктор Левин наведлся к Боброву. И сразу же услышал целый монолог, который ему показался бредом.

— От своей судьбы не уйдешь, — говорил летчик, — и как вы от меня, товарищ капитан, ни бежали, судьба нас вот где столкнула. Будьте ласковы, выслушайте до конца! Сначала я получил эту книжку сам лично у библиотечарши на Новой Земле. Она мне лично поверила и под честное слово дала... В Архангельске на Ягоднике эту книжечку под названием «Война и мир», в одном томе все части, у меня на денек взял капитан Лаптев. Потом эта книжка была в Свердловске — уже в транспортную авиацию попала. На Новой Земле я в библиотеке, конечно, за жулика считался. В Мурманске на Мурмашах мне про эту книжку сказали, что ее некто Герой Советского Союза Плотников вместе с горящим самолетом оставил в Норвегии в районе Финмаркена...

— Вам не следует говорить, Бобров, — сказал Левин, не совсем еще понимая, бредит летчик или нет. Но летчик не бредил.

— Я остороженько, товарищ подполковник, — сказал он. — Но честное слово, все нервы мне вымотали с этой книжкой. А товарищ капитан как меня где увидит, так ходу. Давеча на аэродроме прямо как сквозь землю провалился.

— Никуда я не провалился, — обиженным тенором сказал капитан. — Зашел в капонир¹, а вас даже и не видел.

— А библиотечарша Мария Сергеевна мне в открытке пишет, — продолжал Бобров, точно не слыша слов капитана, — что ничего подобного она от меня никогда не ожидала. Теперь есть летчик один,

¹ Капонир — оборонительное сооружение, из которого ведется огонь в двух противоположных направлениях.

Фоменко, он истребителям, оказывается, эту книгу отдал, когда они перелет к нам делали. Отдал?

— Ну, отдал, — сердито ответил капитан. — Мне отдал.

— Вот! — уже задыхаясь от слабости, воскликнул Бобров. — Вам отдал. А куда же вы, извините за нескромность, эту книгу дели?

— В Вологде какой-то черт у меня ее взял на час и не вернул, — мрачно сказал капитан. — Я как раз до того места дочитал, когда Долохов кричит, чтобы пленных не брали. Когда Петю Ростова убили.

— А мне неинтересно, до какого вы места дочитали, — совсем ослабев, сказал Бобров, — факт тот, что опять книжки нет. С чернильным пятном была на переплете?

— С чернильным! — грустно подтвердил капитан.

Бобров замолчал и закрыл от усталости глаза.

(По роману Ю. Германа «Подполковник медицинской службы»)*

* *Герман Юрий Павлович (1910–1967)* — русский советский писатель, драматург, киносценарист.

1. Какой аспект направления «Год литературы» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XXII.

* * *

Интеллигенция была моим народом,
была моей, какой бы ни была,
а также классом, племенем и родом —
избой! Четыре все ее угла.
Я радостно читал и конспектировал,
я верил больше сложным, чем простым,
я каждый свой поступок корректировал
Львом чувства — Николаичем Толстым.
Работа чтения и труд писания
была святей Священного писания,

а день, когда я книги не прочел,
как тень от дыма, попусту прошел.
Я чтил усилья токаря и пекаря,
шлифующих металл и минерал,
но уровень свободы измерял
зарплатою библиотекаря.
Те земли для поэта хороши,
где — пусть экономически нелепо —
но книги продаются за гроши,
дешевле табака и хлеба.
А если я в разоре и распыле
не сник, а в подлинную правду вник,
я эту правду вычитал из книг:
и, видно, книги правильные были!
(Б. Слуцкий*)

* *Слуцкий Борис Абрамович (1919–1986)* — русский советский поэт.

1. Какой аспект направления «Год литературы» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XXIII.

* * *

Я учитель школы для взрослых,
Так оттуда и не уходил —
От предметов точных и грозных,
От доски, что черней чернил.
Даже если стихи слагаю,
Все равно — всегда между строк —
Я историю излагаю,
Только самый последний кусок.
Все писатели — преподаватели.
В педагогах служит поэт.

До конца мы еще не растратили
Свой учительский авторитет.
Мы не просто рифмы нанизывали,
Мы добьемся такой строки,
Чтоб за нами слова записывали
После смены ученики.

(Б. Слуцкий*)

* *Слуцкий Борис Абрамович (1919–1986)* — русский советский поэт.

1. Какой аспект направления «Год литературы» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XXIV. Я не принадлежу к всеядным читателям, которые, словно осы на варенье, набрасываются на каждую публикацию в «толстом» литературном журнале, на каждое новое имя. У меня первое движение — отгородиться, защититься от неподготовленных, необязательных впечатлений, которые чаще всего лишь по-пустому отнимают время и душевные силы. А и того и другого осталось не так много. За прожитую жизнь скопилось немало книг, которые хочется вновь и вновь перечитывать.

Мне кажется, что у определенной возрастной черты, если книги для тебя не просто заполнение досуга, не развлечение вроде телевизора, надо ставить дверь на запор и новых посетителей либо вовсе не впускать, либо — по самому строгому отбору. В одном Пушкине таятся такие глубины, что не хватит жизни добраться до дна. И все же трудно писателю решиться на это справедливое дело, ведь надо знать, что делается в литературе, и не из праздного любопытства и самолюбивого беспокойства, а ради профессиональной ориентировки: как и какими средствами отражается миг сегодняшнего бытия в искусстве, чьим материалом является слово.

Где взять на все время? И поневоле задумаешься: не лучше ли еще раз перечитать «Смерть Ивана Ильича» Л.Н. Толстого, «Жизнь Арсеньева» И.А. Бунина, «В сторону Свана» М. Пруста, чем тешить любопытства новым романом модного автора или рассказами таинственного незнакомца.

*(По очерку Ю. Нагибина**
«Голландия Боба ден Ойла»)

* Нагибин Юрий Маркович (1920–1994) — русский писатель-прозаик, журналист и сценарист.

1. Какой аспект направления «Год литературы» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XXV. Когда я приехал в Данию, мои представления об Андерсене нисколько не изменились. Пожалуй, лишь одно царапнуло душу: до чего верна поговорка «Нет пророка в своем отечестве»! Великий сказочник популярен в собственной стране куда меньше, нежели у нас.

Внешне все в порядке: в Оденсе на острове Фюн приезжим показывают дом, где родился Андерсен; в Копенгагене поставлен памятник не только ему самому, но и дивным его лебедям-оборотням, героям сказки «Дикие лебеди», в центре города, от площади Ратуши, пролегает широкий бульвар его имени. Но датчане были искренне удивлены моим настойчивым желанием попасть в Оденсе и еще больше тем, что в эти дни в Ленинграде начался «Фестиваль Андерсена».

«За что вы его так любите?» — вежливо округляли глаза интеллигентные датчане. «А кому дети обязаны пробуждением фантазии, сладкого дара мечты? — не слишком напрягаясь, отвечал я. — Чем были бы мы все без Кая и Герды, Снежной королевы, Стойкого оловянного солдатика, Русалочки?» Собеседники деликатно пожимали

плечами, как бы говоря: «Вы полагаете?...» — «Ну а за что вы его так не любите?» — улыбаясь, но про себя злясь, спрашиваю я. — «О нет, мы любим, конечно...»

Мне слишком хотелось понять необъяснимую холодность соотечественников Ганса Христиана к их величайшему писателю, и я проявил жестокую настойчивость. Помню, как мучительно, неуверенно прошелестел наконец ответ: «Его сказки слишком печальны для детей, а иногда... даже слишком страшны».

Признаюсь, я так и не понял, что это значит. Печаль Андерсена легка и поэтична, она не угнетает, а возносит душу. А сказки братьев Гримм или русские народные сказки куда страшнее, но ведь дети в них души не чают. И все же мне пришлось отступить: датчане, потомки викингов, недвусмысленно дали понять, что больше не скажут ни слова.

(По очерку Ю. Нагибина «Что сказал бы Гамлет?»)*

* Нагибин Юрий Маркович (1920–1994) — русский писатель-прозаик, журналист и сценарист.

1. Какой аспект направления «Год литературы» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XXVI. Из всей поездки по Скандинавии нам особенно понравилась и запомнилась Норвегия, сохранившая свою исключительную самобытность, природу, свое достоинство. Как не поклониться стране, народу, который наказал своего классика Кнута Гамсуна за то, что в интервью, напечатанном в газете, он позволил себе сказать, что с некоторыми идеями Гитлера он согласен! Все библиотеки, книжные магазины, частные лица возвращали классику его книги.

Когда мы были в доме Гамсуна на берегу фиорда, гид сказал, что весь участок был завален бандеролями. «Что же стало с книгами?» —

спросили мы. — «Когда умер Гамсун и кончилась война, книги вернулись на полки читателей. Его простили, но не забыли его вину».

(По книге Г. Аграновской
«Фрагменты прошлого века. Воспоминания»)*

* *Аграновская Галина Федоровна (1928–2015)* — российская журналистка и писательница.

1. Какой аспект направления «Год литературы» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XXVII. Вот на веранде под вечер Корней Иванович читает стихи. Не нам, а гостям, взрослым. Но и мы тут же: нас не оторвать от его голоса:

Под насыпью, во рву некошеном,
Лежит и смотрит, как живая,
В цветном платке, на косы брошенном,
Красивая и молодая...

И тут, в этом плаче и пении вагонов, дороги, одиночества, среди этого горя, обращённого гармонией в счастье, вдруг наступил, по словам другого поэта,

...нелепый, безобразный в однообразьи
перерыв... —

на веранду вбежала няня Тоня и, запыхавшись, спросила:

— Подавать самовар? Вскипел.

Вечер был прохладный, с самоваром её торопили.

Поглядев на неё с таким удивлением, будто кто-то из них двоих сумасшедший, Корней Иванович в бешенстве разбил тарелку, раскрыл себе палец и крикнул:

— Как вы смеете — смеете — говорить при стихах?!

Тоня заплакала. Он накричал на неё не только при стихах — при гостях. И это был тот самый человек, который деликатности с прислугой требовал от себя и от нас, детей, безупречной, который уже больным стариком стеснялся попросить домашнюю работницу принести ему грелку: лишний раз подняться на второй этаж!.. Вспылив тогда, на веранде, в Куоккале, он мгновенно опомнился и побежал за Тоней на кухню просить прощения. Он утешал её и при этом по складам выговаривал:

— Когда читают стихи, перебивать можно только в одном случае: если загорелся дом! Других причин я не знаю!

Мы-то были уже обученные. Мы-то усвоили давно, накрепко, что перебивать нельзя не только чтение вслух, а иногда и молчание. Притащишь ему зимою на чужую дачу в мороз — он убегал туда заканчивать статью, — притащишь кастрюлю супу или чайник кипятку, а он сидит с карандашом в руке и молчит — и этого молчания прерывать нельзя. Ставь еду на подоконник и скорей уходи. Молча. Если невпопад заговоришь — он как рявкнет! А уж когда он или кто другой читает стихи...

(По книге Л. Чуковской*

«Памяти детства. Воспоминания о Корнее Чуковском»)

* Чуковская Лидия Корнеевна (1907–1996) — редактор, писательница, публицист, мемуаристка, диссидент. Дочь Корнея Чуковского.

1. Какой аспект направления «Год литературы» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XXVIII. Что делает человека писателем? Кто вправе стать им, даже при литературных способностях? Какое условие необходимо для этого?

Лев Николаевич Толстой, задаваясь этими вопросами из-за потока присылаемых ему рукописей начинающих писателей, предостерегал своих корреспондентов:

«Одно только опасно: писать только вследствие рассуждения, а не такого чувства, которое обхватывало бы все существо человека. Надо, главное, не торопиться писать, не скучать поправлять, переделывать десять, двадцать раз одно и то же, не много писать и, помилуй Бог, не делать из писания средства существования или значения перед людьми. Одинаково, по-моему, дурно и вредно писать безнравственные вещи, как и писать поучительные сочинения холодно и не веря в то, чему учишь, не имея страстного желания передать людям то, что тебе даст благо».

И советовал: «...пишите только в том случае, если потребность высказаться будет неотступно преследовать вас».

Александр Трифонович Твардовский 2 июня 1944 г. в письме с фронта облёк ту же мысль в своеобразную словесную формулу: «Это первое условие литературного творчества, чтобы не внешняя, а самая внутренняя причина толкала к нему».

Тем понятнее афористичное высказывание Александра Ивановича Герцена: «...человек не создан быть писателем; письмо есть уже отчаянное средство сообщить свою мысль».

*(Из «Энциклопедического словаря юного литературоведа»,
составитель В.И. Новиков)*

1. Какой аспект направления «Год литературы» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XXIX. Понять новое бывает трудно и в науке, и в искусстве. Как издевались современники над «Тристрамом Шенди» Стерна, как пожимали плечами над «Шумом и яростью» Фолкнера! Новое рождает-

ся в борьбе со старым, старое сопротивляется новому, а поскольку талантливое в литературе — это всегда нечто новое, то естественно, если оно поначалу встречает противодействие, отрицание, замалчивание, насмешки. Писатель всегда должен быть готов к непониманию и хуле. Должен исполниться стойкости, веры в себя, терпения.

Оценка же окончательно выносится обычно лишь историей. И «Повести Белкина» Пушкина, и «Герой нашего времени» Лермонтова, и «Красное и черное» Стендаля, и «Гамлет» Шекспира, весьма низко расцененные при появлении, обрели признание не скоро. Такова судьба всего, что опережает свое время, определяя пути развития культуры.

Хотя заслуженная и скорая прижизненная слава тоже нередка.

Что же остается писателю? Только писать — так, как он считает верным.

(По книге М. Веллера «Долина идолов»)*

* Вёллер Михаил Иосифович (род в 1948 г.) — современный российский писатель, публицист.

1. Какой аспект направления «Год литературы» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XXX. Письменность как технический материал литературы с веками мало меняется. Быстрее меняется эстетика искусства, имеющая следствием сумму художественных приемов: для романтика неприемлемо писать так, как писали классицисты, а век спустя реалисты отвергают романтиков.

Распространенное заблуждение «не важно, как писать, важно что», происходит от непонимания художественности литературы, от непонимания единства содержания и формы, в которой содержание реализуется, происходит от литературного невежества. Как актер мо-

жет произнести фразу с двадцатью разными выражениями, так писатель может описать одно и то же явление двадцатью разными способами — и это будут двадцать разных произведений. В новелле Бранделло и «Ромео и Джульетте» Шекспира написано вроде одно и то же, разница в «как».

Есть мнение: «Писать надо так, чтобы читатель не замечал, как это написано, увлеченный лишь сутью». Но неквалифицированный читатель не видит, как плохо, в основном, пишутся детективы, зато Пруст для него сложен, Кортасар — искусственен: не замечается, во-первых, то, что посредственно и привычно, а во-вторых, заглаженное и внешне простое, в чем непросто заметить мастерство. Чем квалифицированнее читатель, тем яснее видно ему, насколько хорошо или плохо написана вещь. Повторим Гете: «Хорошая книга дарит двойное наслаждение: человеческое — от сопереживания рассказанному в ней, и эстетическое — от того, как она написана».

*(По книге М. Веллера**
«Долина идиотов»)

* *Веллер Михаил Иосифович (род в 1948 г.) — современный российский писатель, публицист.*

1. Какой аспект направления «Год литературы» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XXXI. Если бы не было в жизни Чехова церковного хора, спевок, то и не было бы рассказов «Святой ночью», «Студент», «Святые горы», «Архиерей», не было бы, может быть, и «Убийства» без такого его тонкого знания церковных служб и простых верующих душ. Сидение же в лавке дало ему раннее знание людей, сделало его взрослей, так как лавка его отца была клубом таганрогских обывателей, окрестных мужиков и афонских монахов. Конечно, кроме лавки, помогло

еще узнать людей и то, что он с шестнадцати лет жил среди чужих, зарабатывая себе на хлеб, а затем в Москве еще студентом много толкался в «мелкой прессе», где человеческие недостатки и даже пороки не очень скрываются. Помогла и профессия врача. Он чуть ли не с первых курсов стал летом работать в земских больницах в Новом Иерусалиме, в Воскресенске. Его брат, Иван Павлович, получил место учителя в церковноприходской школе, квартира была из четырех комнат, и семья Чеховых на лето приезжала к нему.

Потом они снимали флигель на летние месяцы в Бабкине, имении Киселевых, с которыми они очень сдружились. Это — была уже подмосковная. Отец М. В. Киселевой, Бегичев, был директором Малого театра, а потому у Киселевых вечно бывали актеры, музыканты, певцы, художники. У них Чехов вошел вместе с Марьей Павловной, которая очень подружилась с М. В. Киселевой, в артистическую среду, часто много слушал там у них серьезную музыку.

При его восприимчивости и наблюдательности семь лет в этих местах дали ему как писателю очень много. Ведь и «Унтер Пришибев» оттуда, и «Дочь Альбиона», и «Егерь», и «Злоумышленник», и «Хирургия», и «Налим»...

Меня поражает, как он моложе тридцати лет мог написать «Скучную историю», «Княгиню», «На пути», «Холодную кровь», «Тину», «Хористку», «Тиф»... Кроме художественного таланта, изумляет во всех этих рассказах знание жизни, глубокое проникновение в человеческую душу в такие еще молодые годы. Конечно, работа врача ему очень много дала в этом отношении. Он всегда говорил мне и профессору Россолимо, что благодаря ей область его наблюдений расширилась и обогатила его знаниями, настоящую цену которых для него как писателя может понять только врач. «Знание медицины меня избавило от многих ошибок, которых не избег и сам Толстой, например, в «Крейцеровой сонате».

Писание же в «Будильниках», «Зрителях», «Осколках», — научило его маленькому рассказу: извольте не переступить ста строк!

(По книге И. Бунина «О Чехове»)*

* Бунин Иван Алексеевич (1870–1953) — русский писатель, первый лауреат Нобелевской премии по литературе из России (1933 год).

1. Какой аспект направления «Год литературы» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XXXII. Его разговоры о литературе были совсем непохожи на те обычные профессиональные разговоры, которые так неприятны своей кружковой узостью, мелочностью своих чисто практических и чаще всего — личных интересов. Будучи прежде всего литератором, Чехов, однако, настолько резко отличался от большинства пишущих, что к нему даже не шло слово «литератор», как не идет оно, например, к Толстому. И поэтому разговоры о литературе Чехов заводил только тогда, когда знал, что его собеседник любит в литературе прежде всего искусство, бескорыстное и свободное.

— Никому не следует читать своих вещей до напечатания, — говорил он нередко. — А главное, никогда не следует слушать ничьих советов. Ошибся, соврал — пусть и ошибка будет принадлежать только тебе. После тех высоких требований, которые поставил своим мастерством Мопассан, трудно работать, но работать все же надо, особенно нам, русским, и в работе надо быть смелым. Есть большие собаки и есть маленькие собаки, но маленькие не должны смущаться существованием больших: все обязаны лаять — и лаять тем голосом, какой Господь Бог дал.

Все, что совершалось в литературном мире, было очень близко его сердцу, и много волнений пережил он среди той глупости, лжи, манерности и фокусничества, которые столь пышно цветут теперь в литературе. Но никогда я не замечал в его волнениях мелочной раздражительности, и никогда не примешивал он к ним личных чувств. Почти про всех умерших писателей говорят, что они радовались чужому успеху, что они были чужды самолюбия, и поэтому, если бы у меня была хоть тень сомнения относительно писательского самолюбия Чехова, я совсем не затронул бы вопроса о самолюбиях. Но он

действительно радовался от всего сердца всякому таланту, и не мог не радоваться: слово «бездарность» было, кажется, наивысшей бранью в его устах. К своим же успехам и неудачам он относился так, как мог относиться только он один.

Он работал почти двадцать пять лет, и сколько плоских и грубых упреков выслушал он за это время! Один из самых величайших и деликатнейших русских поэтов, он никогда не говорил языком проповедника. А можно ли при этом рассчитывать на понимание и благосклонность критики в России? И, конечно, не сладко было Чехову иметь таких критиков, и много горечи они влили в его душу, и без того отравленную русской жизнью. И горечь эта сказывалась, но опять-таки только *сказывалась*.

— Да, Антон Павлович, вот скоро и юбилей ваш будем праздновать!

— Знаю-с я эти юбилеи. Бранят человека двадцать пять лет на все корки, а потом дарят гусиное перо из алюминия и целый день несут над ним, со слезами и поцелуями, восторженную ахинею!

И чаще всего на разговоры о его славе и о том, что о нем пишут, он отвечал именно так — двумя-тремя словами или шуткой.

(По книге И. Бунина «О Чехове»)*

* *Бунин Иван Алексеевич (1870–1953)* — русский писатель, первый лауреат Нобелевской премии по литературе из России (1933 год).

1. Какой аспект направления «Год литературы» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XXXIII. Злым Чехова я никогда не видал; раздражался он редко, а если и раздражался, то изумительно умел владеть собой. Но и холодным я его не видал. Холоден он бывал, по его словам, только за работой, к которой он приступал всегда уже после того, как мысль и обра-

зы его будущего произведения становились ему совершенно ясны, и которую он исполнял почти всегда без перерывов, неукоснительно доводя до конца.

— Садиться писать нужно тогда, когда чувствуешь себя холодным, как лед,— сказал он однажды.

Но, конечно, это была совсем особая холодность. Ибо много ли среди русских писателей найдется таких, у которых душевная чуткость и сила восприимчивости были бы сложнее, больше чеховских?

Чтобы эта сложная и глубокая душа стала ясна, нужно, чтобы какой-нибудь очень большой и очень разносторонний человек написал книгу жизни и творчества этого «несравненного», по выражению Толстого, художника. Я же всей душой свидетельствую пока одно: это был человек редкого душевного благородства, воспитанности и изящества в самом лучшем значении этих слов, мягкости и деликатности при необыкновенной искренности и простоте, чуткости и нежности при редкой правдивости.

Быть правдивым и естественным, оставаясь в то же время пленительным, — это значит быть необыкновенной по красоте, цельности и силе натурой. И так часто говорил я здесь о спокойствии Чехова именно потому, что его спокойствие кажется мне свидетельствующим о редкой силе его натуры. Оно, я думаю, не покидало его даже в дни самого яркого расцвета его жизнерадостности, и, может быть, именно оно дало ему в молодости возможность не склониться ни перед чьим влиянием и начать работать так беспритязательно и в то же время так смело, «без всяких контрактов с своей совестью» и с таким неподражаемым мастерством.

Помните слова старого профессора в «Скучной истории»?

«Я не скажу, чтобы французские книжки были и умны, и талантливы, и благородны: но они не так скучны, как русские, и в них не редкость найти главный элемент творчества — чувство личной свободы...»

И вот этим-то чувством личной свободы и отличался Чехов, не терпевший, чтобы и других лишали ее, и становившийся даже резким и прямолинейным, когда видел, что на нее посягали.

Как известно, эта «свобода» не прошла ему даром, но Чехов был не из тех, у которых две души: одна для себя, другая — для публики. Успех, который он имел, очень долго, до смешного, не соответство-

вал его заслугам. Но сделал ли он за всю жизнь хоть малейшее усилие для того, чтобы увеличить свою популярность? Он буквально с болью и отвращением смотрел на все те приемы, какие нередко пускаются теперь в ход для приобретения успеха.

И его нежелание выставлять себя на вид доходило порой до крайностей.

Его сдержанность проистекала из великого аристократизма его духа и из его неустанного стремления быть точным в каждом своем слове. Придет время, когда поймут как следует и то, что это был не только «несравненный» художник, не только изумительный мастер слова, но и несравненный поэт... Только когда придет оно? Еще не скоро разгадают во всей полноте его тонкую и целомудренную поэзию, его силу и нежность.

(По книге И. Бунина «О Чехове»)*

* Бунин Иван Алексеевич (1870–1953) — русский писатель, первый лауреат Нобелевской премии по литературе из России (1933 год).

1. Какой аспект направления «Год литературы» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XXXIV. В восемьдесят шестом году 26 октября в «Новом времени» была напечатана его повесть «Тина». Чехов послал ее своей близкой знакомой М. В. Киселевой, владельнице Бабкина, где Чеховы проводили лето в восемьдесят пятом, восемьдесят шестом, восемьдесят седьмом годах.

Ответ он получил в конце года, возмущенный. Письмо полно негодования:

«...Присланный Вами фельетон мне совсем не нравится, хотя я убеждена, что к моему мнению присоединятся весьма и весьма не-

многие. Написан он хорошо, читающие мужчины пожалеют, что судьба не натолкнула их на подобную Сусанну, которая сумела бы распотешить их разнузданность, женщины втайне позавидуют ей, но большая часть публики прочтет с интересом и скажет: «Бойко пишет этот Чехов, молодец!» Может быть, вас удовлетворяют 115 рублей и эти отзывы, но мне лично досадно, что писатель *Вашего сорта* ¹, то есть не обделенный от Бога, — показывает мне только одну «навозную кучу». Грязью, негодаями, негодаяками кишит мир, и впечатления, производимые ими, не новы, но зато с какой благодарностью относишься к тому писателю, который, проведя вас через всю вонь навозной кучи, вдруг вытащит оттуда жемчужное зерно, — зачем же тогда одна куча? Дайте мне зерно, чтобы в моей памяти стушеввалась вся грязь обстановки, от Вас я вправе требовать этого, а других, не умеющих отстоять и найти человека между четвероногими животными, — я и читать не стану... Может быть, было бы лучше промолчать, но мне нестерпимо хотелось ругнуть Вас и Ваших мерзких редакторов, которые так равно душно портят Ваш талант. Будь я редактором, — я, для Вашей же пользы, вырезала бы Ваш этот фельетон... фельетон Ваш все-таки препротивный. Предоставьте писать подобные (по содержанию!) разным нищим духом и обездоленным судьбою «писателям».

Только через три недели Чехов написал ответ: «...У меня, и у Вас, и у критиков всего мира нет никаких прочных данных, чтобы иметь право отрицать эту литературу. Я не знаю, кто прав: Гомер, Шекспир, Лопе де Вега, вообще древние, не боявшиеся рыться в «навозной куче», но бывшие гораздо устойчивее нас в нравственном отношении, или же современные писатели, чопорные на бумаге, но холодноциничные в душе и в жизни? Я не знаю, у кого плохой вкус: у греков ли, которые не стыдились воспевать любовь такой, какова она есть на самом деле в прекрасной природе, или же у читателей Габорио, Марлитта, Пьера Бобо. Ссылка на Тургенева и Толстого, избегавших «навозной кучи», не проясняет этого вопроса. Их брезгливость ничего не доказывает: ведь было же раньше их поколение писателей, считавших грязью не только «негодяев с негодаяками», но даже описание мужиков и чиновников ниже титулярного... Художественная литература потому и называется художественной, что рисует жизнь такою, какова она есть на самом деле. Ее назначение — правда безусловная и че-

стная. Суживать ее функции такою специальностью, как добывание зерен, так же для нее смертельно, как если бы Вы заставили Левитана рисовать дерево, приказав ему не трогать грязной коры и пожелтевшей листвы... Для химиков нет ничего на земле нечистого. Литератор должен быть так же объективен, как химик; он должен отрешиться от житейской субъективности и знать, что навозные кучи в пейзаже играют очень почтенную роль, а злые страсти так же присущи жизни, как и добрые».

(По книге И. Бунина* «О Чехове»)

* Бунин Иван Алексеевич (1870–1953) — русский писатель, первый лауреат Нобелевской премии по литературе из России (1933 год).

1. Какой аспект направления «Год литературы» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XXXV. Мы приехали в Таганрог в тридцать первом году.

Отец мой — Александр Платонович Моррисон — был «переброшен поднимать» (бедолага русский язык!) газету «Таганрогская правда» в качестве её ответственного редактора. В Таганроге, кроме газетной работы, отнимающей не только дневные, но и ночные часы, отец обеспокоен был ещё тем, что попал на родину Чехова — его любимого писателя. Первым делом отправились мы на Чеховскую улицу. Держась за руку отца, я вошла под сень цветущих вишневых деревьев, чуть выше меня ростом.

Домишко поразил меня своими игрушечными размерами, внутри — следы запустения, особенно разительные рядом с белоснежным кипением за окном. Облупившиеся, затоптанные половицы, обои, засиженные мухами, несколько фотографий, едва различимых сквозь пыльные, треснувшие стекла.

Печка была набита скомканной бумагой. Отец потянул листок, расправил, поднес к свету.

— Не может быть! Верочка, это... это его автограф!

Мать взяла листок и, охнув, опустилась на единственный стул. Призвали какого-то старика сторожа.

— Дров-то не дают, — оправдывался он. — Не топить — так и так сырость все съест.

— И много пожгли?

— А кто ж считал? Там во-он еще сколько! (Остается предположить, что в те годы сюда были свезены неразобранные архивные документы, имеющие отношение к Чехову и его семье).

Отец занялся спасением уцелевшего, организацией дома-музея, розысками старожилов, знавших Чехова.

Так вошёл в наш дом и стал другом отца и церемонным поклонником мамы старик Туркин, сидевший на одной парте с Чеховым в гимназии.

Вместе с отцом он деятельно взялся за работу в музее: восстанавливал по памяти обстановку, разыскивал её остатки, фотографии.

Отец начал читать лекции о Чехове, которые собирали много публики. Они принесли отцу популярность. Все мало-мальски интересующиеся литературой люди тянулись к нему.

*(По книге Н. Морозовой**

«Мое пристрастие к Диккенсу: Семейная хроника. XX век»)

* Морозова Нелли Александровна (род. в 1924 г.) — российский киносценарист, редактор, мемуарист.

1. Какой аспект направления «Год литературы» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XXXVI. Популярность не тешила Михаила Михайловича Зощенко. Он не поддавался её дешёвым соблазнам и предпочитал оставаться в тени. Как-то, когда мы сидели с ним на скамейке на курорте в Сестрорецке и слушали музыку, подошла к нему какая-то застенчивая милая женщина и стала выражать ему свои нежные читательские чувства. Зощенко не дослушал её и ответил, как в свое время часто делал Гоголь и Репин:

— Вы не первая совершаете эту ошибку. Должно быть, я действительно похож на писателя Зощенко. Но я не Зощенко, я — Бондаревич.

И, повернувшись ко мне, продолжал начатый разговор.

О таких же случаях рассказывал мне впоследствии его верный оруженосец и друг Валя Стенич, талантливый переводчик иностранных романов, преданный литературе до страсти и отдававший всю душу своему любимому «Мише» (они были на вы, но называли друг друга «Миша» и «Валя»).

По словам Стенича, Зощенко где-то в Крыму, на курорте, прожил целый месяц инкогнито, под прикрытием фамилии «Бондаревич», спасаясь от докучливых поклонников обоего пола.

Зато в этом же самом сезоне было обнаружено пять или шесть самозванцев, которые на разных курортах выдавали себя за Зощенко и получали от этого изрядные выгоды.

(По книге К. Чуковского «Современники»)*

* *Чуковский Корней Иванович (1882–1969)* — русский советский поэт, публицист, литературный критик, переводчик и литературовед, детский писатель, журналист.

1. Какой аспект направления «Год литературы» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XXXVII. Как-то мы проходили с Михаилом Михайловичем Зошенко по Литейному проспекту в сторону Невского. К нам подошел незнакомый субъект и накинулся на него с упреком по поводу сюжетов его произведений:

— Где вы видели такой омерзительный быт? И такие скотские нравы? Теперь, когда моральный уровень...

Он не договорил — потому что в эту минуту случилось небольшое событие, которое, как это ни странно, послужило косвенным ответом на его укоризны. Жизнь как будто нарочно постаралась создать ситуацию, удивительно схожую с теми, какие Зошенко изображал в своих сатирических рассказах.

Мы в этот миг проходили мимо большого четырехэтажного дома, и вдруг прямо к нашим ногам упала откуда-то с неба ошипанная, обезглавленная, тощая курица. И тотчас из форточки самой верхней квартиры высунулся кто-то лохматый, с безумными от ужаса глазами и выкрикнул отчаянным голосом:

— Не трожьте мою курицу! Моя!

Прохожих на Литейном было много. Время стояло уже не слишком голодное, но каждый прохожий глядел на курицу с таким вожделением, что мы оба сочли своим долгом защищать её до последней минуты, чтобы она могла благополучно вернуться к своему обладателю.

Вот наконец и он. Выбегает из подворотни без шапки. Хватает курицу и, даже не взглянув на толпу, вскакивает, к нашему изумлению, на подножку трамвая и мгновенно исчезает вместе с курицей, потому что как раз в этом месте трамвай круто сворачивает на Семёновский мост.

Не успели мы догадаться, что сделались жертвой обмана, что схвативший курицу вовсе не тот человек, который кричал из окна, как настоящий её владелец налетел на нас ястребом, непоколебимо уверенный, что мы-то и есть похитители курицы и что жулик, так ловко надувший и нас, и его, на самом-то деле наш сообщник.

В толпе выразили такое же мнение, особенно те, что хотели сами завладеть этой курицей.

Вся сцена была словно выхвачена из зощенковских «Уважаемых граждан».

Когда наконец нам удалось ускользнуть от раздраженной толпы, обвинявшей нас в похищении курицы, Зошенко усмехнулся своей

медленной, томной, усталой улыбкой и тихо сказал обличителю, с которым мы говорили до этой сцены:

— Теперь, я думаю, вы сами увидели...

В голосе его не было ни торжества, ни злорадства. Лицо у него странно потемнело, и походка стала еще более похожа на чаплинскую — трудная и грустная походка обиженного жизнью человека.

И я уже не впервые заметил, что, когда ему приходилось каким бы то ни было образом сталкиваться с уродливыми нравами, он испытывал боль. Он так и написал в «Голубой книге» о своей профессии сатирика: она «утомляет ум, предрасполагает к меланхолии..., портит характер...»

(По книге К. Чуковского
«Современники»)*

* *Чуковский Корней Иванович (1882–1969)* — русский советский поэт, публицист, литературный критик, переводчик и литературовед, детский писатель, журналист.

1. Какой аспект направления «Год литературы» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XXXVIII. Мне вспоминается небольшой эпизод, показавший, что Зощенко не только в статьях и рассказах, но и в реальной действительности жаждал быть исправителем нравов.

Жил тогда в Ленинграде один литератор, довольно способный, но гаденький. Звали его Тиняков. Когда-то он сочинял очень неплохие стихи в неоклассическом стиле. Потом вдруг стал торговать из-под полы непристойными виршами.

Потом нашел себе другую профессию: повесил на шею плакат. Начертал на нем крупными буквами слово «ПИСАТЕЛЬ» и встал на Литейном проспекте в позе стыдливового интеллигентного нищего.

Весь его облик был в полном соответствии с вывеской: волосы до плеч, бородка клинышком, в глазах благородная гражданская скорбь. И в довершение типичности: фетровая мягкая шляпа да изодранный порыжелый портфель.

Деньги так и сыпались к писателю: сердобольные старушки, инвалиды, учителя и учительницы — люди, которые были гораздо беднее его, — охотно отдавали ему свои последние деньги.

Было ему в то время лет тридцать семь, а пожалуй, и меньше. К вечеру, когда его рваный портфель был порядком отягощен медяками, он снимал свою бесстыжую вывеску и направлялся в закусную, где услаждал себя дорогими питиями и яствами, недоступными для большинства ленинградцев. Это повторялось ежедневно из месяца в месяц.

Все мы видели этого нищего и брезгливо сторонились его.

Никто и не подумал о том, чтобы как-нибудь изменить его жизнь.

Но вот по Литейному прошел Зощенко, и на глаза ему попался Тиняков.

— Сколько денег, — сурово спросил он у нищего, — вы добываете в месяц при помощи этой комедии?

Тот задумался:

— Сорок червонцев.

— Вот вам двадцать за полмесяца вперед — и сейчас же уходите отсюда! Не позорьте литературу... ступайте!

Нищий взял деньги, заулыбался, закланялся. Снял с шеи свою вывеску и сказал деловито:

— За остальными я приду к вам в редакцию ровно через две недели, такого-то марта.

Но едва только Зощенко ушел от него, он снова напялил вывеску и вернулся на прежнее место.

Зощенко, увидев его на обратном пути, потребовал, чтобы он сейчас же ушел и не смел возвращаться сюда.

Нищий неохотно покорился.

По прошествии нескольких дней я, проходя со приятелем мимо летнего сада, увидел Тинякова у самых ворот, возле урны, с той же постной физиономией мученика, с той же вывеской и с тем же портфелем.

— Но ведь вы обещали Михаилу Михайловичу...

— Обещал насчет Литейного. И свято держу свое слово. А насчет Летнего сада у нас разговора не было! — ответил «писатель» с нагловатой усмешкой. — К тому же я продешевил... по наивности...

Впрочем, дело не в нем, а в Михаиле Михайловиче, который не мог допустить, чтобы звание писателя было втоптанно в грязь.

Однако их встреча на Литейном была не последней.

«Я, — напишет Зощенко, — встретил Тинякова год спустя. Он уже потерял человеческий облик. Он был грязен, пьян, оборван. Космы седых волос торчали из-под шляпы. На его груди висела картонка с надписью: «Подайте бывшему поэту». Хватая за руки прохожих и грубо бранясь, Тиняков требовал денег.

Образ этого поэта, образ нищего, остался в моей памяти, как самое ужасное видение из всего того, что я встретил в моей жизни».

(По книге К. Чуковского*
«Современники»)

* *Чуковский Корней Иванович (1882–1969)* — русский советский поэт, публицист, литературный критик, переводчик и литературовед, детский писатель, журналист.

1. Какой аспект направления «Год литературы» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

XXXIX. Почти три года на театре не было видно-слышно Гришкова с новым произведением. И вот наконец он представил Москве премьеру — «Прощание с бумагой». За талантливого писателя и универсального исполнителя я очень порадовалась. Хотя все-таки грустно стало как-то.

На сей раз поводом стала бумага. Обыкновенная бумага, без которой трудно себе представить жизнь всякого с самого рождения: человеку выдают свидетельство, то есть документ, фиксирующий его су-

ществование на земле. Дальше — школа, чистописание, сбор макулатуры, книжные магазины и выражение «рукописи не горят». Так вот, Евгений Гришковец художественно фиксирует момент исчезновения бумаги из нашей жизни.

За час до спектакля человек-театр Евгений Гришковец ответил на мои вопросы.

— Женя, с чего ты решил проститься с бумагой? Она тебя огорчила чем-то?

— Отправной точкой стало появление iPad. До него уже появилась электронная читалка — электронная книга, но это особо не влияло на общение читателей-писателей. Но с появлением iPad'а это ощутили не только писатели, но и издатели, владельцы типографий. Началось революционное падение тиражей. В какой-то момент я понял, что моя дочь, которой на днях исполнилось 17 лет, не хочет писать, воспринимает писание ручкой по бумаге как нечто устаревшее. А сын если в первом классе безоговорочно писал, то сейчас понял, что ему это никогда не пригодится.

— Как в советское время — иностранный язык: вроде учишь, но точно знаешь, что не используешь.

— Конечно. Но «Прощание с бумагой» меня интересовало с точки зрения художественной, я стал думать. Человечество две тысячи лет писало на бумаге и не представляло себе другого носителя не только информации, но и содержания. Настолько человек еще не представляет себя без книги, что компьютеры изображают книгу — это лист А4. Есть же здесь курьезные вещи.

— Что ты имеешь в виду?

— Мы расстанемся не с бумагой, а расстанемся с образом жизни. Уже не будет многих моментов, связанных, например, с литературой и искусством. Последнее поколение писателей не оставит черновиков, и мы не будем знать, как они работали над текстом, — нечего будет изучать. Не будет рисунков на полях...

Наши дети будут людьми без почерка. А почерк всегда был носителем дополнительной информации о человеке. По почерку любимого человека можно было понять, особенно в письме, в каком настроении он его писал: утром начал, торопился, — это видно, потом занервничал... Только бумага это хранит.

— Мне страшно тебя слышать, Женя.

— Мы не ведаем, что будет. Человечество никогда не жило с тем, чтобы не пользоваться памятью. А теперь мы перестали пользоваться памятью как инструментом. Зачем? Если память лежит, отдельно выделенная, в кармане? Сколько мы помнили телефонных номеров, адресов! Узелки перестали завязывать на память. А если завяжем, то тут же полезем в компьютер или телефон, чтобы вспомнить, по какому случаю завязали...

— Извини, Женя, а у тебя лично какие отношения с этими незаменимыми электронными предметами?

— В моей жизни всё это имеет малое значение. Я от этого отказался сознательно. Я три с половиной года активно присутствовал в социальной сети, в своем ЖЖ. И я оттуда вышел. Сознательно. Навсегда. У меня нет компьютера, я не пользуюсь Интернетом, электронной почтой. У меня есть только мобильный телефон, поскольку я большей частью нахожусь не дома и у меня трое детей. Значимые письма мне распечатывают на бумаге — они приходят в мой офис или на имя моей жены. Это экономит мне очень много времени, поскольку я вряд ли смогу совладать с теми соблазнами, которые предлагает мне Интернет. Я помню, как не спал, нервничал, отвечая на чьи-то комментарии...

— Ты как курильщик, бросивший сигареты.

— Нет, это другое. Я просто устал от этого, и мне не интересно. «А что там пишут про меня в Сети?...» Так человек никогда еще не общался. Но я убежден, что мы доживем до того момента, когда люди массово будут уходить из соцсетей. Это будет мода. Как сейчас есть мода обратная. Между прочим, на поддержку этой моды работает гигантская индустрия, задействованы такие гигантские деньги, которые сопоставимы только с нефтяной промышленностью. Людям надо понять, что человеческое общение — оно незаменимо. Всё остальное — фикция.

— Но ведь люди знакомятся по Интернету.

— Да, они знакомятся там. Они тратят так много времени на это фиктивное интернет-общение, что когда встречаются — как правило, у них ничего не получается. Это редчайший случай, когда из интернет-романов получается хоть какая-то реальная история.

— Последний вопрос — не боишься, что после такого спектакля тебе скажут: «Вы, Женя, старый, ничего не понимаете в современной жизни».

— Нет, не боюсь. На мои спектакли приходят люди моложе меня и, что удивляет, даже возраста моей дочери. Мое художественное послание — то самое непостижимое смятение перед жизнью. Ну да, так случилось — мы с чем-то расстаемся навсегда.

(Из интервью Е. Гришкова М. Райкиной)*

** Гришковец Евгений Валерьевич (род. в 1967 г.) — российский драматург, театральный режиссёр, актёр, писатель.*

1. Какой аспект направления «Год литературы» раскрывается в данном тексте?
2. Сформулируйте тезис, который вы сможете проиллюстрировать (подтвердить) данным текстом-примером.
3. Напишите небольшой текст как часть итогового сочинения. Для подтверждения сформулированного тезиса используйте предложенный текст.

I. Привычно думать, что от творчества актера не остается после его смерти ничего, кроме воспоминаний современников. Великие вдохновения поэтов и художников, облеченные в образы, передаются потомству во всей их силе, красоте и неприкосновенности. В иных условиях находится вдохновение актера. По словам Шиллера:

Его мгновенное создание
Бесследно гибнет вместе с ним...

При жизни актер — творец. Он учит, и волнует, и очаровывает. А умирает актер — и не остаются без него жить его создания. Они живут только в сердцах свидетелей. Но и свидетели не бессмертны.

Вот почему все могущее осветить тайну творчества актера, пролить свет на его артистическую работу и на его жизнь, является полным смыслом и значения.

К счастью, история русского театра, деятельность, жизнь и творчество нашли живое отражение в Бахрушинском музее, который по сохранным от разрушения и потери предметам и документам, рисующим душу актера, дает потомкам лучше всякого современника представление о культурных заслугах и об историческом значении как самих актеров, так и их работников.

Среди всегдашних посетителей московских театральных премьер начала двадцатого века нельзя не вспомнить высокого, сухощавого человека, коллекционера Бахрушина, в течение десятков лет не пропустившего ни одной постановки.

Как в театральном зале, так и на улицах, и на Сухаревском рынке — всюду интересовался он театром, театральными предметами, актерскими вещами, старыми портретами, письмами, дневниками и т. п. К этим его интересам в свое время многие склонны были относиться с улыбкой, как к непонятному чудачеству, и даже называли его нередко «театральным старьевщиком» за то, что он собирал и иногда выпрашивал и, что страннее всего, даже покупал, платя за разное старье хорошие деньги. В то время вряд ли кто-нибудь серьезно думал, что Бахрушин соберет такой театральный музей, кото-

рый по значению своему будет известен не только в России, но и далеко за ее пределами.

(По книге Н. Телешова* «Записки писателя»)

* Телешов Николай Дмитриевич (1867–1957) — русский советский писатель, потомственный почетный гражданин Москвы.

II. В начале октября сорок первого года, когда Ленинград был уже окружен плотным кольцом немцев и штурм города не прекращался ни на минуту, рано утром в телефонной трубке раздался голос тети Вари:

— Лялочка... Приезжай проститься с бабушкой.

Я не поняла ее, изумилась, но от другого.

— Тетя Варя... Как же ты думаешь эвакуировать ее? Ведь дорого-то от нас больше нет...

— Она не эвакуируется, Лялочка. Она умирает.

«Ну и что?» — чуть не сказала я: что-то не доходило до меня.

— Она умирает, Лялочка, и хочет с тобой проститься...

— Тетя Варя, — забормотала я, совсем растерявшись, — у нас сегодня в райкоме срочное совещание политорганизаторов... А я ведь политорганизатор... — Но вдруг, перебивая меня, косо пронеслась мысль, пока я лопотала: «Сколько же лет я не видела бабу Машу? Пойди, постои... Больше двух лет... Живя рядом... А она перед смертью...»

И вдруг она предстала перед глазами такая, как в детство: маленькая, вечно и споро работающая, ласково ворчливая, добрая-добрая... Моя бабушка... Моя добрая, старенькая, последняя бабушка...

— Тетя Варя! — крикнула я. — Я сейчас приеду. Я... я успею!

— Думаю, успеешь.

— Я еду, тетя Варя!

...Я соскочила с площадки. Действительно, высоко над головой с плачущим стоном пронеслись снаряды и рвались где-то впереди, — там, где был Палевский проспект. «Там бой... Наверное, за Мурзинку... А может, уже за папину фабрику?» Протяжно воя, пронесся совсем низко снаряд, и через несколько секунд послышался взрыв — и опять там, в перспективе Шлиссельбургского, где был мой дом... И вдруг леденящая мысль обдала меня: «А если этот в наш дом?» И мне

так страстно захотелось еще раз увидеть наш дом, и бабушку, и родных, так жалось сердце, что, не чувствуя страха, я почти бегом устремилась по проспекту на Палевский, на ходу выхватив из противогоза на всякий случай оба свои пропуска: «пропуск для хождения по улицам во время ВТ» и «пропуск для проезда и прохода на фронт из г. Ленинграда и обратно».

Крепко держа оба пропуска в правой руке, левой придерживая сердце, я бежала к дому, где родилась, откуда открылся мир, первая любовь, к дому, откуда ушла в двадцать лет, презирая его и его обитателей за их «мещанскую сущность», к дому, который почти забыла, — я бежала к нему под гнусным воем снарядов, задыхаясь и обмирая от горя, что, может быть, не увижу его еще один раз. О, хоть раз! Хоть один раз...

Он был цел!

...В той комнате, которую я помнила с детства, большое трюмо в простенке между окон уже совсем умерло — оно было подернуто как бы вечным туманом и ничего больше не отражало. В комнате было светло — это серебряные, смертельно урчащие облака освещали ее. Томной была только большущая икона Николая Чудотворца в углу, которой боялись мы с детства. Красная лампадка горела перед Николаем Угодником, и поэтому выступающее из сплошного черного поля коричневое надменно-строгое лицо старца в митре, похожей на часоу венку, казалось еще неумолимее и мертвеннее.

Я восприняла в одно мгновение самое поразительное: необычайное, почти торжественное спокойствие, царившее здесь, и гордую в невероятной простоте своей умирающую бабушку. Тетя Варя в козынке сестры милосердия с красным крестиком посередине стояла у нее в ногах.

Увидев меня, она спокойно подошла, поцеловала нежно и спокойно и негромко сказала:

— Она еще в сознании. Она будет рада тебе.

Я почему-то стащила платок с головы и подошла к постели бабушки. Сильный взрыв в этот миг сотряс наш домишко, красная лампадка перед бесстрастным ликом угодника закачалась из стороны в сторону, тетя Варя, став на цыпочки, остановила ее рукой. А бабушка лежала на подушках, по-крестьянски повязанная белым платочком; ее лицо стало совсем-совсем маленьким и морщинистым, глаза запали

очень глубоко, но смотрели из впадин своих умно и просветленно, как-то особенно по-живому мерца. Но больше всего меня поразили ее сложенные на груди руки: они казались непомерно громадными — столько узлов и мозолей было на пальцах, такие вздувшиеся, крупные, синие вены увивали их. Это были руки женщины, которая из своих восьмидесяти семи лет работала ровно восемьдесят, руки матери, которая родила, кормила, пеленала и поднимала четырнадцать человек детей и множество внуков и даже правнуков, и пережила и похоронила многих из них, и закрывала им глаза этими же руками, и бросала первую горсть земли в их могилы. Я глядела на ее махонькое, чуть теплящееся лицо, на живо мерцающие глаза и на ее огромные руки с небывалым трепетом, почти со страхом, и вдруг подумала, что за всю свою жизнь я ничего хорошего не сделала и даже не сказала бабушке — вот с этими живыми глазами, с этими руками. Как я могла, чтобы так получилось? Я вспомнила вдруг так же, как она водила меня в баню, сажала в шайку с «холодненькой» водичкой, высасывала из глаз шипучее мыло и потом покупала у ворот бани черный и дико сладкий «рожок» или давала выпить кисленького квасу. А я? Что я сделала хорошего ей, тете Варе, отцу? Ничего. Мне не до них было, мне было некогда: своя жизнь — построение своей новой семьи, — ах, не до них мне было, не до них! Я новое общество строила, а тут бабушка и тети с ихними «днем ангела» и еще какой-то мещанской суетней...

Бабушка моя находилась как бы в полузабытьи, глядя на стену, когда я присела около.

— Мама, — окликнула ее тетя Варя, — к вам Ляля пришла проститься.

Глаза ее стали живее, и огромные руки зашевелились.

— Варька, — сказала она строго, — что ж ты госпиталь в такое время бросила?

— Там меня заменяют, мама, — покорно ответила тетя Варя и повторила: — К вам Лялечка пришла, вы видите?

Бабушка повернула ко мне голову, долго молча глядела на меня с неизъяснимой нежностью и любовью.

— Лялечка... внучка моя первая... Дай я тебя благословлю. Не рассердишься?

— Нет, бабушка, — ответила я.

И вновь сильный взрыв шатнул наш старый дом, пока она узловатой, почти чугуновой на вид, но легчайшей своей рукой медленно благословила меня. Я прижалась губами к ее руке, уже прохладной.

— Ну вот, — шелестела она еле слышно, но внятно, — ну, хоть одну внучку повидала...

И вдруг неведомое доселе чувство, похожее на разгорающееся зарево, начало подниматься во мне.

«Вот как она умирает: не спеша, торжественно... Вот прощается, благословляет... Это все, чем может она принять участие в войне... Это ее последний труд в жизни. Не смерть — последнее деяние. По-русски умирает, верней, отходят — истово, все понимая. И не в боге для нее дело, совсем не в боге. Говорили, когда умирал Павлов, он следил за своим состоянием и диктовал свои ощущения ассистенту, сидевшему около. И вот к нему постучали, хотели войти, но он ответил: «Павлов занят — Павлов умирает». Гений человечества — и темная моя бабушка... Впрочем, почему же она темная? Разве трудиться, любить, без конца любить, так, чтоб в последний час свой помнить о родных, о родине, — это не чистейшие вершины духа? Итак, гений Павлов и бабушка моя умирали одинаково — бесстрашно и все время помня о жизни, и во имя ее совершая последние деяния... Но ведь это вовсе не смерть, это вызов... Вызов бушующей кругом, насланной на нас смерти. Это воинская смерть. Но разве ж и мы не так умираем? Мы, те, кто под снарядами и кто дерется там, в этих урчащих облаках? Так! Не замечая смерти, помня только о жизни. А раз так, значит... значит, смерти просто нет, и не надо ее ничуть бояться. Неужели же это правда, что ее нет?»

Примерно так, наступая друг на друга, повторяясь, неслись мысли. И невольно я отдернула руку свою от холодеющих ладоней бабушки и взглянула на ручные часы. «Мне же надо на объект и потом в райком и на радио...» Она уловила мой жест и ласково, чуть снисходительно улыбнулась, как улыбается взрослый над оплошавшем ребенком.

— Ступай, Лялечка, — прошептала она нежно, — ступай, родная, не жди... меня...

— Бабушка, ты прости меня, — ответила я так, точно прощалась с ней не навсегда, а до завтра, — мне действительно надо бежать, понимаешь...

— Я все понимаю, внученька, деточка, иди... Иди!

(По книге О. Берггольц «Дневные звезды»)*

* *Берггольц Ольга Федоровна (1910–1975)* — русская советская поэтесса, прозаик.

III. Однажды я пришел в гости к смотрительнице Эрмитажа Елизавете Евграфовне. Она рассказала, как во время войны пыталась встретиться с женихом.

«Раз ночью постучала ко мне Вероника, местная, наша, из сельпо. «Лиз, говорит, твой в Озерах стоит с частью, бежи». Мне и надо было в ту же минуту... А я не хотела пустая, думаю, затосковал, чай, на солдатских сухарях, картошки напекла. Мешок... Вышла, темным-темно, осень. А не рано уже было, утро, часа четыре, не меньше... Озера — это местность от нас верстах в пятнадцати, удивительная, серебряная от мелкой воды. С мешком не шибко побежишь. Вижу, состав стоит открытый, с большими пушками в чехлах. Семафор ему пути не дает. У пушки — по солдату. Ну, засемила я, засемила от пушки к пушке. Нашла человека постарше, солидного, бывалого. Поклонилась ему. Посадил... Поехали... А я удаче боюсь поверить. Мешок обняла, чуть не реву. Дорога-то железная те самые Озера режет. Конечно, состав ради меня не остановится: ничего, думаю, изловчусь, картошка не расшибется, а и я не из золота. А тут семафор опять пути нам не дал, и пошел от паровоза комендант ихний, молодой, тонколицый, увидел меня: «Мешочница? Вон!» — «Пожалей бабу», — заступился было пожилой. «Это тебе телега, — закричал на него, — или воинский эшелон?» Ну, опечалилась, погубила хорошего человека. Съехала с мешком наземь и побегла... Верст десять с лихвой оставалось, недолго поблаженствовала у пушки. Бежи, твержу себе, бежи, до солнца успеешь, во тьме, тешу себя, не уйдут. Солнце уж в Озерах полыхало, когда дотаскилась. Вижу — ребята в шинелях на ворохах листьев лежат. Я к ним: «Антон Иванев не видали?» — «Нас тут тыща, — отвечают, — ищи». Раза три обежала Озера, пока не попыталась: ушел с рассветом. Села я рядом с мешком, подошел ко мне один, наклонился: «Не убивайся, говорит, мать, ведь не мертвый — живой!» Ну, думаю, умаяла меня ночь, если из девок в матери записал. Может, и к лучшему, что мой не увидел меня старой. А этот утешает весело, нежно: «Ты радуйся, мать, ты ликуй, пока живой!..» Раздала я солдатикам печеную картошку и матерью истинно себя

почувствовала, повеселела даже. А этот улеживает, не устает: «Ты радуйся, ты ликуй...» — Она перевела дыхание. — Похоронную получили через месяц. После этого, — усмехнулась, — лет пять с лишком не могла видеть картошки. Из-за тебя, думаю, последней радости в жизни лишилась. — Помолчала, посуровела. — Ничего, невеста не жена. Бабы теряли больше».

Когда я возвращался домой, то думал о том, как сокровенно, бесстрашно и юно она, казавшаяся мне старухой, назвала сейчас себя невестой...

Осенью я получил от Елизаветы Евграфовны письмо.

«Не отвечала я Вам, — писала она, — потому что доктора положили надолго в больницу. В деревне жила — не болела, босиком по морозу бегала, и лихоманки не липли, а в городе у вас рассохлась.

Я Вам не рассказала тогда за чаем, что после сестры моей старшей, покойницы, пятеро осталось, я и растила их, некому было больше, мужик ее с войны не вернулся. Вымахали четверо, разлетелись, пишут теперь иногда. Андрей пишет. Девкам-то, ясное дело, не до меня, собственные дети пошли. А Андрей шастает по земле, пишет редко, но весело. Я одно его письмо озорное тут в палате читала, так дежурный доктор забегал: шумновато, мол, для лечебницы.

Это сейчас я веселюсь, вытащили меня из беды, обласкали, вот и сама людей утешаю, а первоначалу боялась до ужаса. Перед операцией сон увидела, будто наклонилась я, а сердце у меня и выпало. Я подняла его с земли, а оно ветхое-ветхое. Я и заплакала над ним: как, думаю, с таким дальше жить буду? А утром на столе ободрилась, посмотрела вокруг, вижу, стоят они в белых халатах, молодые, красивые; неужели, думаю, одну старую дуру не спасут? Помахали на меня, и начала я засыпать, но не заснула и убоялась, что начнут они до полного сна. Говорю: «А ведь я-то не уснула, нет», а они рассмеялись весело. Потом укололи меня возле плеча, и я начала засыпать понастоящему; и чувствую, наклонился ко мне кто-то, я не удержалась и последним усилием посмотрела на него, на их самого видного доктора, и до того захотелось мне сказать ему что-то доброе, хорошее. А вышло по-дурацки: лицо у вас, лицо, говорю, у вас такое... И заснула как мертвая».

Я читал письмо и вспоминал ее лицо. Жила в этом лице человеческая судьба, обыкновенная и странная: с детьми, трудом, войной, на-

деждами, похоронами, нерастрченным сердцем, одиночеством, усталостью и тоской по работе. Я увидел ее жизнь, понял и то, чем она была, и то, чем она не стала.

Нет в мире ничего важнее человека, который перед тобой. Понимание человека, пульсирующее уже в самом первоначальном восприятии его, должно быть в о с к р е ш е н и е м самого лучшего, что было и что м о г л о быть в его судьбе.

(По книге Е. Богата «Письма из Эрмитажа»)*

* *Богат Евгений Михайлович (1923–1985)* — советский журналист, писатель.

IV. Уже не раз горел Рим, уже сожгли Александрийскую библиотеку, уже фанатики линчевали Гипатию — выдающуюся женщину, посвятившую себя в изуверский век философии и математике.

Уже были разграблены сокровищницы искусств, готы, остготы, вандалы, гунны топтали дымящиеся обломки великой античной цивилизации. В этом пустынном, расчеловеченном мире, полном суеверий и жестокости, сохранялись редкие оазисы — усадьбы римских аристократов, где берегли бесценные манускрипты, читали Аристотеля, беседовали о Пифагоре, Платоне и Плотине... Но выйти из усадьбы на дорогу было опасно. Да и сами дороги умирали: не было ни торговли, ни почты, мир распадался, жизнь замыкалась в тесных рамках.

Именно в это время и в этом мире и жил римский философ Боэций.

Что нам о нем известно? Он был сенатором-министром короля Италии остгота Теодориха, потом обвинен в заговоре, заключен в башню в городе Павия. И казнен.

Ожидая казни, Боэций написал книгу «Об утешении философией» — возвышенное повествование о богатстве человеческого духа. В этом сочинении он выразил замечательную мысль, которой Спиноза через тысячелетие сообщил точность и остроту афоризма: «Счастье — не награда за добродетель, а сама добродетель». Насколько мне известно, ни одному историку не удалось установить, действительно ли Боэций участвовал в государственном заговоре, но то, что он казнен

был королем Теодорихом «по заслугам», сомнению не подлежит. Его не могли не казнить в эпоху, когда линчевали женщин-математиков и разбивали античный мрамор.

Книга «Об утешении философией» исполнена величавой безмятежности. Боэций верит, несмотря ни на что, в гармонию мира, в мудрые «основания бытия». Он говорит жизни «да». И это «да» потрясает, когда обнимаешь воображением его эпоху, возможно, послужившую американским писателям-фантастам моделью для изображения «постводородного мира».

Книга «Об утешении философией» переводилась на русский язык, к сожалению, только в отрывках. Половина сочинения написана стихами. Это, по замыслу Боэция, голос самой философии, и она утверждает высшую истину о «творениях»: «Все к добру они тянутся вечно, как единственной мыслимой цели».

(По повести Е. Богата «Вечный человек»)*

* *Богат Евгений Михайлович (1923–1985)* — советский журналист, писатель.

V. Мальчиком лет десяти, обследуя чердак, я извлек из вороха пыльных растрепанных журналов книжку с оторванным наполовину переплетом и без начала. Буковки чернели на нежной, тающей под пальцами, почти папиросной бумаге. Маленькая, изящная, она устойчиво лежала на детской ладони и была похожа на изломанную редкую игрушку.

Я зачитывался тогда Андерсеном и подумал, что и эта книжка, наверное, полна его историй, да и она сама, казалось, жила в этой чердачной пыли рядом со старыми чудодейственными калошами и мудрыми веселыми мышами.

Я унес ее домой, начал читать, надеясь, что вот-вот — нужна лишь минута терпения — войду в мир, похожий на мир Андерсена, и читал час, второй, ничего не понимая, пока не заболела голова. Но я читал даром, потому что дотащился до строки, которая меня поразила. «Помни, — обратился ко мне безвестный человек, написавший эту книжку, — ты — достославный ваятель самого себя». Строка легла в память, как в воск. В ней чувствовалась тайна и побуждающая к действию сила. Как и многие мальчишки, я пытался лепить, вырезал

из дерева и успел уже изведать сопротивление даже легких, уступчивых материалов. Ваятель же имеет дело с камнем! И вот, если верить книжке, камень — это... я сам? И ваятель тоже будто бы я?!

Это хотелось понять. Строка бередила воображение не меньше историй Андерсена, чему содействовало и торжественное определение «достославный».

Я должен что-то делать, дабы стать достославным. Но что?

В войну ценность книжки из-за тончайшей бумаги возросла, и нам удалось обменять ее у соседа, отчаянного курильщика, на большую меру картошки.

А через ряд лет, мирным летним московским вечером, она вернулась ко мне в одном из тишайших залов Ленинской библиотеки. Она вернулась строгая, в темном переплете, с титульным листом, на котором стояло имя Пико делла Мирандола.

Я изучал итальянское Возрождение, а человек с этим именем был одним из самых обаятельных его героев. Даже в ту весьма щедрую на разносторонние таланты эпоху он удивлял современников: в десять лет, если верить восторженным воспоминаниям, был первым поэтом и оратором Италии. В ранней юности он писал и читал на двадцати двух языках (потом овладел еще несколькими), в нем сочетались философия и поэзия. Его сочинения были отмечены возвышенностью мысли и верой в человека. Церковь объявила их еретическими. Если бы Мирандола родился лет на сто раньше или на пятьдесят позже, когда Ватикан обращался с еретиками более решительно, его бы, возможно, сожгли. Но ему выпало жить в десятилетия, отмеченные относительной религиозной терпимостью, и аутодафе¹ стало уделом только его сочинений. Сам же поэт и мыслитель удалился в замок, где тридцати одного года и умер, как пишут его биографы, «от непосильной умственной работы».

Раньше я читал о нем, но ни разу не держал в руках самого Пико делла Мирандола; не удавалось найти. И вот на моей ладони он. И мне кажется, я узнаю его памятью детства.

А через час не остается и малейших сомнений: в речи «О достоинстве человека» меня ожидает строка — «достославный ваятель самого себя».

¹ Аутодафе́ — обряд публичного сожжения еретиков и еретических сочинений по приговору инквизиции в средневековой Европе.

В речи этой Мирандола рассматривает человека как высшую форму бытия, в которой заложены неисчерпаемые возможности для нравственного и умственного развития. Он ставит человека в середине космоса и утверждает, что самое великое его счастье — «быть тем, чем он захочет!».

Через 450 лет поэт середины XX века напишет об этом более земно и буднично точно:

Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

Эти два голоса — Пико делла Мирандола и Николая Заболоцкого — долго соседствовали во мне.

(По повести Е. Богата «Вечный человек»)*

* *Богат Евгений Михайлович (1923–1985)* — советский журналист, писатель.

VI. Когда Стендаль написал книгу «О любви», ему было около сорока лет; он перед этим воевал, странствовал, любил, испытал удары судьбы, изучал характеры и нравы эпохи; сам он называл эту ни на что не похожую книгу путешествием в малоисследованные области человеческого сердца.

Но путешествия бывают различными: путешествуют и беспечные туристы, и отважные мореплаватели, и ученые-непоседы: этнографы или вулканологи. Путешествие Стендаля в малоизвестные области человеческого сердца достойно, мне кажется, открывателя новых земель и исследователя вулканов.

И в то же время оно намного кропотливее: он исследует тончайшие оттенки, мельчайшие подробности, еле уловимые изменения душевной жизни человека, который любит или не любит. Он делает множество открытий, то есть видит то, что видели до него (как замечали все и до Ньютона падающие яблоки), но извлекает из этого видимого нравственные закономерности. Он устанавливает, что ценность и высший смысл неразделенной любви в ощущении возможности бесконечного счастья, которое зависит от одного слова,

от одной улыбки; он пишет о склонности любой любви извлекать больше горести из горестных событий, чем счастья из счастливых; он отмечает, что в самой сильной страсти бывают минуты, когда человеку кажется, что он больше не любит, — словно струя пресной воды в открытом море.

Определения в этой книге вообще точны поразительно. Это мудрый и изящный лаконизм формул.

«Чем сильнее у человека характер, тем менее склонен он к непостоянству».

«Красота есть обещание счастья».

Стендаль исследует любовь. В этой книге он вводит новый термин — «кристаллизация». Этим необычным, смущавшим порой его самого словом Стендаль определял лихорадку воображения, благодаря которой любимый человек наделяется всеми мыслимыми и немыслимыми совершенствами, становится существом исключительным. Нечто похожее бывает с оголенной за зиму веткой дерева, если кинуть ее в глубину соляных копей: она покрывается большими блестящими кристаллами, делается неузнаваемой.

Рождение кристаллов, как известно из науки, несмотря на сложность и изменчивость форм, подвластно математически точным законам. Стендаль хотел открыть такие законы в жизни человеческого сердца. Книга эта написана стареющим человеком, в котором не умер мальчик, фанатически влюбленный в уравнения, верящий, что только с их помощью можно найти и определить истину.

(По повести Е. Богата «Ахилл и черепаха»)*

* *Богат Евгений Михайлович (1923–1985)* — советский журналист, писатель.

VII. Сдержанность Чехова сказывалась и во многом другом, более важном, свидетельствуя о редкой силе его натуры. Кто, например, слышал от него жалобы? А причин для жалоб было много. Он начал работать в большой семье, терпевшей в ту пору его молодости нужду, и работал мало того что за гроши, но еще и в обстановке, способной угасить самое пылкое вдохновение: в маленькой квартирке, среди говора и шума, часто на краешке стола, вокруг которого сидела не толь-

ко вся семья, но еще несколько человек гостей-студентов. Он долго нуждался и потом... Но никто и никогда не слышал от него сетований на судьбу, и это вытекало не из скрытности его характера и не из ограниченности его потребностей: будучи на редкость благородно-скромным в своем образе жизни, он в то же время прямо-таки ненавидел серую, скучную жизнь... Он пятнадцать лет был болен изнурительной болезнью, которая неуклонно вела его к смерти; но знал ли это читатель, — русский читатель, который слышал столько горьких писательских воплей? Больные любят свое привилегированное положение: часто самые сильные из них почти с наслаждением терзают окружающих злыми, горькими, непрерывными разговорами о своей болезни; но поистине было изумительно то мужество, с которым болел и умер Чехов! Даже в дни его самых тяжелых страданий часто никто не подозревал о них.

— Тебе нездоровится, Антоша? — спросит его мать или сестра, видя, что он сидит в кресле с закрытыми глазами.

— Мне? — спокойно ответит он, открывая глаза, такие ясные и кроткие без пенсне. — Нет, ничего. Голова болит немного.

(По книге И. Бунина «О Чехове»)*

* *Бунин Иван Алексеевич (1870–1953)* — русский писатель, первый лауреат Нобелевской премии по литературе из России (1933 год).

VIII. Жуковин был на три года старше Шута. Он уже окончил школу, год проработал на заводе.

«Дружить» с Жуковиным Шуту было проще, чем с Малышевым. Во-первых, жили они в одном доме, а во-вторых, Сергей постоянно был на виду, так как в свободное время ни минуты не мог сидеть без дела, такого, которое принято называть общественно полезным.

Полгода, например, потратил на то, чтобы выстроить во дворе дома детский городок. Настойчивостью своей, а пуще заразительностью идеи «пробил» через ЖЭК необходимые строительные материалы и почти без посторонней помощи создал нечто, о чем потом даже писали в газетах и показывали по телевидению.

Чего там только не было, в его «сказке, ставшей былью», как называли ее журналисты: и избушка на курьих ножках, и терем-теремок, и голова сказочного витязя, и даже русалка на ветвях сидела. Причем каждая конструкция выполняла не только воспитательно-эстетическую, но и утилитарную функцию: избушка на курьих ножках вращалась вокруг своей оси и служила каруселью, теремок в непогоду мог вместить в себя с десятков ребят, изо рта Головы спускалась горка, а к русалке крепились качели.

Другой пример. Дом, в котором жили Шут с Жуковиным, стоял на косогоре. В дождливое время и в гололедицу этот косогор превращался в неприступный вал Старого Изборска, и шедшим с остановки приходилось делать большой крюк, чтобы обойти косогор стороной и добраться до своего жилища. Те же, кто вопреки рассудительности выбирал кратчайший путь, случалось, расплачивались за свою дерзость: падали в грязь, растягивали суставы, а одна пожилая женщина даже сломала себе ногу. Сколько ни обращались в ЖЭК и прочие инстанции, сколько ни упрашивали, ни взывали, ни ругались — твердыня оставалась неприступной. Пока однажды один «удалившийся в тень рощи» в сердцах не обрушил на Жуковина гроздь, в общем-то, справедливого, но неправильно адресованного гнева: вот ты тут, дескать, в бирюльки играешься, а люди там ноги себе ломают — Сергей в этот период трудился по вечерам и выходным над детским городком.

На старика он не обиделся, даже, кажется, не ответил на его замечание, но через три дня на косогоре появилась широкая деревянная лестница, крашенная масляной краской и с перилами по бокам. На шумные восторги благодарной общественности Жуковин лишь вздыхал и оправдывался: «Жаль, что с бетоном не вышло. Прочнее была бы».

Безотказный парень. Колесо у коляски отвалится — вмиг приладит, замок сломался — какие проблемы, свет в квартире перегорел — да будет свет! Причем брался за любое предложенное ему дело с такой охотой (будто от скуки изнывал, и вдруг подвернулась ему счастливая возможность занять себя), что мало-помалу все в доме, даже совершенно незнакомые Сергею люди, в критической ситуации только к нему стали обращаться за помощью.

(По повести Ю. Вяземского «Шут»)*

* *Вяземский Юрий Павлович (род. в 1951 г.)* — русский писатель, философ, телеведущий.

IX. Прежде всего хочу представить вам человека, который имеет прямое отношение к моему рассказу: Феликс Евгеньевич Вишневский, заслуженный работник культуры РСФСР, хранитель Музея В.А. Тропинина, известный московский «потомственный» коллекционер, тонкий знаток произведений изобразительного искусства. Эксперт ряда комиссий, когда требуется особо ответственное «опознание» художественной работы.

В его коллекции — сотни блистательных произведений русских и зарубежных мастеров, собранных им в течение нескольких десятков лет. Но коллекционер он своеобразный, весьма не похожий на многих своих коллег. Его привлекает, как я заметил, не столько само приобретенное произведение, сколько процесс его поисков, сам путь исследования — от робкой гипотезы, шаткой догадки — к общему признанию специалистов, когда полотно или мрамор неизвестного автора в ходе реставрации, атрибуции, архивного «копания» оказывается творением большого мастера. Но столь блистательное завершение его поиска, часто многолетнего, кропотливого, как мне кажется, Феликса Евгеньевича уже не интересует. Ибо увлечен он уже другим поиском, иной находкой, разрешением очередной загадки.

Именно в этом смысл жизни его. Его страсть, его радость, счастье. И я понимаю старого собирателя; ведь картины — это нечто большее, чем простое коллекционирование. Он разыскивает и сохраняет для грядущих поколений вечное, неумирающее, что переживет столетия.

Еще одна черта симпатична мне в этом пожилом человеке, странном и прекрасном своей «всепоглощающей страстью», ничем другим, казалось, не интересующимся. Эта черта не типична порой для «типичного» собирателя: Вишневский не прячет своих сокровищ, он делает их экспонатами, выставляет на всеобщее обозрение. И делает это с охотой и удовольствием.

Более того, почти все свое огромное собрание Вишневский подарил Министерству культуры СССР. Еще раньше из небольшой части его удивительной коллекции был организован популярный ныне Музей В. А. Тропинина. Этот музей — дар Вишневого любимой Мо-

скве. Но и многие другие музеи страны с благодарностью помнят щедрость коллекционера, отдавшего им лучшие работы из своего собрания.

Часто я бываю в доме Вишневого на Щетининской, 10. Это адрес музея Тропинина. Музей расположен в комнатах нижнего этажа, а наверху живет Феликс Евгеньевич; здесь же, на втором этаже, разместилось и его собрание.

Хозяин — старый москвич. Весьма хлебосолен. Пьем чай, любимся холстами, которыми завешаны стены комнаты. И слушаю его рассказы о судьбах этих картин. Рассказы — занимательные, зачастую прямо-таки приключенческие. Поистине пути-дороги экспонатов его собрания бывают неисповедимы...

Бывает, что рассказы Вишневого о какой-либо находке вдруг открывают нечто неизвестное еще в жизни и творчестве знаменитых художников, то, что расходится с общепринятым мнением. Иногда Феликс Евгеньевич чуть приоткрывает завесу над этой неизведанностью, подсказывает путь к ее познанию.

А уж дальше сами идите... Что я? Ох, столько у меня неотложных музейных дел! И то надо, и се, и третье... Так что ищите истину сами.

Напутствие есть. Я ищу истину. Нахожу ее или нет? Не знаю. Но всегда узнаю что-то новое, необычное, неординарное.

(По очерку Е. Кончина «Загадка полустертой надписи»)*

* *Кончин Евграф Васильевич* — современный культуролог, писатель, журналист.

Х. Не случайно, я думаю, Антонию Погорельскому, автору загадочной русской литературной сказки «Черная курица, или Подземные жители», удалось проникнуть в тайники детской души. Он знал своего Алешу. Знал... как самого себя. Недаром кто-то назвал его произведение «мемуарами в виде волшебной сказки».

Антоний Погорельский — Алексей Алексеевич Перовский — Алеша.

«Сначала он никак не мог приучиться к мысли, что он разлучён с родными своими... когда наставала суббота и все товарищи его спешили к родным, тогда Алеша горько чувствовал свое одиночество. По

воскресеньям и праздникам он весь день оставался один, и тогда единственным его утешением было чтение книг»...

Почему Алеша Перовский хотел сбежать из пансиона? Может быть, он узнал, что Перовский — не настоящая его фамилия, что надменный вельможа, чью сухую руку он дома целовал по утрам, вовсе не «благодетель» и он не «воспитанник», а сын? Сын графа Алексея Кирилловича Разумовского. Незаконнорождённый. Сирота.

Он был мечтатель, веселый человек с ранимой душой. Сочинял стихи, много читал, знал иностранные языки, увлекался искусством, садоводством. За два года окончил Московский университет и прочёл три заключительных лекции по естествознанию на немецком, французском и русском языках. Лекция на русском была посвящена растениям: какие злаки, кусты, деревья было бы полезно размножать в России. Удостоен был за то высшей учёной степени доктора философских и словесных наук.

Служил без радости. Рос в чинах без восторга. Наконец решил надеть военный мундир — шла война с Турцией и Ираном. Неожиданно встретил сопротивление Разумовского, его оскорбившее. Граф обвинял сына в неблагодарности и лицемерии: прежнее, дескать, послушание диктовалось желанием получить имение. Пригрозил выгнать из дому. Но вот какое рыцарское письмо написал сын в ответ на грубые угрозы: «Можете ли Вы думать, граф, что сердце моё столь низко, чувства столь подлы, что я решусь оставить своё намерение не от опасения потерять Вашу любовь, а от боязни лишиться имения?.. Я думаю, что, вступая в военную службу в то время, когда отечество может иметь во мне нужду, я исполняю долг верного сына того, долг тем не менее священный, что он некоторым кажется смешным и презрительным...» И в заключение: «...я не прошу у Вас ни денег, ни какой-нибудь помощи; пускай нужда и нищета меня настигнут, я буду уметь их переносить; одно лишение Вашего благословения может меня погубить невозвратно».

А в войну 12-го года наш романтик становится штабс-ротмистром казачьего полка, участвует в сражениях. Рассказывают, он увлекал за собой отряд боевым кличем: «Пусть хоть тысяча французов!» Состоял затем старшим адъютантом при генерал-губернаторе королевства Саксонского князе Репнине, впитывал немецкую культуру и, конечно, увлекался Гофманом. С наградами вернулся в Петербург в 1816 году, полный литературных замыслов.

Если жизнь Перовского и похожа на сказку, то была эта сказка и печальной, и счастливой.

Разве не было счастьем первым назвать Пушкина «юным гигантом в словесности нашей» и предсказать ему великое будущее? И блистательно защитить от грубых наскоков критиков поэму «Руслан и Людмила»? Человек чести отстаивал честь другого — Пушкина! А тот восхитился остроумием своего защитника и навсегда стал его другом и почитателем его первой фантастической повести. Издавая её, Перовский взял псевдоним Антоний Погорельский. Хотя произведена эта фамилия от названия имения — Погорельцы, но есть в ней оттенок горечи.

В 1829 году Антоний Погорельский публикует свою великую сказку «Чёрная курица, или Подземные жители», сочинённую им для самого дорогого человека, племянника Алеши Толстого. Ему он открывает тайну творчества. Ему отдаёт свою любовь.

Отменным воспитателем оказался Алексей Алексеевич. Замечательное направление дал «неопытному и пылкому уму». В письмах незаметно внушал мальчику равное отношение к людям независимо от их социального положения. Учил понимать природу, любить отечество. Повез племянника в Италию. Тринадцатилетний Алеша Толстой с отроческой самоуверенностью записывал в дневнике, что легко отличает прекрасное от дурного и безошибочно определяет авторство великих живописцев и ваятелей.

Не без духовного участия Погорельского засияло в русской литературе ещё одно благородное имя — Алексея Константиновича Толстого, драматурга, прозаика, поэта. Его счастливое детство живёт в стихах. Детство, подаренное поэту поэтом.

Но нашёлся в доме человек, ничего не понимающий в искусстве. После смерти писателя управлял его имением некий Н. А. Бахметов (родственник жены Алексея Константиновича, С. А. Толстой). Был он большим любителем котлет. Украшал их бумажными кружевами. А для «папильоток», как тогда говорили, пользовался архивом Погорельского. Таким образом «съел» этот господин рукописи и письма Погорельского...

Не будем печалиться. Три Алеши по-прежнему с нами. Они говорят на близком нам языке — о жизни, о правде, о сказке.

*(По очерку Л. Кудрявцевой**
«Волшебное сновидение, или пробуждение души»)

* *Кудрявцева Лидия Степановна* (род. в 1934 г.) — искусствовед, художественный критик, член Московского союза художников, заслуженный работник культуры РФ.

XI.

12 ЧАСОВ 35 МИНУТ

Разомлевшие от жары командиры отрядов и эскадрилий сидели вокруг радиостанции в расстегнутых гимнастерках, держа шлемофоны в руках. Вдалеке под крыльями своих машин прятались в тень готовые к вылету экипажи. Жарко. По лицу радиста струйками стекает пот. Подошел Кузмичов. Он остановился около Кошечкина и шепотом спросил:

— Товарищ майор! Сто пятнадцатый давно на связи был?

— Последний раз минут пятнадцать тому назад...

— А сейчас?

— А сейчас молчат. Идут курсом и молчат... Чтоб не запеленговали.

— Ясно, — сказал Кузмичов и продвинулся вперед.

В это время из репродуктора понеслись разряды и неясное бормотание. Оживился весь командный пункт. Дорогин тревожно посмотрел на часы. И вдруг репродуктор заговорил голосом Архипцева, заговорил быстро, но очень четко:

— Рубин, Рубин! Я — Сокол-115... От Самохина слева идут пять машин! Это «фокке-вульфы»! Нет, шесть машин! Семь! Как слышите? Как слышите? Прием!

Все вскочили. Дорогин щелкнул тумблером и закричал в микрофон:

— Сто пятнадцатый! Вас понял!.. Уходите немедленно!

Архипцев сказал Гуревичу:

— Уходить надо!

— Женька! — крикнул Гуревич. — Внимание!

Он схватил Архипцева за плечо:

— Командир! Еще немного! Они могли подняться не с основной базы!

Быстро и точно Женька приготовил пулеметы к бою.

12 ЧАСОВ 37 МИНУТ

Из репродуктора звучал голос Архипцева:

— Рубин! Рубин! Аэродром где-то совсем близко! Прием!

Дорогин отчаянно закричал в микрофон:

— Архипцев! Не смей принимать бой! Уходи!.. Уходи!!! Прием...

Голос Архипцева тонул в пулеметных очередях:

— Рубин! Рубин!!! Не успеваю!.. Уйти не успеваю!..

Длинная пулеметная очередь заглушила голос Архипцева. Люди на КП стояли в бессильной ярости. Кузмичов, не отрываясь, смотрел в репродуктор...

Крутится сто пятнадцатый. То вверх, то вниз... Атакуют «фокке-вульфы». Пикирует сто пятнадцатый, пикируют за ним «фокке-вульфы»... Женька стреляет из пулемета, лицо перекошено. Ему очень мешает парашют. Кончились патроны в крупнокалиберном. Женька вставил новый магазин и сбросил с себя парашют. И опять стреляет Женька... Бьет из пулемета Гуревич. Архипцев сжал зубы и надавил на гашетки пушек. Задымился один «фокке-вульф», клюнул носом. Медленно переворачивается через крыло «фокке-вульф»... Летчик выпрыгивает и открывает парашют.

Секундная тишина, и на командном пункте прозвучал усталый голос Архипцева:

— Рубин!.. Я — сто пятнадцатый!.. Один готов!..

Молчание. Пулеметная очередь... И опять голос:

— Зонтик раскрыл, подлюга недобитая!

12 ЧАСОВ 40 МИНУТ

Совершенно мокрый Архипцев крикнул, глядя вперед:

— Женька, говори с землей!.. — и опять нажал на гашетки пушек.

— Женька! — крикнул Гуревич. — Дай Рубину координаты! От Самохина южнее три-пять километров! Расчет был верный!

Не отрываясь от пулемета, Женька закричал: — Рубин, Рубин!.. Я...

Репродуктор прокричал голосом Соболевского:

—...Я — сто пятнадцатый! — Затем раздался треск, не похожий на эфирный разряд, и репродуктор замолчал...

Гуревич растерянно повернулся к Архипцеву:

— Серега! Я пустой... У меня все... — Он оттолкнул пулемет и потряс Архипцева за плечо. — Серега!!!

Сергей нажал на гашетки и не услышал выстрела. Он испуганно посмотрел вперед и еще раз нажал на гашетки... Выстрела не было... Он повернулся к Гуревичу. Венька качнул головой. Стрелять было нечем...

12 ЧАСОВ 42 МИНУТЫ

Безоружный сто пятнадцатый упрямо шел вперед. Сверху стягивались истребители. «Фокке-вульфы» поняли, что сто пятнадцатый теперь не опасен, и строились вокруг бомбардировщика в правильное конвойное кольцо. Гуревич щелкнул переключателем рации, прислушался и сказал:

— Командир, рация не работает...

Архипцев смотрел вперед, держа машину ровно по горизонту. Со всем близко висели «фокке-вульфы».

— Прижимают, — сказал он. — Сажать будут. Гуревич посмотрел вперед и сказал в переговорное устройство:

— Женька! Нас будут сажать...

В кабине стрелка-радиста, прислонившись головой к разбитому передатчику, лежал Женька с открытыми мертвыми глазами. Впечатление было такое, что он очень устал и просто решил отдохнуть. И только глаза Женьки говорили, что он мертв. Из шлемофона, сползшего с Женькиной головы на плечо, неслись голоса Архипцева и Гуревича:

— Женья! Что с тобой? Почему ты молчишь? Женька! Ты ранен? Что с тобой? Рука Женьки лежала на разбитом, простреленном передатчике... Архипцев тревожно сказал:

— Женька! Говори! Ну хоть что-нибудь говори... Женька! Тебе плохо, да? Женья... Дотянись до аптечки, она над передатчиком!..

— Жека... — шепотом сказал Сергей. Он понял, что Женька не ответит.

12 ЧАСОВ 45 МИНУТ

Внизу приближался аэродром немцев. Конвой из шести «фокке-вульфов», расположившись кольцом вокруг сто пятнадцатого, вел его на свою базу. Они висели так близко, что Гуревич и Архипцев видели, как немцы-пилоты переговаривались между собой. Они разглядывали сто пятнадцатый, указывали на него пальцами и о чем-то трепались на одной волне. Потом истребитель, шедший впереди, взмыл вверх и совсем уже вплотную облетел сто пятнадцатый, вглядываясь

в лица Сергея и Веньки. Он что-то прокричал по радио, и следом за ним его маневр повторил каждый из «фокке-вульфов». Все они делали круг над кабиной сто пятнадцатого, по-разному разглядывая Архипцева и Гуревича... Наверное, немцы обменивались впечатлениями, так как после каждого облета пилот, занимавший свое место в конвойном строю, что-то весело кричал и все остальные хохотали. Сергей и Венька молча смотрели вперед.

7 АВГУСТА. 12 ЧАСОВ 47 МИНУТ

Впереди тянулась длинная полоса стоявших на земле «фокке-вульфов». Их было штук тридцать, и они стояли рядом с посадочной полосой аккуратно вытянутой линейкой. — Аэродром, Венька... — сквозь зубы сказал Сергей.

— Это тот, который мы искали... — сказал Гуревич.

— Много машин на стоянке... — сказал Сергей.

— Много... — эхом отозвался Гуревич.

— Веня... — Сергей посмотрел на Веньку и проглотил слюну.

— Давай, — сказал Гуревич, и крупные капли пота покрыли его лицо.

Архипцев слегка повернул штурвал, и через прозрачный низ кабины стало отчетливо видно, что через несколько секунд сто пятнадцатый пройдет прямо над немецкими самолетами, стоящими на земле.

— Женька, — спокойно сказал Архипцев. — Мы нашли этот аэродром...

— Ты слышишь, Женька! Мы его нашли... — хрипло сказал Гуревич.

Сергей отжал от себя штурвал, переводя сто пятнадцатый в пологое, но стремительное пикирование.

— Это ничего, что нас не будет... — задыхаясь, произнес Сергей.

Стоянка «фокке-вульфов» росла и мчалась ему на грудь. Со страшным воем сто пятнадцатый врезался в начало стоянки и прогрехотал, стирая с лица земли аккуратную линейку немецких истребителей.

ГОД 196...

Помните о них. Обязательно помните!.. Они погибли, как тысячи, тысячи других... Они хотели рисовать, играть на скрипке и учить детей арифметике... Они очень хотели жить.

*(По повести В. Кунина**

«Хроника пикирующего бомбардировщика»)

* *Ку́нин Владимир Владимирович (1927–2011)* — российский прозаик, драматург, сценарист.

ХII. В жаркий июльский день мы вместе с отцом отправились на станцию встречать маму. Вышли слишком рано и оказались на платформе минут за сорок до поезда. Корней Иванович не терпел пустот, перерывов в работе и, раздосадованный своей нерасчётливостью, перешёл рельсы, спрыгнул с платформы на закопчённый паровозной гарию грубый, крупный песок, согнулся в три погибели на насыпи возле пня и принялся писать, положив бумагу на пень. Я разлеглась поодаль, лениво выбирая любимые места из «Оливера Твиста» — книги, известной мне почти наизусть, — и не столько читала, сколько дивилась тому, что если прищурить глаза — песчинки, усыпавшие страницы, вырастают в валуны. Я прищуривалась, стряхивала песок, снова щурилась.

Повыше нас, там, где кончалась насыпь и уже начинался лесок, двое мальчиков разжигали костёр. Корней Иванович всё поглядывал на них, поднимая голову от своего пня. Он любил костры, мастерски разжигал их и прыгал через такое высокое пламя, что душа моя уходила в пятки. Я каждую минуту ждала: вот-вот он отложит работу, встанет и подойдёт к костру. Но мальчишки от огня прикурили, закашлялись, и он отвернулся с брезгливостью. Курящие дети всегда оскорбляли его. Мальчишки затоптали костёр и побросали окурки. (Пачкать окурками лес! Это тоже его всегда оскорбляло.) Мальчики же изобрели для себя новую забаву. Они спустились на путь и, перепрыгивая рельсы навстречу один другому, начали, соревнуясь, непристойно ругаться.

Корней Иванович вскочил, сунул мне в руку карандаш и листок и в три шага оказался возле мальчишек.

— Вы это что? — заорал он. — Молчать сию же минуту!

Они, нагло глядя ему в лицо, продолжали.

Тогда он схватил за шиворот одного, потом другого и обоих кинул на плотный песок.

Они поползли, потом поднялись, поглядывая на него уже не с вызовом, а с боязнью — не исколотит ли? — потом отряхнулись и побежали вверх. И там, на высоте, среди сосен, почувствовав себя в

безопасности, показывая ему нос и приплясывая, снова начали скверно ругаться.

Он помчался наверх за ними. Двоих он не мог бы поймать, но одного, при своей длиннорукости, ухватил бы наверняка. Он мчался наверх, а на меня из-под его огромных ног наплывали чёрные потоки песка.

И вдруг, пробежав всего полдороги, он остановился. Он стоял неподвижно, понуро, как бы вглядываясь в песок и не делая ни шагу ни вверх, ни ко мне. Мальчишки торжествуяще плясали, а один, расхрабрившись, даже швырнул в него шишкой.

— Бедные вы, бедные! — выкрикнул вдруг Корней Иванович тем надрывным, рыдающим голосом, каким читал особенно любимые стихи. И всхлипнул. — Обворовали вас. Никто-то вам ничего не рассказывал, ничего-то вы на свете не слышали, кроме этих гнусных слов...

Он махнул рукой и пошёл вниз. На обеих его щеках висели слёзы. Я потерянно взяла его за руку. Не знаю, нашлась ли бы я что-нибудь сказать, но тут раздался нарастающий грохот.

— Папа, поезд! — крикнула я, и мы, схватив книгу, карандаш и бумагу, побежали к платформе.

*(По книге Л. Чуковской**

«Памяти детства. Воспоминания о Корнее Чуковском»)

* Чуковская Лидия Корнеевна (1907–1996) — редактор, писательница, публицист, мемуаристка, диссидент. Дочь Корнея Чуковского.

ХIII. Фильченко ничего не приказал товарищам. Он вышел из блиндажа и исчез в громе пушечной стрельбы с набегающих танков и в скрежете их механизмов, гнущих подорожные камни. Он подполз к повороту шоссе и замер на время в ожидании.

Одинцов и Паршин, подобно Фильченко, подвязали к поясам по гранате и вышли на огонь навстречу машинам противника. Они увидели Фильченко, залегшего у поворота дороги, куда должны выйти танки в обход подбитых машин, и притаились во вмятине земли. Они понимали, что теперь им важнее всего пробыть живыми еще хоть несколько минут, и берегли себя пугливо и осторожно.

Фильченко тоже волновался: он тревожился, что ошибся в расчете — и танки не выйдут на шоссе, а пойдут по обочине с той стороны. И пока он перебежит через шоссе и доберется до машины, его рассекут из пулемета и он умрет, как глупая кроткая тварь, — на потеху врага. Он томился, вслушиваясь в приближающийся ход машины по ту сторону дорожной насыпи, и боялся, что это последнее счастье минует его. Стреляли теперь с машин реже и только из пушек, направляя огонь по тому рубежу обороны, который находился ближе к Севастополю, позади моряков. На флангах, в удалении все время слышалась стрельба из винтовок и автоматов — там небольшие подразделения черноморцев сдерживали въедающихся вперед немцев.

Передний танк перевалил через шоссе еще прежде поворота и начал сходить по насыпи на ту сторону, где находился Фильченко. Командир машины, видимо, хотел идти на прорыв рубежа обороны по полевой целине.

Мощная тяжелая машина сбавила ход и теперь осторожно свергалась с откоса земли; водитель, должно быть, не желал гнать ее как попало и снашивать ее дорогое устройство. Жалкие живые былинки, росшие по откосу, погибшая овца и чьи-то давно иссохшие кости равно вдавливались ребрами танковых гусениц в терпеливый прах земли.

Фильченко приподнял голову. Настала его пора поразить этот танк и умереть самому. Сердце его стеснилось в тоске по привычной жизни. Но танк уже сполз с насыпи, и Фильченко близко от себя увидел живое жаркое тело сокрушающего мучителя, и так мало нужно было сделать, чтобы его не было, чтобы смести с лица земли в смерть это унылое железо, давящее души и кости людей. Здесь одним движением можно было решить, чему быть на земле — смыслу и счастьем жизни или вечному отчаянию, разлуке и гибели.

И тогда в своей свободной силе и в яростном восторге дрогнуло сердце Николая Фильченко. Перед ним, возле него было его счастье и его высшая жизнь, и он ее сейчас жадно и страстно переживает, припав к земле в слезах радости, потому что сама гнетущая смерть сейчас остановится на его теле и падет в бессилии на землю по воле одного его сердца. И с него, быть может, начнется освобождение мирного человечества. Перед ним была его жизненная простая судьба, и Николаю Фильченко было хорошо, что она

столь легко ложится на его душу, согласную умереть и требующую смерти, как жизни.

Он поднялся в рост, сбросил бушлат и в одно мгновение очутился перед бегущими сверху на него жесткими ребрами гусеницы танка, дышавшего в одинокого человека жаром напряженного мотора. Фильченко прицелился сразу всем своим телом, привыкшим слушаться его, и бросил себя в полынную траву под жующую гусеницу, поперек ее хода. Он прицелился точно — так, чтобы граната, привязанная у его живота, пришлась посредине ширины ходового звена гусеницы, и приник лицом к земле с последним вздохом любви и ненависти.

Паршин и Одинцов видели, что сделал Фильченко, они видели, как остановился на костях политрука потрясенный взрывом танк. Паршин взял в рот горсть земли и сжевал ее, не помня себя.

— Коля умер, — сказал Одинцов. — Нам тоже пора.

Пять свежих танков появились на шоссе и стали медленно спускаться по откосу, обходя подорванную машину.

Двое моряков поднялись.

— Даниил! — тихо произнес Паршин.

— Юра! — ответил ему Одинцов.

Они словно брали к себе в сердце друг друга, чтобы не забыть и не разлучиться в смерти.

— Эх, вечная нам память! — сказал, успокаиваясь и веселя, Паршин.

Они побежали на танки, сделав полукруг, чтобы встретить их грудь в грудь. Но Одинцов упал к земле прежде, чем успел встретить машину вплотную, потому что пулеметчик с танка почти в упор начал сечь свинцом грудь краснофлотца. Одинцов, умирая, силой одного своего еще бьющегося сердца напряг разбитое тело и пополз навстречу танку — и гусеница раздробила его вместе с гранатой, превратив человека в огонь и свет взрыва.

Паршин, подбежав к другому танку, ухватился за служебный поручень и успел прокатиться немного на чужой машине, а затем, услышав взрыв на теле Одинцова, оставил поручень и отбежал от танка вперед по его ходу. Там Паршин сбросил бушлат и обнажил на себе живот с гранатой, чтобы враги видели того, кто идет против них. А

затем, подождав, когда танк приблизился к нему, свободно и расчетливо лег под гусеницу.

Остальные, еще целые танки приостановились на шоссе и на сходах с него. Потом они заработали своими гусеницами одна навстречу другой и пошли обратно — через поlynное поле, в свое убежище за высотой. Они могли биться с любым, даже самым страшным противником. Но боя со всемогущими людьми, взрывающими самих себя, чтобы погубить своего врага, они принять не умели. Этого они одолеть не умели, а быть побежденными им тоже не хотелось.

*(По повести А. Платонова**
«Одухотворенные люди»)

* Платонов Андрей Платонович (1899–1951) — русский писатель XX века.

XIV. При отце мама меня никогда не наказывала. В основном воспитанием моим занимался отец, не прибегавший ни к каким крайним мерам. Но когда он долго отсутствовал, она начинала волноваться, становилась раздражительной, и все это валилось на мою голову. Думаю, что я была довольно отвратительная девчонка. Я была непоседой, вечно лазила куда не полагается, одетая падала с мостков в озеро, застревала в грязных лужах, нещадно пачкала и рвала свои платья. Последний летний год была еще и увлекательная игра в индейцев. Тут прибавилось еще и лазанье по деревьям: шалаши строились в ветвях, высоко над землей, чтобы дикие звери не могли добраться. Я повисала на сучьях, прыгала с высоты, разбивая колени и локти. Наконец после долгих, тщетных призывов: «Лена, домой!» исцарапанная, всклокоченная, с кровоточащими коленками, являлась я пред очи моей матери... И она, измученная своими мыслями: «Володя не едет, Володя не пишет, в городе беспокойно» (кто осмелится бросить в нее камень?), обрушивалась на меня со всею силой своей нервной страстной натуры. Тогда она еще не умела управлять своими чувствами, в чем впоследствии преуспела. Она кричала на меня, трясла меня за плечи, что я особенно ненавидела, и даже привязывала за ногу к кровати запутанным узлом, чтобы я с места не могла двинуться.

Милая, бедная моя мама, если бы она знала, как раскаиваюсь я под конец своей жизни за каждое причиненное ей огорчение. А их было так много!

(По книге воспоминаний Е. Юнгер «Все это было...»)*

* Юнгер Елена Владимировна (1910–1999) — советская актриса, автор мемуаров.

XV. Я знаю, какую незалечимую рану в сердце носят Михаил Худолеев и его жена, но он обрывает себя на полуслове.

Работящность и несколько угрюмая положительность отличали его с давнишних колхозных времен. Замуж за него вышла Фруза, девушка грамотная, красивая и любительница читать книги. С годами они сжились, хватили вместе всего, что приходится на долю обзаводящихся своим домом молодых по выходе из общего двора. Пошли у них дети, и дети были на радость. Старшая дочь их, Женя, помню, удивила меня, когда приезжал я сюда незадолго до войны, и своим редкостным сходством в лице с матерью, и редкостной жадой к учению, к книжкам — опять же материнской чертой.

Помню; разводит девочка самовар, а огонь в нем что-то не берется, и она, раскрасневшись, голубоглазая, темнобровая, как Фруза, стоит над ним, чуть вобрав голову в плечи, с застенчивостью, не то связанностью, за которой легко угадывается материнский характер, крепкий, порывистый и добрый. И помню, как она, помогая матери собирать на стол, по одному взгляду ее срывалась с места что-нибудь принести, подать, убрать. И всякий раз девочка возвращалась к книжке, раскрытой на подоконнике,

В сорок втором году в мой фронтовой адрес как-то дошло письмо мецо Михаила Худолеева, лежавшего тогда в госпитале после ранения. Не жаловался он ни на что, но тоска по своим, оставшимся под немцами в полной безвестности, горечь солдатского сиротства проникала все это письмо.

А в сорок третьем году я по случайности попал в дивизию, которая шла в Смоленск и очищала от немцев мои родные места. Фрузы я в Загорье не встретил,— сказали, что она, спасаясь от угона в плен, подалась с младшими детьми к какой-то далекой родне. А про Женю

я узнал, что она помогала партизанам. Какая это была помощь, в подробности неизвестно, но когда стала гореть изба Худолеевых, подожженная немецкими карателями, то начали рваться патроны. Немцы, видя такую улику, стали загонять людей в огонь, стреляя из автоматов. И Женя кинулась к ним, что-то крича по-немецки и заслоняя собой остальных женщин и детей. Что она кричала, никто тогда разобрать не мог. «Она была такая гордая и так их всегда ненавидела», — вот в точности слова, которые я много раз слышал от моих односельчан о Жене. Похоронена она вместе с другими расстрелянными на огороде, неподалёку от того места, где теперь стоит сооруженная ее отцом изба...

(По очерку А. Твардовского «В родных местах»)*

* *Твардовский Александр Трифонович (1910–1971)* — советский поэт, журналист, главный редактор журнала «Новый мир» на протяжении ряда лет.

XVI. Новая квартира привела меня в восторг. Четыре комнаты — анфиладой. Первая комната — папин кабинет. Потом — столовая, единственная с двумя окнами. За ней — спальня и моя с няней детская. Там стояла даже маленькая школьная партa с поднимающейся крышкой. Папа собирался отвести меня в этом году в приготовительное училище. А на будущий год уже в настоящую школу.

...Боже мой, вот пишу сейчас это и как будто снова туда возвращаюсь на столько лет назад! Так и вижу зеленовато-серую, узорчатую печку в углу столовой. Папа любил ее сам топить по вечерам. А потом, когда начались затруднения с продуктами, а ему удалось раздобыть окорок, он использовал ее как холодильник, к моему великому изумлению. Вдоль стены — синий диван с высокой спинкой. Здесь отец читал мне «Бориса Годунова», а мама — «Князя Серебряного». На длинной книжной полке выделяется четыре больших и толстых синих тома Пушкина, таких знакомых и дорогих. Напротив маленький резной дубовый буфетик, такие же стулья вокруг стола — мамино приданое.

Мне так нравилось наше уютное жилье. Здесь все было — «тут» — в этом маленьком пространстве. Я видела, как папа бреется перед

маленьким зеркалом в столовой, повесив его на оконный шпингалет, видела, как лечит простуженное горло. Я слушала, как мама, принимая в ванной прохладный душ, напевно читает стихи. Может быть, потому, что это нравилось и папе? Он даже написал ей такое стихотворение:

Ты не знаешь, как приятно слушать
Твой милый голос,
Когда ты читаешь
Под пестрой лампой, за чаем,
Японские рассказы.
Я тихонько мешаю сахар
И слежу, как чайники,
Кружась и танцуя,
Собираются постепенно
Все в одну горку...
И не понимаю ни слова.
Только слышу
Твой милый голос
Под пестрой лампой
Где-то далеко-далеко...
И улыбаюсь.

В этом доме прошла самая счастливая пора моего детства. Казалось бы, насыщенная и необъятная. И только теперь осознаю: ведь это всего-навсего четыре года! Мгновение — в моем долгом существовании!

(По книге воспоминаний Е. Юнгер «Все это было...»)*

* Юнгер Елена Владимировна (1910–1999) — советская актриса, автор мемуаров.

XVII. — Вы спрашиваете, как я выжил в плену?

До войны, когда я еще не был механиком, я работал грузчиком на Каме, силенка была, не жаловался, к тому же вообще организм у меня здоровый, но главное — это то, что не хотел я умирать, воля к сопротивлению была сильна. Я должен был вернуться в строй бойцов за родину, и я вернулся, чтобы мстить врагам до конца!

Когда меня перевели в мой последний лагерь, там все было устроено так: высокие столбы, обнесенные колючей проволокой, ни навеса над головой, ничего. Кормили так же, но изредка вместо сырого проса давали по кружке вареного гнилого зерна... Вдобавок ко всему в октябре наступили холода, беспрестанно шли дожди, по утрам были заморозки. Мы жестоко страдали от холода.

Так шли дни, словно в тяжком сне. С каждым днем я слабел все более. Теперь меня мог бы свалить на землю и ребенок. Иногда я с ужасом смотрел на свои обтянутые одной кожей, высохшие руки, думал: «Как же я уйду отсюда?» Вот когда я проклинал себя за то, что не попытался бежать в первые же дни. Что ж, если бы убили тогда, не мучился бы так страшно теперь.

Пришла зима. Мы разгребали снег, спали на мерзлой земле. Все меньше становилось нас в лагере... Наконец было объявлено, что через несколько дней нас отправят на работу. Все ожили. У каждого проснулась надежда, хоть слабенькая, но надежда, что, может быть, удастся бежать.

В эту ночь было тихо, но морозно. Перед рассветом мы услышали орудейный гул. Все вокруг меня зашевелилось. А когда гул повторился, вдруг кто-то громко сказал:

— Товарищи, наши наступают!

И тут произошло что-то невообразимое: весь лагерь поднялся на ноги, как по команде! Встали даже те, которые не поднимались по нескольку дней. Вокруг слышался горячий шепот и подавленные рыдания... Кто-то плакал рядом со мной по-женски, навзрыд... Я тоже... я тоже... — прерывающимся голосом быстро проговорил лейтенант Герасимов и умолк на минуту, но затем, овладев собой, продолжал уже спокойнее: — У меня тоже катились по щекам слезы и замерзали на ветру... Часовые открыли стрельбу по нас из пулеметов и автоматов, раздалась команда: «Лежать!» Я лежал, вдавив тело в снег, и плакал, как ребенок. Но это были слезы не только радости, но и гордости за наш народ. Фашисты могли убить нас, безоружных и обессиливших от голода, могли замучить, но сломить наш дух не могли, и никогда не сломят! Не на тех напали, это я прямо скажу.

В землянке пахло плесенью и сосновой смолой. Лейтенант Герасимов сидел на скамье, согнувшись, положив на колени огромные кисти

рук со скрещенными пальцами. Глядя на него, невольно я подумал, что это там, в лагере для военнопленных, он привык сидеть вот так, скрестив пальцы, часами молчать и тягостно, бесплодно думать.

— Вы спрашиваете, как мне удалось бежать? Сейчас расскажу. Вскоре после того, как услышали мы ночью орудейный гул, нас отправили на работу по строительству укреплений. Морозы сменились оттепелью. Шли дожди. Нас гнали на север от лагеря. Снова было то же, что и вначале: истощенные люди падали, их пристреливали и бросали на дороге...

Впрочем, одного унтер застрелил за то, что он на ходу взял с земли мерзлую картофелину. «Все это собственность германского государства, — сказал унтер, широко поводя вокруг рукой. — Всякий из вас, кто самовольно что-либо возьмет, будет убит».

В деревне, через которую мы проходили, женщины, увидев нас, стали бросать нам куски хлеба, печеный картофель. Конвой открыл стрельбу по окнам, а нам приказано было идти быстрее. Но ребяташки — бесстрашный народ, они выбегали за несколько кварталов вперед, прямо на дорогу клали хлеб, и мы подбирали его. Мне досталась большая вареная картофелина. Разделили ее пополам с соседом, съели с кожурой. В жизни я не ел более вкусного картофеля!

Укрепления строились в лесу.

В этот же день перед вечером я решился: вылез из ямы, которую мы рыли, взял лопату в левую руку, подошел к охраннику...

Часовой, видимо, что-то заметил в выражении моего лица. Он сделал движение плечом, снимая ремень автомата, и тогда я нанес удар лопатой ему по лицу. Я не мог ударить его по голове, на нем была каска. Силы у меня все же хватило, немец без крика запрокинулся навзничь.

В руках у меня автомат и три обоймы. Бегу! И тут-то оказалось, что бегать я не могу. Нет сил, и баста! Остановился, перевел дух и снова еле-еле потрусил рысцей. За оврагом лес был гуще, и я стремился туда. Уже не помню, сколько раз падал, вставал, снова падал... Но с каждой минутой уходил все дальше.

Приближались сумерки. Но если бы немцы сумели напасть на мой след и приблизиться, — только последний патрон я приберег бы для себя. Эта мысль меня ободрила, я пошел тише и осторожнее.

На другой день меня подобрала партизаны. Вначале они относились ко мне с некоторым подозрением, потом, когда я стал принимать

участие в их операциях, отношение ко мне сразу изменилось. Еще там открыл я счет убитым мною фашистам, веду его до сих пор, и цифра помаленьку подвигается к сотне.

В январе партизаны провели меня через линию фронта. Около месяца пролежал в госпитале. Удалили из плеча осколок, мины, а добытый в лагерях ревматизм и все остальные недуги буду залечивать после войны. Из госпиталя отпустили меня домой на поправку. Пожил дома неделю, а больше не мог. Затосковал, и все тут! Как там ни говори, а мое место здесь до конца.

Прощались мы у входа в землянку. Задумчиво глядя на залитую ярким солнечным светом просеку, лейтенант Герасимов говорил:

— ...И воевать научились по-настоящему, и ненавидеть, и любить. На войне все чувства отлично оттачиваются. Казалось бы, любовь и ненависть никак нельзя поставить рядышком, а на войне это не так. Тяжко я ненавижу фашистов за все, что они причинили моей родине и мне лично, и всем сердцем люблю свой народ. Именно эти два чувства, воплощенные в действие, и приведут к нам победу. Извините, если это замысловато сказано, но я так думаю, — закончил лейтенант Герасимов и впервые за время нашего знакомства улыбнулся простой и милой, ребяческой улыбкой.

А я впервые заметил, что у этого тридцатидвухлетнего лейтенанта, надломленного пережитыми лишениями, но все еще сильного и крепкого, как дуб, ослепительно белые от седины виски. И так чиста была эта добытая большими страданиями седина...

(По рассказу М. Шолохова «Наука ненависти»)*

* Шолохов Михаил Александрович (1905–1984) — русский советский писатель, лауреат Нобелевской премии.

XVIII. Кажется, что благородство и чистота — привилегии частной жизни, они не касаются общества, не влияют на общество. Общество не может быть полностью благородно, в нем есть «чистые» и «нечистые», и именно на это рассчитывают те, кто привык управлять людьми. В подавлении их воли стоящие наверху апеллируют к слабости, к страху и инстинкту самосохранения, к темному в человеке, к низкому в человеке. Но они всегда посягают на высокое,

проигрывают высокому — проигрывают, конечно, исторически, а не сиюминутно.

Высокое существует, как его ни усмирай, как ни топчи. Об этом свидетельствует книга Е. Керсновской «Наскальная живопись». Здесь автор и герой сходятся в одном образе, и автор предстает как лицо стоическое, хотя это всего-навсего слабая женщина, обреченная быть растоптанной государством. Поставленная в условия, в которых для того, чтобы выжить, надо превратиться в зверя, она не просто выживает, а возвышается в сопротивлении. С ней происходит то же самое, что с девушкой из сказки о жабах и розах, рассказанной на страницах «Наскальной живописи». Эта сказка повествует о том, как злая мачеха-колдунья, желая погубить свою падчерицу, наслала на нее трех жаб. Серая, Зеленая и Черная жабы должны были отнять у девушки ее ум, ее красоту и ее доброту. «Но была та девушка так чиста и невинна, что злые чары потеряли силу и превратились жабы в розы: Серая жаба — в красную, Зеленая жаба — в розовую, а Черная жаба — в прекрасную белую розу».

Не в сказке, а в жизни, и не злая колдунья, а казавшаяся ей феей-освободительницей Советская власть бросила Е. Керсновскую в телячий вагон и отправила по этапу из Бессарабии в Сибирь. Она наслала на героиню тьму жаб, и каждую из них та обратила в цветок: там, где должно было возрасти зло, возросло добро, на место уродства явилась красота, а низкое преобразилось в высокое. Ее душу, наделенную даром «отталкивать грязь» и «превращать жаб в розы», не погубили ни унижения, ни холод, ни голод, ни искушения мести, ни ожесточение.

Есть красота лица и красота сердца. Красота автора «Наскальной живописи» — красота сердца. Она освящена любовью к отцу, к матери, к Богу. Собственно, любовь к Богу для нее — любовь к ближнему, к тому, кто нуждается в помощи, в поддержке. А там, где была Е. Керсновская, в них нуждался каждый.

Как ни странно, не эгоизм, не чувство самозащиты, не припрятывание последней корки, картофелины, куска сахара спасли эту женщину, а жертва, дележ этой последней корки, последнего куска с теми, кто был слабее, кто был ближе к гибели, чем она.

«Ты заговоренная», «за тебя кто-то молится», — говорили ей товарищи по несчастью. Но то был заговор всей ее жизни, заговор веры,

заговор чистоты. Ее защитили и собственные руки, которые с детства привыкли к любой работе: она и каторжный труд смогла обратить в радость. При этом ее берегла мысль, что у нее есть мать, что они встретятся и их маленькая семья воссоединится. Брошенные в разные концы света, они не разлучались, и соединяли их не телеграф, не почта, а слова молитвы. Кажется, молитва — это дым, это музыка слов, едва слышных молящемуся и гаснущих на расстоянии. Для Е. Керсновской это непрекращающаяся связь между теми, кто помнит друг о друге, не забывает друг друга и посылает страждущему слова любви. Они заменяют хлеб, воду, тепло. Они спасут от смерти.

Не раз маячил перед автором «Наскальной живописи» призрак самоубийства, однако ужас перед преступлением поднял ее со дна отчаяния.

Так же поднимают записки Е. Керсновской читателя. Это поразительный в современной литературе пример, когда отрицательные факты, отрицательное описание (я имею в виду страшный разоблачающий материал) не несут уныния, не несут упадка духа. Наоборот, поднимаешься на какую-то высоту, дотягиваешься до высоты, на которой стоит автор, и, кроме благодарности за то, что он поднял тебя туда, не испытываешь ничего.

«Запомни мои слова, — наставляет Евфросинию один из ссыльных, — никогда ничем не делись. Скрывай свои мысли... Скрывай, если тебе в чем-нибудь повезет... Скрывай боль, скрывай страх: страдания и страх сделают тебя слабой, а слабых добивают: таков закон волчьей стаи! Скрывай радость... ее не прощают, но прежде всего скрывай каждый кусочек хлеба...». И хотя, как добавляет Е. Керсновская, жизнь не опровергла ни одного из этих постулатов, и люди оказывались по отношению к ней более жестокими, чем природа, она «продолжала делать свои ошибки».

Нет, все-таки красота истины и добра не мнимая величина, не химера — это сила, против которой бессильно любое оружие, любое наваждение, любые жабы.

(По статье И. Золотусского
«Жабы и розы»)*

* *Золотусский Игорь Петрович (род. в 1930 г.) — историк литературы, писатель, литературный критик.*

ХІХ. О том, что должен быть приказ Верховного главнокомандующего, мы узнали восьмого мая. Приказ, после которого наступит мир!

И все-таки Победа пришла внезапно.

Мы прыгали, кричали, целовались. В парке под цветущими липами накрыли праздничные столы и выпили за мир. Вечером где-то далеко, в Москве, Родина салютовала победителям. Мы устроили свой салют: стреляли вверх цветными ракетами, палили из пистолетов, кричали «ура»...

В этот день мы надели платья. Правда, форменные, с погонами. И туфли. Не сапоги, а туфли, сшитые по заказу. Их привезли на машине. Полный кузов — выбирай! Настоящие туфли, коричневые, на среднем каблучке... Конечно, не ахти какие, но все же туфли. Ведь войне конец!

Пришла Победа. Это слово звучало непривычно. Оно волновало, радовало и в то же время, как ни странно, немножко тревожило...

Мир... Он нес с собой большое, хорошее. Мир — это было то, ради чего мы пошли на фронт, за что погибли наши подруги, это была новая жизнь, которую мы еще так мало знали. Пожалуй, большинство из нас основную часть своей сознательной, по-настоящему сознательной, жизни провели на войне. Где будет теперь наше место?

Четыре года... Мы ушли в армию, когда нам было девятнадцать, даже восемнадцать. За эти годы мы повзрослели. Но, в сущности, настоящая жизнь, с ее повседневными заботами и тревогами, для нас еще не начиналась. Никто из нас толком не знал, что его ждет впереди. Одни мечтали учиться. Вернуться в институты, к прерванной учебе. Другие хотели летать...

С наступлением мира всех потянуло домой. Сразу. Захотелось остро, до боли в сердце, туда, где нас ждали, где все — такое знакомое, близкое, свое, где Родина...

Люди по-разному представляют себе Родину. Одни — как дом, в котором они родились, или двор, улицу, где прошло детство. Другие — как березку над рекой в родном краю. Или морской берег с шуршащей галькой и откос скалы, откуда так удобно прыгать в воду...

А я вот ничего конкретного себе не представляю. Для меня Родина — это щемящее чувство, когда хочется плакать от тоски и счастья, молиться и радоваться.

Родина...

(По повести Н. Кравцовой «От заката до рассвета»)*

** Кравцова Наталья Фёдоровна (1922–2005) — военная лётчица во время Великой Отечественной войны, гвардии лейтенант, Герой Советского Союза. После войны — писательница, автор большого количества очерков и рассказов.*

**Напишите номера текстов, содержание которых
соответствует данным направлениям**

Направления	№№ текстов
В р е м я	
Д о м	
Л ю б о в ь	
П у т ь	
Г о д л и т е р а т у р ы	

ОТВЕТЫ

Часть 1

Время

№ текста	Аспекты	Тезисы
I	Отношение человека ко времени, в которое он живет	Нельзя сетовать на время, в которое мы живем. Жизнь всегда посылает испытания, и при этом каждая эпоха посылает человеку и радости, ведь есть вечные ценности, которые не зависят от эпохи.
II	Отношение человека к современности	У человека иногда формируются ошибочные представления о других эпохах. Мы часто сопоставляем, сравниваем разные периоды в истории человечества не в пользу своего времени. Нам порой несправедливо кажется, что наше время сложнее предыдущей и будущей эпох. Нельзя по отношению к своему времени проявлять высокомерие, осуждать его. Нужно активно участвовать в жизни, а не тосковать по иным эпохам.
III	Соотношение времени и искусства	Время не только врачует при помощи забвения. Оно сохраняет память о живших когда-то людях при помощи искусства, делая их бессмертными. Многое неподвластно времени: это мудрые мысли и «душевная жизнь» наших предков, это память об их достижениях.

№ текста	Аспекты	Тезисы
IV	Размышление о взаимосвязи времен, об «историческом» времени	Попытка обратиться к прошлому, «войти» в так называемое историческое время дает возможность, во-первых, ощутить взаимосвязь времен, во-вторых, лучше понять свою эпоху.
V	Время и судьба художника	Судьба не может сломить художника, если он является истинным творцом. Время «работает» на такого художника: мастерство его растет, а тяжелейшие, невосполнимые утраты лишь усиливают желание творить. Парадоксально, что удары судьбы, посланные временем, лишь усиливают желание художника работать, а в мастерстве он доходит до совершенства.
VI	Влияние эпохи на формирование мировоззрения молодого поколения	Та или иная эпоха часто оказывает определяющее воздействие на формирование мировоззрения не только отдельного человека, но и целых поколений. Так, в беседах и спорах вернувшихся из военных походов офицеров в начале XIX века оформилась мысль о необходимости свободы в России. В это время в Петербурге, по словам Ю. Лотмана, рождался новый человек — человек декабристской эпохи.
VII	Время и нравственный выбор человека	Люди по-разному ведут себя в тех условиях, которые им диктует время, и писатели не являются исключением. Среди них есть приспособленцы, которые готовы ради житейского благополучия на беспринципные, подчас абсурдные поступки. А есть и бескомпромиссные художники, которые не хотят поступиться нравственными принципами ради материальных благ.

№ текста	Аспекты	Тезисы
VIII	Связь жизни конкретного человека с эпохой, в которую он живет	Патриотически настроенный человек ощущает свою неразрывную связь со временем. Время для него — это достижения родной страны и испытания, выпавшие на ее долю, которые он воспринимает как свои личные. Такой человек ощущает себя частью своей страны.
IX	Искусство как средство отражения времени	Искусство помогает сохранить связь времен. Многие художники видят смысл своей жизни и деятельности в том, чтобы сохранить культурные ценности для потомков, восстановить утраченное.
X	Зависимость судьбы художника от времени, в которое он живет // Соотношение нравственного выбора человека и времени	Время часто влияет на судьбу талантливого человека. Например, судьба художника в сталинское время зависела от отношения к нему власти: деятель искусства мог быть «обласкан» властью или, наоборот, по инициативе властей могла быть организована травля писателя, приведшая к разрушению жизни художника. // Нравственный выбор человека не всегда зависит от времени, в которое он живет. Этот выбор определяется прежде всего личностными качествами самого человека, не позволяющими себе идти на компромисс с совестью (поведение рассказчицы).
XI	Зависимость судьбы человека от времени, в которое он живет	Судьба человека часто зависит от времени, в котором он живет. Например, известно, насколько губительно воздействовала эпоха сталинизма на

№ текста	Аспекты	Тезисы
		судьбы отдельных людей, в том числе талантливых, неординарных, ярких личностей.
ХП	Отношение человека ко времени, в которое он живет, и способность противостоять ударам судьбы	Человек не властен выбирать время, в которое он живет. Однако то, как человек принимает удары судьбы, в большой степени зависит от него самого. Невыносимые условия существования могут по-разному восприниматься человеком в зависимости от силы воли и нравственных качеств: в одних и тех же условиях одни теряют человеческий облик, другие же сохраняют чувство собственного достоинства.

Дом

№ текста	Аспекты	Тезисы
I	Многозначность понятия Дом	Дом — это многогранное философское понятие: дом — это весь мир (мир — вселенский дом); дом — духовное пристанище; дом человека как гнездо для птицы, защита, возможность обрести покой; дом — счастье, воплощенная сказка.
II	Дом как планета	Планета — наш общий дом. Мы должны помнить об ответственности за все, что происходит на нашей планете, ведь от этого зависит и само существование человечества.

№ текста	Аспекты	Тезисы
III	Дом, Родина как средоточие важных для каждого человека понятий	Мы редко задумываемся о том, с чего для нас начинается Родина. Чувство любви к Родине возникает у нас в детстве, хотя оно в это время не всегда поддается анализу и существует лишь в знакомых образах. Она может ассоциироваться у нас со звуками голоса матери, с друзьями, с родными, знакомыми местами. Когда мы взрослеем, наша любовь к родной стране становится осознанной.
IV	Дом как родная земля	Россия — наш общий дом. Человек, любящий Родину, не может представить ее захваченной врагами. Чувство родной земли вызывает у человека желание ее защищать.
V	Дом как малая родина, место, где мы родились	Патриотизм начинается с любви к малой родине и с гордости за своих земляков, которые стали известными людьми. Необходимо знать историю земли, на которой ты родился, быть патриотом своего края. Нужно понимать, что место твоего рождения является неотъемлемой частью всей России.
VI	Дом как малая родина	Любовь к родине проявляется в понимании того, что ее необходимо защищать. Долг каждого мужчины — быть защитником Отечества.
VII	Дом как город детства Природа как дом	Чувство родины возникает у человека в детстве. Город детства взрослый человек вспоминает как место счастья. Родная природа является для многих с детства воплощением родины.

№ текста	Аспекты	Тезисы
VIII	Дом как место, в котором мы живем	Патриотизм человека проявляется в равнодушном отношении к тому месту, где он родился, к его малой родине и ее истории.
IX	Дом как жилище	Дом, в котором мы живем, даже если он внешне не совершенен, — это часть нашей жизни. Если ему угрожает опасность, каждый из нас должен делать то, что он может, чтобы защитить его.
X	Москва как столица Дома-России	Москва — национальная святыня, сердце России, духовное пристанище для каждого русского человека. Она приносит утешение всем страждущим: заблудшим и болящим.
XI	Столица как дом, как символ страны	Москва — символ всей России, твердыня, а для многих людей — «родина духа, счастья, труда». Для таких людей невыносима мысль, что ее можно оставить в то время, когда ей грозит опасность.
XII	Москва как олицетворение России	Москва, по мнению писателя Е. Осетрова, — олицетворение страны не только для жителей столицы. Многие люди отождествляют ее со всей Россией. Кремль — сердце столицы, а Георгиевский зал в нем — «живая летопись нашей славы».
XIII	Дом (улица) как часть городского пространства	У человека, любящего свой город, обычно есть в нем любимые места (улица, бульвар, площадь), которые благотворно влияют на его душевное состояние, в которых он любит побыть в одиночестве, поразмышлять.

№ текста	Аспекты	Тезисы
XIV	Родная улица как олицетворение Отечества — общего Дома	Родная улица, вызывающая у человека высокие чувства, часто становится для него воплощением страны. Где бы ни был человек, любовь к этой улице остается неизменной.
XV	Дом (двор) как часть городского пространства, как место духовного единения людей.	Горожане помнят те места (двор, улица), где прошли их детство и юность. Такие места часто объединяют людей. Мы воспринимаем и помним эти места как свою духовную родину, как место взросления.
XVI	Дом как семья	Воспоминания о счастливом детстве часто бывают связаны с домом: с семейными обычаями, праздниками, домашним уютом и теплом.
XVII	Дом как жилище; строительство дома	К строительству дома в крестьянских семьях относились как к священнодействию. Это было частью русской культуры. «Защитный уют родной избы» возникал как результат усилий многих людей по созданию домашнего очага, как результат следования определенному укладу жизни, традициям при создании внутреннего убранства помещения, соответствующим «эстетике крестьянского быта».
XVIII	Дом как место объединения людей	Дом объединяет людей, а самовар — это символ дома, воплощение уюта, одна из семейных ценностей, «огонь хозяйственный и тепло духовное, внутреннее». Самовар стал признаком домашнего благополучия и вы-

№ текста	Аспекты	Тезисы
		ражением «бытовой народной эстетики». В тяжелые времена он был в крестьянском доме и лекарем, и утешителем.
XIX	Дом как семья, традиции воспитания	Воспитание в крестьянской семье основывалось на соединении игры с трудом. Труд и игра в крестьянской семье были неразделимы: дети, играя, приобретали первые трудовые навыки и помогали взрослым.
XX	Дом, семья как воспитатель	В крестьянской семье детям уделялось большое внимание. Воспитание детей подчинялось неписаным нравственным законам.
XXI	Комната как часть жилища, дома	Человек, у которого было счастливое детство, часто вспоминает свой дом и то, что было в нем особенно привлекательным. Образ какого-либо предмета (камина, картины) может остаться в памяти на всю жизнь.
XXII	Кабинет как отражение личности хозяина дома	Каждый дом (жилище) отражает душевные склонности, интересы хозяев. Вещи в доме — это не только предметы быта, элементы материальной культуры, но и отражение души человека, его представлений о красоте.
XXIII	Дом как отражение личности хозяев	Стремление к накопительству, вещизм — проявление бездуховности человека. Любовь к материальным ценностям не должна преобладать над духовными стремлениями.

№ текста	Аспекты	Тезисы
XXIV	Дом как история рода	Необходимо интересоваться своим генеалогическим древом, предшествующими поколениями, так как память о них — «важнейший признак культуры».
XXV	Дом как родовое гнездо	Дом является связующим звеном между разными поколениями в одной семье.
XXVI	Дом как семья; идеальная семья	Идеальный дом, идеальная семья — это образец для подражания. Такой дом может стать родным даже для постороннего человека. Хорошая семья — это дружная семья; — это трудолюбивая семья; — это гостеприимная семья. В такой семье духовные интересы преобладают над материальными. Такая семья всегда окажет поддержку тем, кто попал в беду.
XXVII	Дом как семья	Отношения в семье должны строиться не на расчете, пусть даже разумном, а на любви. Если в доме царит лицемерие, дети это чувствуют, страдают от этого и стремятся выразить протест. Семья, в которой отношения между взрослыми неискренние, не может считаться образцовой.
XXVIII	Дом как семья; негативное влияние неблагополучной семьи на детей	Психологическая обстановка в доме, его уклад, нравы родителей влияют на формирование личности ребенка. Если отношения между взрослыми нездоровые, это пагубно сказывается на детях.

Любовь

№ текста	Аспекты	Тезисы
I	Разные аспекты понятия Любовь	Любовь — это всеобъемлющее понятие, недаром различные проявления этого чувства называются одним словом. Так, например, существует любовь к Родине, любовь между мужчиной и женщиной, любовь между родителями и детьми, любовь между родственниками, любовь к природе, любовь к искусству, любовь к чтению, любовь к родному языку. Все эти виды любви сосуществуют «в духовном единстве». Однако есть, тем не менее, определенная иерархия между различными видами любви: например, любовь к Родине важнее любви к антоновским яблокам.
II	Любовь к Родине (патриотизм)	Во время войны любовь к Родине проявляется и у солдат на передовой, и у ополченцев, которые хотя и не были призваны в армию, но не могли остаться в стороне в то время, когда враг подходил к Москве. Они не могут воевать с оружием в руках, но тоже вносят свой вклад в дело защиты Отечества.
III	Любовь к родине	Даже человек, покинувший родину по разным причинам, часто продолжает любить ее, испытывая ностальгию, и старается помочь бывшим соотечественникам в трудное время.

№ текста	Аспекты	Тезисы
IV	Любовь к родине	Зачастую любовь к родине проявляется особенно сильно, когда человек оказывается за ее пределами. Ностальгия становится настолько невыносимой, что человек, находящийся вдали от родины, даже перестает дорожить жизнью.
V	Первая любовь	Память о первой любви остается с человеком на всю жизнь и помогает ему в трудное время. Настоящая любовь и эгоизм несовместимы. Любящий человек не должен проявлять чувство собственности по отношению к любимому.
VI	Первая любовь	Подростки, переживающие первую любовь, очень ранимы. Защищая свое чувство, проявляя чувство собственного достоинства, подростки способны на неожиданные, решительные поступки. Поэтому по отношению к влюбленному человеку нужно проявлять тактичность, деликатность.
VII	Любовь между мужчиной и женщиной	Любовь к близкому человеку способна совершить чудо: спасти человека от неизлечимой болезни.
VIII	Любовь между мужчиной и женщиной	Брак должен основываться на взаимной любви. Нельзя стать счастливым, если любимый человек не разделяет чувства любящего.
IX	Любовь между мужчиной и женщиной,	Материальное благополучие не должно быть главной причиной для вступления в брак.

№ текста	Аспекты	Тезисы
	любовь в семье	Нельзя жертвовать интересами родного человека из-за собственного эгоизма. Любовь к близкому человеку и лицемерие несовместимы.
X	Любовь между мужчиной и женщиной	Любовь и практицизм часто несовместимы, искренние чувства не могут сочетаться с расчетом.
XI	Любовь между мужчиной и женщиной	Любовь проверяется в трудную минуту. По-настоящему любящий человек готов на любые жертвы ради спасения любимого. Мы должны уметь ценить те жертвы, на которые идет любящий нас человек, и стараться проявить благодарность.
XII	Любовь между мужчиной и женщиной	Высокие отношения между людьми, чувство духовной близости могут сохраниться на всю жизнь, повлиять на дальнейшую судьбу человека. Такие отношения могут войти в историю культуры, стать для многих людей эталоном, образцом для подражания.
XIII	Любовь между мужчиной и женщиной	Подлинность и сила чувств проверяются в экстремальной ситуации. Война и любовь, казалось бы, несовместимы, но именно война может стать мерилем того, насколько сильна любовь.
XIV	Любовь к родителям	Человек должен проявлять по отношению к родителям любовь и великодушие, несмотря ни на что, видеть в них в первую очередь достоинства, а не недостатки.

№ текста	Аспекты	Тезисы
XV	Любовь между родителями и детьми	Нужно любить и уважать родителей, нельзя эксплуатировать их любовь. Проявив жестокость, эгоизм по отношению к родителям в детстве и юности, человек впоследствии часто раскаивается в содеянном, но исправить ошибки уже невозможно. Материнская любовь безгранична. Настоящая мать способна на любые жертвы ради ребенка, порою она готова даже простить ему проявление жестокости по отношению к ней.
XVI	Любовь к родителям	Любовь детей к родителям может проявляться во многом: в заботе, в ласковых словах. Даже непрактичный, казалось бы, бессмысленный подарок, купленный сыном для матери, может стать показателем того, насколько сильна его любовь.
XVII	Отношения между родителями и детьми	Человек обязан платить благодарностью родителям, которые часто жертвуют многим ради детей, а не принимать эти жертвы как само собой разумеющееся. Родители часто расплачиваются за свою слепую любовь. Принося неоправданные жертвы своему ребенку, они формируют в нем такие черты, как безответственность, бессердечие, эгоизм, от которых страдают в первую очередь они сами.
XVIII	Отношения между родителями и детьми	Нельзя приносить себя в жертву детям. Безрассудная материнская любовь часто формирует из избалованных детей законченных эгоистов.

№ текста	Аспекты	Тезисы
XIX	Любовь матери к дочери	Материнская любовь является всепрощающей. Часто мать жертвует многим, несмотря на эгоизм детей. Безграничная любовь матери может пробудить добрые чувства даже в душе эгоистичного ребенка.
XX	Любовь животного к своим детенышам	Любовь животного к своим детенышам часто заставляет его совершать отчаянные, несвойственные ему поступки, чтобы спасти малышей.
XXI	Любовь к матери	Мать — самый близкий человек для каждого из нас, и особенно остро это ощущается, когда она уходит из жизни.
XXII	Любовь к матери	Для человека родители являются защитой, стеной, которая отгораживает его от вечности.
XXIII	Любовь между родителями и детьми	Непростая ситуация складывается в семье, в которой один из родителей встретил новую любовь. Трудно всем: и тому, кто уходит, и тому, от кого уходят, и детям, которые в силу своего возраста воспринимают такой уход как предательство. В этих условиях важно сохранить добрые отношения между бывшими членами семьи, проявить благородство, постараться понять и простить.
XXIV	Любовь между родителями и детьми	Любовь между родителями и детьми проявляется в том, что они стремятся доставить радость друг другу. Принимая друг от друга даже ненужные им подарки, они лукавят, делают вид, что рады, чтобы доставить удовольствие любимому человеку, не огорчить его.

№ текста	Аспекты	Тезисы
XXV	Любовь между родственниками (деда к внучке)	Любовь — одна из самых важных жизненных ценностей. Когда приходится выбирать между материальными благами и любовью к родному человеку, человек чаще (порой даже не задумываясь) делает выбор в пользу любви.
XXVI	Любовь между родственниками (внука к бабушке)	Любовь к близкому человеку заставляет искать выход из самой трудной, даже, казалось бы, безнадежной ситуации. Любящий человек часто готов поступиться своими интересами ради того, кого он любит.
XXVII	Любовь между родственниками (бабушки к внукам)	Любовь к близким людям способна совершить невероятное: найти скрытые резервы организма, восстановить силы человека, находящегося при смерти. Ради спасения дорогих людей можно найти в себе силы жить, несмотря ни на что.
XXVIII	Любовь между родственниками (бабушки к внучке)	В процессе воспитания детей необходимо, чтобы желание сделать ребенка счастливым преобладало над страхом перед опасностью избаловать его. В семье, в которой взрослые (родители, бабушки и дедушки) иногда пренебрегают прописными истинами в вопросах воспитания и следуют в поступках своей интуиции, подчиняются тому, что им диктует любовь, дети вырастают по-настоящему счастливыми. На такие поступки ребенок отвечает горячей благодарностью, они запоминаются на всю жизнь.

№ текста	Аспекты	Тезисы
XXIX	Любовь к природе	Любовь к природе должна выражаться не на словах, а в поступках. Такая любовь должна быть тесно связана с бережным к ней отношением, желанием сохранить ее.
XXX	Любовь к природе	Необходимо помнить, что животные — «братья наши меньшие» и что к ним нужно относиться с любовью и уважением, а не использовать их для развлечения.
XXXI	Любовь к природе, любовь к людям	Если человек любит природу, то даже простенькое, незатейливое растение может вызвать любовь, восхищение, желание оберегать это растение, заботиться о нем. Любовь к людям выражается в готовности делиться с ними тем, что нам нравится, в стремлении преодолеть эгоизм.
XXXII	Любовь к природе	Зачастую люди не ценят окружающую природу, не замечают ее и воспринимают как само собой разумеющееся. Когда же они ее утрачивают, то понимают, насколько эта утрата невосполнима. Цивилизация диктует свои законы, природе приходится уступать, порою это неизбежно, но нам трудно с этим смириться. Утрата, уничтожение природы вызывает горькие чувства.
XXXIII	Любовь к искусству	Человек любит искусство, потому что оно пробуждает в его душе глубокие чувства.

№ текста	Аспекты	Тезисы
XXXIV	Любовь к культуре, к искусству	Следует с уважением, даже с трепетом относиться к культурным ценностям, так как они являются достоянием страны, с их помощью можно понять, осознать связь времен.
XXXV	Любовь к искусству	Надо не только любить произведения искусства, но и уважать, ценить их создателей.

Путь

№ текста	Аспекты	Тезисы
I	Путь как процесс самовоспитания, формирования личности	Человек должен обладать чувством собственного достоинства, не нужно заниматься самоуничижением. Надо стремиться к адекватной самооценке. Человек должен осознавать, что такое воспитанность, порядочность, интеллигентность, и на протяжении всей жизни должен формировать в себе эти качества, занимаясь самовоспитанием, самосовершенствованием.
II	Путь как выбор человеком жизненных ценностей	Когда человек выбирает жизненный путь сам, вопреки пожеланиям «благодетелей», он готов идти на любые лишения ради достижения цели. Человек, имевший в начале жизненного пути высокую цель, сам проложивший грудью дорогу в жизнь, может не заметить, как изменил себе, как у него сменились жизненные ориентиры: например, желание зани-

№ текста	Аспекты	Тезисы
		маться наукой сменилось стремлением к материальным благам.
III	Выбор человеком жизненного пути	Человек, являясь в начале жизни хозяином своей судьбы, часто под влиянием обстоятельств или в силу слабости характера становится инертным, начинает «плыть по течению», считая, что его судьба predetermined рождением, семьей, средой.
IV	Жизненный путь человека с ограниченными с детства возможностями. Отношение человека к тяжелым испытаниям, которые посылаются ему на жизненном пути	Насколько интересной, разнообразной и полезной для общества будет жизнь человека, зависит от него самого. Даже люди с ограниченными с детства возможностями способны, бросив вызов судьбе, достигнуть многого и прожить яркую жизнь.
V	Выбор жизненного пути человеком, с которым произошла трагедия; обретение им смысла жизни	Некоторые люди способны, несмотря на случившуюся с ними беду, найти в себе силы продолжать жить и даже обнаружить в себе скрытые резервы, например, творческие возможности.
VI	Путь человека, смысл жизни которого — помощь людям	Человек может сделать главной целью в жизни помощь другим людям и следовать этой цели всю жизнь. Именно высокая цель и делает человека сильным, а в экстремальной ситуации он не только находит в себе силы выжить, но и помогает выживать другим людям, являясь при этом образцом стойкости.

№ текста	Аспекты	Тезисы
VII	Путь человека как утверждение свободы духа, высоких нравственных качеств	Человек, оказавшийся в тяжелейших жизненных обстоятельствах, может сохранить, несмотря на это, высокие нравственные качества: «способность различать добро и зло», желание бороться с ложью. Этому способствует чувство внутренней свободы, умение побороть страх, стремление найти спасение в труде. Такой человек может «вынужденную рабскую зависимость преобразовать в свободное служение духа».
VIII	Выбор человеком жизненного пути в юности	Родители часто решают за ребенка, какую профессию он должен выбрать, даже в том случае, когда его склонности и способности очевидны уже в детстве и противоречат желанию родителей. Как правило, в этом случае их ребенок не может достигнуть успеха в профессии. Выбор жизненного пути человек должен делать самостоятельно.
IX	Выбор жизненного пути человеком искусства	Если одаренный человек предает свой талант во имя материального благополучия, результат его труда, скорее всего, не будет иметь ничего общего с настоящим искусством.
X	Выбор человеком профессии	Выбор жизненного пути не по собственному желанию, не исходя из собственных интересов и способностей, а по совету родителей приводит к тому, что человек оказывается несостоятельным в профессии и

№ текста	Аспекты	Тезисы
		этим губит свою жизнь. Если же профессия напрямую связана с жизнью и здоровьем других людей, результаты деятельности такого человека могут пагубно сказаться на этих людях.
XI	Путь человека с ограниченными возможностями (обретение им смысла жизни)	Тот, кто в силу различных жизненных обстоятельств становится человеком с ограниченными возможностями, может приобрести интересную профессию и достигнуть в ней больших результатов, если он обладает сильным характером.
XII	Разные пути, которые выбирают для себя люди с ограниченными возможностями: достойный и недостойный	Люди, которые имеют заслуги перед обществом, поступают по-разному. Одни считают, что окружающие обязаны ценить их за былые заслуги. При этом в настоящем такие люди могут вести себя недостойно. Другие же ведут себя скромно, достойно, стараются не привлекать внимания к своей беде, и это вызывает уважение окружающих.
XIII	Путь будущего ученого к цели	Человек, который поставил себе в юности цель достичь высоких результатов в избранной им области (профессии), поражает окружающих своей целеустремленностью: он идет на самоограничение во многом, постоянно занимается самообразованием, не оставляя времени на отдых. Такие люди, как правило, добиваются больших успехов.

№ текста	Аспекты	Тезисы
XIV	Путь крупного ученого как образец для молодежи	Путь настоящего ученого — это достижения в науке, научные экспедиции, деятельность по созданию научных организаций. Как правило, истинный ученый обладает и замечательными личностными качествами и служит образцом для молодежи.
XV	Жизнь знаменитого путешественника — это путь открытий, это приобретение новой информации о мире	Жизнь выдающихся путешественников, открывших новые земли, была чревата опасностями, современники не всегда могли оценить по достоинству их открытия, однако потомки обязательно воздают по заслугам людям, благодаря которым человечество приобретает новые знания о
XVI	Путь людей общественно значимых профессий как пример служения всему человечеству	Есть люди, которых знают во всем мире. Это те, кто выполняет высокую миссию служения человечеству. Это выдающиеся ученые, деятели искусства, «врачи без границ». Каждого из них можно назвать гражданином мира.
XVII	Путь человека, который не только успешен в своей профессии, но и занимается благотворительностью	Некоторые люди, которые добились огромных успехов в профессии, на протяжении многих лет занимаются благотворительностью, отдавая свое свободное время тем, кому нужна помощь. Помогая нуждающимся, делая их счастливыми, они, по словам В. Спивакова, «живут в ладу с самими собой».

№ текста	Аспекты	Тезисы
XVIII	Жизненный путь энциклопедиста — это путь человека, обладающего глубокими знаниями в разных областях и стремящегося узнать еще больше	Есть люди (писатели, ученые), которые посвятили свою жизнь приобретению знаний. Таких людей называют энциклопедистами. Их жажда познания настолько велика, что они порой сожалеют, что у них только одна жизнь, поэтому они не успеют получить все знания, накопленные человечеством за многие века.
XIX	Выбор жизненного пути подростком	Подростковый период в жизни каждого человека — это время самоопределения, это время, когда человек стремится понять, осмыслить свое место в жизни. Часто в этот период мечтают о ярком жизненном пути, об интересе к себе со стороны других людей, о славе.

Год литературы

№ текста	Аспекты	Тезисы
I	Взаимосвязь литературы и жизни	Литература и жизнь взаимосвязаны, так как в их основе лежат одни и те же ценности. Литература помогает нам лучше понимать людей, а жизнь — лучше воспринимать произведения искусства. Каждый человек уникален, поэтому путь каждого человека к пониманию высших ценностей индивидуален. Важен результат этого пути: лучшее понимание жизни, людей.

№ текста	Аспекты	Тезисы
II	Творческое воображение писателя; воздействие художественного произведения на читателя	Основа творчества писателя — воображение. Оно помогает передать читателю сокровенные мысли автора. Хорошая книга пробуждает в читателе лучшие душевные качества, учит восприимчивости к чужой боли.
III	Книги и формирование личности человека	Книги играют огромную роль в процессе формирования нравственных качеств детей и подростков. Особенно важна роль книги в формировании личности будущего мужчины: рыцаря, защитника, воина.
IV	Выбор книг для детского чтения	Правильный выбор книг для чтения ребенка очень важен, особенно в раннем возрасте. Под влиянием хорошей литературы формируются представления человека о жизни и его нравственные качества.
V	Воздействие книги на душу ребенка	Огромна роль книги в детском возрасте, потому что детская душа особенно восприимчива, именно чтение пробуждает в ребенке лучшее. Книга не знает географических границ, она объединяет детей разных национальностей. Книга, по словам Мамина-Сибиряка, является «предметом высшего духовного порядка, несущего в себе яркую печать таланта и святого труда», поэтому недопустимо варварски обращаться с книгой, даже если она стоит дешево.

№ текста	Аспекты	Тезисы
VI	Роль родителей в формировании читательских интересов ребенка	Очень важно прививать любовь к чтению с раннего детства. Пример родителей в этом случае трудно переоценить. Для ребенка дорого все, что связано с книгой, даже книжный шкаф может вызывать его восхищение и трепетное отношение.
VII	Значение приключенческой литературы для формирования интереса ребенка к чтению	Приключенческая литература имеет большое значение для формирования читательских интересов ребенка: она пробуждает любовь к чтению, а также имеет познавательное значение, расширяет кругозор.
VIII	Возникновение интереса к чтению. Влияние литературы на формирование личности человека	Любовь к чтению может возникать по-разному. Например, ребенок может случайно заглянуть в книгу и с этого момента стать увлеченным читателем. Художественная литература открывает перед подростком новый, увлекательный мир, будит фантазию, меняет представления о жизни, влияет на формирование личности.
IX	Связь книги с выбором дела жизни, профессии	Человек может пойти на многие жертвы, чтобы приобрести книгу, жизненно важную для него, связанную с его будущими профессиональными интересами.
X	Роль учителя литературы в формировании	Талантливый учитель словесности заражает учеников своей любовью

№ текста	Аспекты	Тезисы
	нии читательских интересов школьников	к литературе. Под его влиянием они становятся хорошими читателями.
XI	Выбор книги для чтения	Выбор книги для чтения мы чаще всего осуществляем по совету того, кто нам дорог (друг, одноклассник, член семьи), чье мнение для нас важно. По словам Д. Пеннака, в нас живут книги и друзья.
XII	Преодоление боязни «толстой» книги	Подростки боятся брать книгу в руки, особенно толстую, из-за страха, что чтение отнимет все свободное время. Простая арифметика, практика показывает, что книги читаются быстро. Начав читать, подростки быстро входят во вкус и получают от чтения огромное удовольствие.
XIII	О чтении вслух. Какие преимущества имеет чтение вслух	К сожалению, мы все реже читаем вслух, а ведь многие писатели делали это постоянно, понимая, что магия звучащего слова велика, звучащий текст оказывает наиболее сильное воздействие на слушателя и читателя. Если же книгу читает вслух читатель, она может многое сказать о нем слушателю.
XIV	Выбор книги: почему не надо бояться давать детям книги, не соответствующие их возрасту	Ребенок может читать серьезные, «взрослые» книги. Он может пропускать те места в них, которые ему кажутся непонятными, неинтересными, зато то, что он может понять, он воспримет эмоционально, остро, как это возможно только в детстве и отрочестве.

№ текста	Аспекты	Тезисы
XV	Выбор книги: почему не нужно бояться откладывать чтение книги, которая тебе непонятна	Книгу для чтения нужно выбирать по своему вкусу, не стесняясь того, что какая-то книга еще «не по зубам» или она просто не нравится. Книги с годами не стареют, и случается, что встреча с какой-нибудь из них впереди, она может произойти в более зрелом возрасте.
XVI	Выбор книги: об отличии хорошей книги от плохой	Плохой роман отличается от хорошего тем, что он делается по шаблону, в нем есть дешевый блеск, но нет присутствия автора. Только благодаря значительному читательскому опыту можно научиться отличать хорошую книгу от плохой, сделать правильный выбор книги для чтения.
XVII	Нужно ли иметь специальное время для чтения	Если человек утверждает, что у него нет времени на чтение, это часто просто отговорка. Для чтения не нужно выбирать специальное время, ведь чтение, по мнению Д. Пеннака, — это образ жизни.
XVIII	Познавательная и художественная литература. Сходство и отличия. Роль литературы в нашей жизни	Роль книг в образовании взрослого человека играет главную роль. Существуют познавательная и художественная литература, которые имеют сходство и различия. Сходство между ними заключается в том, что они воздействуют на разум и чувства. Различия между ними в том, что, во-первых, цель научно-популярных книг — сообщить точные сведения о мире и челове-

№ текста	Аспекты	Тезисы
		ке, а цель художественной литературы — пробуждение высоких чувств; во-вторых, научная литература отражает реальность, а художественная использует вымысел, художественные образы. Литература в целом, по мнению Чернышевского, должна давать читателю различные знания, развивать в нем привычку мыслить и поддерживать в нем любовь ко всему прекрасному и доброму.
XIX	Книга как связующее звено между поколениями	Книга, по словам Герцена, является «духовным завещанием одного поколения другому», то есть в ней содержится духовный опыт наших предков. Книга — это связь прошлого с настоящим и будущим. Надо уважать книгу, потому что она сохранила и передает нам мысли тех, кто покинул этот мир.
XX	Значение библиотеки в общественной жизни. Библиотека как связующее звено между читателем и книгой	Ценность общественных библиотек заключается, во-первых, в том, что можно пролистать, просмотреть книгу, которая тебя заинтересовала; во-вторых, в том, что в библиотеке возникает чувство общности с теми людьми, которые тоже читали эту книгу («с безымянным братством других читателей»); в-третьих, в том, что в библиотеке есть библиотекарь — квалифицированный помощник в выборе книги; в-четвертых, в том, что книги в библиотеке выдаются бесплатно.

№ текста	Аспекты	Тезисы
		Книга должна быть противопоставлена «массе легких развлечений».
XXI	Отношение к книге	Художественная литература играет огромную роль в нашей жизни. Даже в экстремальных ситуациях, например на войне, некоторые люди не забывают о книге, и она помогает им в трудностях. Книга имеет для человека как материальную, так и духовную ценность. Мы должны помнить, что книга — это явление как материальной, так и духовной культуры. Несмотря на то что книга сейчас стала доступной любому читателю, нужно бережно относиться к ней, так как она не теряет своего значения и в двадцать первом веке.
XXII	Роль литературы в нашей жизни	Трудно переоценить роль книги в нашей жизни. Литература должна являться для нас нравственным ориентиром. Чтение должно быть для каждого ежедневной работой. Государство должно заботиться о том, чтобы книги были доступны любому человеку.
XXIII	Роль писателя в формировании личности читателя	У поэта особая миссия — быть учителем для взрослых.
XXIV	Выбор книги: перечитать классическое	Когда в связи с нехваткой времени приходится останавливаться на ка-

№ текста	Аспекты	Тезисы
	произведение или познакомиться с новинками литературы	кой-нибудь одной книге, лучше отдавать предпочтение не новинкам литературы, а книгам, проверенным временем. Следует перечитывать классические произведения. В одном только Пушкине, по словам Ю. Нагибина, «таятся такие глубины, что не хватит жизни добраться до дна».
XXV	Круг детского чтения: нужно ли включать в него книги о печальном?	В круг детского чтения должны входить не только веселые, развлекательные произведения, так как литература — средство познания жизни, а жизнь многогранна. Именно книги о печальном формируют нравственные качества ребенка, учат его сопереживать.
XXVI	Соотношение понятий «писатель» и «нравственность»	Понятия «личность писателя» и «нравственность» неразделимы. Также нельзя разделять личность писателя и его творчество. Писатель должен быть духовным наставником читателя, поэтому не стоит читать произведения писателя, который проповедует безнравственные идеи.
XXVII	Отношение к поэзии	Восприятие произведений классической литературы, особенно стихов, требует внимания, не следует читать их и слушать всуе. Это должно быть не поверхностное, а медленное, углубленное чтение, и во время такого чтения не должно быть никаких помех.

№ текста	Аспекты	Тезисы
XXVIII	Что значит быть настоящим писателем	Писателем, по мнению многих классиков, может стать только тот, кто, во-первых, пишет не ради материального благополучия и славы, а потому, что испытывает в этом душевную потребность; во-вторых, настоящий писатель должен видеть разницу между нравственным и безнравственным, иметь нравственный идеал и стараться передать его читателям; в-третьих, он должен обладать большой работоспособностью и многократно переделывать написанное, добиваясь лучшего результата, стремясь к совершенству.
XXIX	Произведение литературы в восприятии современников писателя	Современники редко по достоинству оценивают новое слово в литературе. Часто талантливое произведение, опережающее свое время, встречает непонимание со стороны читателей, и писатель должен быть готов к этому. Только время определяет истинную ценность произведения.
XXX	Роль читательского опыта в оценке качества литературного произведения; соотношение формы и содержания в литературном произведении	Нельзя отделять в произведении форму от содержания, так как это одно целое. Важно не только то, о чем написана книга, но и то, как, насколько талантливо она написана. Только читательский опыт позволяет давать правильную оценку художественному произведению.

№ текста	Аспекты	Тезисы
XXXI	Знание жизни — обязательное условие литературного творчества (труда)	Чтобы стать большим писателем, недостаточно художественного таланта. Писателю необходимы знание жизни, жизненный опыт, наблюдательность.
XXXII	Отношение писателя к оценке его творчества окружающими, критикой; отношение писателя к чужому успеху	Любой писатель должен обладать творческой смелостью, верить самому себе, а не советам окружающих. Писатель не должен болезненно воспринимать критику, а должен сохранять чувство собственного достоинства. Большой писатель чужд зависти, он искренне радуется чужому успеху.
XXXIII	Писатель и успех; писатель и чувство личной свободы	Главным элементом творчества, по мнению Чехова, является чувство личной свободы. Писатель не должен зависеть от чужого влияния. Писатель должен работать не ради успеха, он не должен предпринимать никаких усилий, чтобы стать популярным.
XXXIV	Отражение действительности в художественных произведениях	Жизнь многогранна, и писатель должен стараться быть объективным и изображать жизнь такой, какая она есть.
XXXV	Отношение к литературному наследию	Необходимо бережно относиться к культурному наследию. Музеи, музеи-квартиры писателей должны не только сохранять и демонстрировать посетителям предметы быта, связанные с жизнью выдающихся людей, но и являться культурными

№ текста	Аспекты	Тезисы
		центрами, где посетители могут прослушать лекции о творчестве того или иного писателя, приобрести необходимую литературу о нем, а также посмотреть небольшие спектакли или литературные композиции по произведениям этого писателя.
XXXVI	Отношение писателя к популярности	Настоящий писатель работает не ради славы, часто его тяготит излишняя популярность.
XXXVII	Отражение «уродливых нравов» жизни в сатирических произведениях	Литература отражает жизнь. Писатель-сатирик испытывает горечь, боль, когда сталкивается с «уродливыми нравами» в обществе, но не может не писать о них.
XXXVIII	Нравственный облик писателя	Многие писатели стараются быть «исправителями нравов» не только в литературе, но и в жизни. Человек, избравший литературное поприще, должен помнить о том, что служение литературе предполагает наличие в писателе высоких нравственных качеств, так как для читателя его произведения неотделимы от его личности.
XXXIX	Судьба бумажной книги как части духовной и материальной культуры	Надо с горечью признать то, что бумажные носители информации постепенно вытесняются электронными, а с бумажной книгой, с отказом от письменности в прежнем понимании уходит огромная и незаменимая часть нашей культуры.

Справочное издание

**Назарова Татьяна Николаевна
Скрипка Елена Николаевна**

ДОПУСК К ЕГЭ Практикум

**для подготовки к итоговому сочинению
в 2015–2016 учебном году**

Издательство **«ЭКЗАМЕН»**

Гигиенический сертификат
№ РОСС RU. АЕ51. Н 16678 от 20.05.2015 г.

Главный редактор *Л. Д. Лапто*
Редактор *М. В. Фин*
Технический редактор *Л. В. Павлова*
Корректоры *Г. М. Морозова, Н. Е. Жданова*
Дизайн обложки *Л. В. Демьянова*
Компьютерная верстка *М. А. Серова*

107045, Москва, Луков пер., д. 8.
www.examen.biz

Е-mail: по общим вопросам: info@examen.biz;
по вопросам реализации: sale@examen.biz
тел./факс (495)641-00-30 (многоканальный)

Общероссийский классификатор продукции
ОК 005-93, том 2; 953005 — книги, брошюры, литература учебная

Отпечатано в «Красногорская типография»
143405, Московская область,
г. Красногорск, Коммунальный квартал, 2
www.ktprint.ru

**По вопросам реализации обращаться по тел.:
(495)641-00-30 (многоканальный).**